

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№2 (29) / 2021

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент
КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент
ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук
КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент
СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **И94267**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 25.06.2021.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 20,46.
Тираж 150 экз. Заказ № 412.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 30.06.2021.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2021.

В НОМЕРЕ

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Пучков О. А.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ:
МАТЕМАТИЗАЦИЯ, СТАНДАРТИЗАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ 6

Панкевич Н. В., Руденко В. В.

САМОИЗОЛЯЦИЯ КАК ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: ОПЫТ РОССИИ 16

Тищенко А. В.

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ 24

Административное право и процесс

Винокурова М. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (к юбилею профессора Денисенко Виктора Васильевича) 29

Шмидт А. А.

ПРОГРАММЫ ОБРАТНОГО ВЫКУПА ОРУЖИЯ В СТРУКТУРЕ
ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА 34

Административная деятельность

Сидоров Э. Т., Сидоров В. Э.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОЦЕНКИ
АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 43

Пестов Р. А., Новичкова Е. Е., Копыл Д. В.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ 52

Числов А. И.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 63

Уголовное право

Безуглый С. Н.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ
ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (ст. 138¹ УК РФ) 67

Закомолдин Р. В.

ПОДСИСТЕМА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ВИДОВ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ 74

Касимов Д. Р.

НОРМЫ МОРАЛИ В СИСТЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ 81

Теория и практика противодействия преступности

Егоров О. Н.

ЮРИДИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК 87

Уголовный процесс

Бычков В. В., Прорвич В. А.

АЛГОРИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА 92

Выскребцев Б. С.

СТАДИЯ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ:
ПОЗИЦИИ УЧЁНЫХ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ 98

Зуев С. В.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ КОМПЛАЕНС: ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ 104

Даровских О. И.

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 109

Макашова Т. П.

ФУНКЦИИ АДВОКАТА-ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ 116

Черкасов В. С.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ТАЙНЫ ЭЛЕКТРОННОЙ
ИНФОРМАЦИИ ПРИ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ 122

Прокурорский надзор

Головко И. И.

КАТЕГОРИИ ОБЩЕГО, ЕДИНИЧНОГО, ОСОБЕННОГО КАК ОСНОВА КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА
В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 128

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей

Пучков В. О.

ПОНЯТИЯ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СУЩНОСТИ 133

Рябоконева С. И.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ И АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ –
ДВА КОНКУРИРУЮЩИХ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ
СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 151

Научные мероприятия. Отзывы. Рецензии

Кабанов П. А.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
ВОЛКОВА АРТЕМА АЛЕКСАНДРОВИЧА НА ТЕМУ: «КОРРУПЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ)», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
12.00.08 — УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (ВЛАДИВОСТОК, 2020, 256 с.) 156

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 171

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ
В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА» 176

CONTENTS

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

O. A. Puchkov

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN MODERN JURISPRUDENCE:
MATHEMATIZATION, STANDARDIZATION, DIGITALIZATION7

N. V. Pankevich, V. V. Rudenko

SELF-ISOLATION AS A LEGAL REGIME: THE RUSSIAN EXPERIENCE 16

A. V. Tishchenko

HISTORICAL AND LEGAL REGULATION OF THE CONCEPT OF JUSTICE 24

Administrative Law and Procedure

M. A. Vinokurova

DEVELOPMENT'S OUTLOOK OF ADMINISTRATIVE-TORT LAW IN RUSSIA
(to the Anniversary of Professor Viktor Vasilievich Denisenko) 29

A. A. Shmidt

GUN BUYBACK PROGRAMS IN THE LICENSING AND PERMITTING POLICY OF THE STATE 35

Administrative Activity

E. T. Sidorov, V. E. Sidorov

SUGGESTIONS FOR IMPROVING THE ASSESSMENT ADMINISTRATIVE
AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES POLICE IN THE FIELD OF SECURITY ROAD TRAFFIC 44

R. A. Pestov, Ye. Ye. Novichkova, D. V. Kopyl

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE INTERACTION OF THE MASS MEDIA
WITH THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE COUNTRIES
OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AND RUSSIA 53

A. I. Chislov

DISCIPLINARY LIABILITY OF THE INTERNAL AFFAIRS 63

Criminal Law

S. N. Bezuglyy

JUDICIAL INTERPRETATION OF THE LIABILITY RULE
FOR ILLEGAL TRAFFICKING OF SPECIAL TECHNICAL MEANS
INTENDED FOR SECRET OBTAINING OF INFORMATION
(ART. 138¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) 68

R. V. Zakomoldin

SUBSYSTEM OF SPECIAL MILITARY TYPES OF CRIMINAL PUNISHMENT 74

D. R. Kasimov

NORMS OF MORALITY IN THE SYSTEM OF INTERPRETATION
OF CRIMINAL LAW EVALUATIVE CONCEPTS 81

Theory and Practice of Combating Crime

O. N. Yegorov

JURIDICAL, ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL WAYS OF COMBATING CORRUPTION
IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT 87

Criminal Proceeding

V. V. Bychkov, V. A. Prorvich

ALGORITHMS OF INTERACTION OF INVESTIGATORS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE DETECTION AND INVESTIGATION
OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED USING THE INTERNET 93

B. S. Vyskrebtshev

THE STAGE OF PREPARATION OF MATERIALS FOR THE COURT HEARING:
SCHOLARS' POSITIONS ON THE SUBSTANTIVE NATURE..... 98

S. V. Zuev

CRIMINAL PROCEDURAL DIGITAL COMPLIANCE: POSSIBLE RISKS.....104

O. I. Darovskikh

THE PRINCIPLE OF OBJECTIVITY AS A MEANS OF PROVIDING THE EFFICIENCY
OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES.....109

T. P. Makashova

THE FUNCTIONS OF PRESENTING COUNSEL IN CRIMINAL PROCEEDINGS: TYPES AND FEATURES116

V. S. Cherkasov

THE PROBLEM OF ENSURING THE SECRECY
OF ELECTRONIC INFORMATION IN CRIMINAL PROSECUTION122

Prosecutorial Supervision

I. I. Golovko

CATEGORIES OF GENERAL, SINGULAR, SPECIAL
AS THE BASIS OF A COMPREHENSIVE APPROACH
IN THE STUDY OF PROSECUTORIAL ACTIVITY.....128

Problems of Legal Order: the View of young Researchers

V. O. Puchkov

CONCEPTS IN LEGAL SCIENCE: METHODOLOGICAL ISSUES OF ESSENCE133

S. I. Ryabokonev

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PETITIONS AND COMPLAINTS
AND THE LAWYER'S INVESTIGATION ARE TWO COMPETING DIRECTIONS
IN THE DEVELOPMENT OF ADVERSARIAL PRINCIPLES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS.....152

Scientific Event. Comments. Reviews

P. A. Kabanov

REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT FOR THE DISSERTATION
OF ARTEM ALEKSANDROVICH VOLKOV
"CORRUPTION OF SAFETY (ON THE MATERIALS OF THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION)"
SUBMITTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF LEGAL SCIENCES ON SPECIALTY:
12.00.08 — CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY;
CRIMINAL EXECUTIVE LAW (VLADIVOSTOK, 2020, 256 p.).....157

INFORMATION ABOUT AUTHORS171

RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES
IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE
LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE.....176

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

УДК 340.11

С. 6–15

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ: МАТЕМАТИЗАЦИЯ, СТАНДАРТИЗАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Пучков О. А.

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: poa001@usla.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы методологической недостаточности междисциплинарного подхода в современном правоведении. Автор анализирует основные тенденции междисциплинарных исследований в отечественной юриспруденции, в числе которых выделяются математизация, стандартизация и цифровизация.

На основе методологической реконструкции оснований применения соответствующих подходов, автор приходит к следующим выводам.

Во-первых, синкретические установки в современных правовых исследованиях в действительности не способствуют конвергенции знания постольку, поскольку у правоведов отсутствует понимание методологической сущности синкретизма.

Во-вторых, применение в правоведении математического подхода и методов естествознания, ошибочно трактуемых как методологически единых, представляет собой неоправданную, «механическую» методологическую экстраполяцию. Это, в свою очередь, приводит к неоправданным попыткам обосновать понятия алгебры поступков, правового интеграла и т. п., которые в области правоведения не имеют действительного онтологического основания.

В-третьих, методологически необоснованно введение так называемых правовых стандартов (к примеру, «антикоррупционного стандарта»), поскольку любой стандарт всегда означает информационное, алгоритмическое, лингвистическое и организационное обеспечение, достижение которого не всегда возможно в правоприменительной практике.

В-четвертых, не критичное отношение к эпистемологической специфике цифровизации, феноменов цифрового общества, подчас приводит юристов к неоправданному выводу о том, что внедрение цифровых технологий в социально-правовую сферу — это процесс, по своей сущности ничем не отличающийся от прежних революционных этапов развития производства, как, например, механизации труда. В такой логике специфика цифровизации как таковой нивелируется, а основные контексты юридического осмысления феноменов цифрового общества становятся не понятийными, а терминологическими.

Ключевые слова: цифровизация, математизация, стандартизация, методология юриспруденции, междисциплинарный подход, методы науки.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

Для цитирования: Пучков, О. А. Междисциплинарный подход в современном правоведении: математизация, стандартизация, цифровизация / О. А. Пучков // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 6–15.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN MODERN JURISPRUDENCE: MATHEMATIZATION, STANDARDIZATION, DIGITALIZATION

O. A. Puchkov

*Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: poa001@usla.ru.*

Abstract. The article deals with the issue of the lack of interdisciplinary approach methodology in modern jurisprudence. The author analyzes the core tendencies of legal interdisciplinary researches, including mathematization, standardization and digitalization. Basing on the methodological reconstruction of the application of these approaches, the author comes to the following.

First, syncretic attitudes in modern legal research do not contribute to the convergence of knowledge to the extent that legal scholars do not have an understanding of the methodological essence of syncretism.

Secondly, the application of the mathematical approach and methods of natural science, erroneously interpreted as methodologically uniform ones, in jurisprudence, is an unjustified, “mechanical” methodological extrapolation. This, in turn, leads to unjustified attempts to substantiate the concepts of algebra of actions, legal integral, etc., which do not have a real ontological basis in the legal field.

Thirdly, the insertion of so-called legal standards (including, e. g., “anti-corruption standard”) is unreasonable methodologically, because any standard presupposes informational, algorithmic, linguistic and organizational provision, the achievement of which is not always possible in legal practice.

Fourthly, an uncritical attitude to the epistemological specifics of digitalization, the phenomena of a digital society, sometimes leads lawyers to the unjustified conclusion that the introduction of digital technologies into the social and legal sphere is a process that in its essence is no different from the previous revolutionary stages of production development, as, for example, the mechanization of labor. In this logic, the specificity of digitalization as such is leveled, and the main contexts of legal understanding of the phenomena of digital society become not conceptual, but terminological.

Keywords: digitalization, mathematization, standardization, legal methodology, interdisciplinary approach, scientific methods.

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project № 18-29-16148 “Transformation of Law in the Development of Digital Technology”.

For citation: Puchkov O. A. Interdisciplinary Approach in Modern Jurisprudence: Mathematization, Standardization, Digitalization. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 6–15. (In Russ.)

Введение

Как известно, междисциплинарный подход давно утвердился в современных науках — как естественных, так и гуманитарных — в качестве главного вектора современного научного познания. Показав свою эффективность и инновационность, междисциплинарный подход, как и любой подход в методологии науки, нуждается в переосмыслении в связи с появившимися в контексте его реализации методологическими проблемами.

Материал и методы исследования

Исследовательский материал представлен современными научно-теоретическими разработками по правоведению, в которых

актуализирован междисциплинарный методологический подход.

Методы исследования организованы в соответствии с традиционной для философии науки типологией уровней научного познания.

На всеобщем (философском) уровне методология исследования представлена диалектическим методом, философскими концепциями синкретичности и полноты, общими принципами научного познания.

Уровень общенаучных исследовательских средств представлен методами анализа, аналогии и экстраполяции, а также системным, генетическим и функциональным подходами, общенаучными концепциями (в том числе — кибернетической).

Специально-научный уровень исследования образован собственными методами юридической науки, в числе которых — юридическая догматика и юридическое конструирование.

Результаты исследования

Как любой научный подход (ситуативный, экономический, поведенческий, структурный и пр.), междисциплинарный подход опирается на объект исследования и выработанные методы его изучения. Вместе с тем, в контексте применения междисциплинарного подхода следует констатировать отсутствие специфического объекта. К примеру, не может быть психологического права, математического, культурологического и др. (хотя в юридической литературе предпринимаются попытки доказать существование этих феноменов). То, что междисциплинарный подход порой достаточно эффективно использует элементы методов других наук, не свидетельствует об их синкретизме, т. е. соединении. Более того, синкретизм — это отнюдь не высшее слияние чего-либо, а, напротив, его неразвитость, эклектичность [16, с. 609].

Синкретизм характеризует такое состояние изучаемого объекта, когда невозможно отделить один объект от другого (когда, к примеру, музыка, танец, поэзия, не будучи осмыслены как отдельные объекты, воспринимались в качестве искусства как такового); когда происходит слияние различных (разнородных) объектов в силу невозможности их разделения на определенном этапе развития человеческой цивилизации (миф, культ, религия, наука).

Таким образом, часто используемый в междисциплинарном подходе термин «синкретизм» не является адекватным сущности этого подхода и не наполняет междисциплинарный подход в науках каким-либо методологически эффективным содержанием. На наш взгляд, гораздо большее значение для междисциплинарных исследований имеют не столько попытки «соединить несоединимое», сколько переосмысление категориального аппарата конкретной науки с учетом концептуальных контекстов развития иных отраслей научного знания.

Однако и этот путь тернист, т. к. за этим вектором развития междисциплинарного подхода кроется серьезная проблема категориально-терминологического анализа.

Обсуждение результатов исследования

Достаточно длительный срок использования междисциплинарного подхода в практике научных (в том числе правоведческих)

исследований выявил группу проблем, ими порожденных.

Обратимся к одной из них — к математизации знания, доводимой подчас до абсурда. Повсеместный пиетет перед математикой сделал свое пагубное дело в сфере гуманитарных дисциплин. Математика, которой приписывается магическая роль в контексте переосмысления знания как такового, между тем, даже не является наукой. У неё нет собственного, отдифференцированного от других наук, предмета исследования: математика лишь формализует окружающий мир, но при этом не следует забывать, что формализация — это функция, а не содержание, не объект. Функция не может заменить собой предмет исследования, и эта гипертрофированная в практике современных исследований функция порой приводит к абсурдности научных выводов. В частности, Е. Б. Хохлов осуществил полноценный анализ математизации юридического знания в контексте правового статуса субъекта, предложенного в свое время А. А. Кононовым и другими авторами [8, с. 16–21]. Автор приходит к выводу, что рассуждения об интегралах в праве просто бессмысленны.

Остановимся на этом более подробно. А. А. Кононов полагает, что теория алгоритмов в праве вполне приемлема. По мнению последнего, существуют три базовых алгоритма: линейный, ветвящийся и циклический. Как они применимы в праве? Все очень просто, хотя речь идет об интегралах. «Линейный алгоритм выполняет однообразные действия с входным сигналом» [8, с. 19] и ему соответствует обязывающая норма права; «ветвящийся алгоритм реализует альтернативные действия с входным сигналом в зависимости от выполнения соответствующих этим действиям условий» [8, с. 19]. Это, по мнению А. А. Кононова, управомочивающая норма права. Циклический алгоритм «выполняет однообразные действия, циклически и дискретно, изменяя входной сигнал в задаваемых пределах и с задаваемым шагом дискретности». Именно ему и соответствует охранительная норма права. В связи с приведенным мнением возникает ряд вопросов:

Как указывает О. А. Гаврилов, в сфере права «математический аппарат... — это совокупность средств, которыми количественно описываются категории права» [5, с. 73]. В современном правоведении математическим средствам придается «магическая» роль, однако нужно помнить, что математика не только не имеет своего предмета, отдельного от других наук, но и не содержит критерия истинности — в этом качестве выступает лишь критерий внутренней непротиворечивости,

что по сути характеризует грамматику языка и его известную формализацию. При этом не следует забывать, что формализация — это функция, а не содержание. Функция не может заменить собой предмет исследования и игнорирование этого требования способно привести к ошибочным результатам в исследованиях. Обратимся к работе Е. Б. Хохлова «Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки» [17, с. 4–14]. В этом исследовании автор осуществил полноценный анализ математизации юридического знания в сфере правового статуса субъекта, предложенный А. А. Кононовым [8, с. 16–21], который полагает, в частности, что теория алгоритмов в праве вполне приемлема. По мнению последнего, существуют три базовых алгоритма: линейный, ветвящийся и циклический. Как они применимы в праве? Все очень просто, хотя речь идет об интегралах. «Линейный алгоритм выполняет однообразные действия с входным сигналом» [8, с. 19] и ему соответствует обязывающая норма права; «ветвящийся алгоритм реализует альтернативные действия с входным сигналом в зависимости от выполнения соответствующих этим действиям условий» [8, с. 19]. Это, по мнению А. А. Кононова, управомочивающая норма права. Циклический алгоритм «выполняет однообразные действия, циклически и дискретно, изменяя входной сигнал в задаваемых пределах и с задаваемым шагом дискретности». Именно ему и соответствует охранительная норма права. В связи с приведенным мнением возникает ряд вопросов:

Во-первых, каким образом «ветвящийся алгоритм», да и любой другой «реализует альтернативные действия с входным сигналом»? Алгоритм — это конечный набор правил. Но каким образом правило что-то реализует?

Во-вторых, алгоритм чисто механически способен решать любую конкретную задачу из определенного класса однотипных задач. Вряд ли задачи, стоящие перед математикой и юриспруденцией, настолько однотипны, что есть смысл рассуждать о состоянии их однородности.

В-третьих, как известно, алгоритм выполняется по строгим правилам: исходные данные могут изменяться только в определенных пределах; решение задачи определяется однозначно, и результативность этого решения тоже однозначна (и, более того, заранее задана).

Исходя из этого, задумаемся: нужно ли все это так настойчиво применять в современной юриспруденции? Может прозвучать ответ: алгоритмизация есть основа, создающая систему так называемого электронного правосудия,

то есть применения искусственных интеллектуальных систем при разрешении конкретных дел в государственных судах. Но, как показывает практика, система электронного правосудия далеко не всегда оценивается положительно (в тех странах, где она применяется), и в качестве высшей инстанции стороны апеллируют к традиционным практикам судопроизводства [7, с. 8].

Что же касается математизации правового статуса личности, то здесь конечные выводы авторов сводятся к тому, что «конкретный правовой статус субъекта — функция, аргументом которого являются субъективные права, обязанности и интересы». Авторам представляется очевидным, что в полном объеме правовой статус может быть описан лишь всем множеством (суммой) конкретных правовых статусов субъекта — бесконечно малых изменений конкретного статуса (приращений функции) при бесконечно малом изменении субъективных прав, обязанностей или правовых интересов (приращений аргументов). Сумма же «бесконечно малых приращений функции при бесконечно малом приращении аргумента есть не что иное, как интеграл функции» [17, с. 11]. Следует согласиться с мнением Е. Б. Хохлова, который полагает, что от такой математизации знания не происходит его приращение, а скорее наоборот, идет обратный процесс. Ничего нового в понимании правовой категории «правовой статус субъекта» при отождествлении её с понятием «интеграл» не происходит. Напротив, наблюдается регресс в понимании этой категории.

Обратимся еще к одному примеру малоудачной попытки проведения междисциплинарного исследования.

В. О. Лобовиков ввел в правоведение понятие «алгебра поступков как математическая модель». Автор пояснил, что поступки делятся на простые и сложные и что не всякое действие есть поступок, что в рамках формальной юриспруденции элементы множества X (хорошо), N (плохо) называются «ценностными юридическими (или правовыми) значениями поступков» [9, с. 62–63]. В. О. Лобовиков полагает, что сложные поступки состоят из простых (?! — авт.) и далее делает вывод: «На множестве поступков для произвольно взятых поступков a и b могут быть (a могут и не быть) определены бинарные правовые операции: K_{ab} (объединение поступков в поведение); O_{ab} (исключающий правовой выбор наиболее хорошего или наиболее плохого поступка среди поступков a и b); A_{ab} (неисключающий правовой выбор наиболее хорошего или наиболее плохого поступка среди

поступков **а** и **в**); ответное действие, т. е. реакция, $C_{ав}$ (совершение **в** в ответ на совершение **а**); $T_{ав}$ (уравнивание ценности поступков **а** и **в**); а также унарная правовая операция H_a (воздержание от **а**, т. е. свободное несовершение поступка **а**), результаты которых также могут принадлежать (а могут и не принадлежать) множеству поступков» [9, с. 62–63].

Абстрагируясь от этой алгебраической казуистики, зададимся вопросом: а применима ли здесь алгебра вообще? Ведь для алгебраических вычислений важно понятие класса (совокупности предметов, явлений, удовлетворяющих каким-либо условиям). Каково же это условие в вычислениях В. О. Лобовикова? Автор не поясняет. Что касается ценности подобной математизации юридического знания, то сразу возникает вопрос о том, каким образом сложные поступки состоят из простых, как это утверждает автор? Его подход, в этом смысле, «разбивается» о философское понимание простого и сложного: сложное присутствует в простом, а простое явление, в свою очередь, есть ни что иное как множественность; исходя из этого, простой поступок обретает такие свойства, которые не охватываются в принципе алгебраическими формами. Даже в естествознании понятия о простом и сложном неоднозначны.

В частности, квантовая физика таит загадку, не разрешенную до сих пор. В. Гейзенберг описывал ее следующим образом: «Когда сталкиваются две элементарные частицы с чрезвычайно высокой энергией, они, как правило, действительно распадаются на кусочки, иногда даже *на много кусочков, однако эти кусочки оказываются не меньше распавшихся на них частиц*» [13, с. 279]. И здесь возникает проблема простого и сложного. Что тогда говорить об этой проблеме в социальной сфере и, тем более, в правоведении? Итак, «вовсе не отвергая права на существование абстрактного сверхчувственного разума в сфере юридической науки, призовем юридическую общественность к тому, чтобы создавая правовые абстракции, мы не превращали это в самоцель, ибо в противном случае возникают юридические химеры, стремительно тающие при первом столкновении с реальностью» [9, с. 14].

Современная математизация правоведения, таким образом, должна быть обусловлена не «модными» тенденциями междисциплинарных исследований, а прежде всего их методологической достоверностью. Кроме того, что не ясно, каков же предмет математики (если последнюю все-таки считать наукой), до сих пор нет ответа и на вопрос о том, «какова природа математики и каким образом возможно математическое знание?» [10, с. 58].

Мы не можем ответить на вопрос: если в математике все формально выводимо, то сводится ли она к системе тавтологий, и что это дает научному знанию? Мы согласны с мнением Д. В. Мазурова о том, что «одна из общих точек зрения — истины математически необходимы и независимы от опыта в силу абсолютной идеальности ее объектов. Это вполне резонно, но сказано слишком категорично. Это одна из крайностей, которыми изобилуют работы по основаниям математики. Другая крайность, тоже имеющая право на существование: можно считать, что все в математике происходит из опыта [10, с. 57].

При этом автор полагает, что, безусловно, эмпирическое обоснование математики очень важно, но при этом надо понимать, что методы математики и естествознания, хотя и сходны, но не являются идентичными. Что тогда говорить о методах гуманитарных наук в плане их приближения к методам математики? С 1970-х гг. человечество столкнулось с кризисом переусложнённости доказательств, и он продолжает существовать. Не вносим ли мы свою лепту в этот кризис, занимаясь насильственным математизацией любых наук?

Обратимся ещё к одной проблеме современного правоведения — стандартизации юридической науки. Это тоже «модное» течение, о методологической сущности которого ничего не известно. Так, А. И. Нестеров предпринял попытку обосновать жизнеспособность новой категории российской паровой системы — антикоррупционный стандарт. Автор полагает, что это «документ (часть документа), устанавливающий (содержащий) систему гарантий, ограничений или запретов, обеспечивающих предупреждение коррупции или уменьшение её воздействия на функционирование определённой сферы жизни общества» [14, с. 23]. Сразу же возникает вопрос: каким образом научная категория вдруг стала отождествляться с документом или его частью? Далее автор рассуждает о возможности существования множественности антикоррупционных стандартов (по сферам правового регулирования, по поведению отдельных групп граждан, по субъектам антикоррупционной политики). Так, А. И. Нестеров полагает, что «российская практика разработки и утверждения антикоррупционных стандартов в отдельных сферах правового регулирования показала, что они могут устанавливаться любым субъектом антикоррупционной политики (в том числе и органом местного самоуправления, территориальным органом федерального органа исполнительной власти, президиумом областного суда), что с учётом

различного содержания устанавливаемых положений не может приводить к стандартизации, установлению единой системы гарантий, ограничений, запретов для той или иной сферы общества» [14, с. 25]. Не возражая против данного утверждения, обратим внимание на то, что содержание новой для российского правоведения категории свелось автором к обращению к деятельности высших органов государственной власти РФ как единственному и эффективному разработчику таких антикоррупционных стандартов.

Таким образом, единственное, что положено автором в обоснование категории «антикоррупционных стандарт» — это необходимость их множественности. Полагаем, что для определения научной категории этого явно недостаточно. Безусловно, стандарт — это образец, эталон, это то, что принимается как исходное, однозначное для сопоставления с ними других подобных объектов. Также безусловно и то, что любой стандарт — это унификация. И здесь все не так просто. Более ста лет назад была установлена неприемлемость применения естественнонаучных подходов к социальной действительности (материи). Г. Еллинек об этом рассуждает наиболее аргументированным образом: «В однородных явлениях природы преобладающее значение для науки имеют элементы тождественных, между тем как в социальных явлениях последние настолько отодвигаются элементами индивидуализирующими, что социальное событие никогда не повторяется в тождественной, а только в аналоговой форме. Естествознание может поэтому игнорировать индивидуализирующие элементы: оно может с успехом уделять внимание только тождественному в явлениях. Однородные социальные события, напротив, лишь в незначительной степени тождественны, преимущественно же только аналогичны. Общие законы не могут здесь поэтому объяснить отдельное явление: последнее никогда не должно быть рассматриваемо, как простое осуществление чего-то общего, проявляющегося в нем в чистом виде; в противном случае мы получим о нем совершенно недостаточное поверхностное представление» [6, с. 18–19].

Есть еще один немаловажный методологический аспект, который надо учитывать при разработке любых стандартов, применяемых при разработке комплексных проектов: это лингвистическое, информационное, алгоритмическое, организационное обеспечение стандарта [3, с. 167]. Здесь явно не обойтись только работой федерального законодателя. И то, что будет вполне жизнеспособно в качестве

стандартизации комплексных технологических проектов, навряд ли окажется таковым в сфере юриспруденции.

В итоге А. И. Нестеров сам себе противоречит, переходя к выводу, что несовпадение содержания антикоррупционных стандартов возможно, но преодолет его опять-таки можно установлением на уровне национального законодательства единых для любой категории лиц антикоррупционных требований [14, с. 22–27].

Остановимся более подробно на специфике социальных проблем в современном правоведении, а точнее — на их методологической недостаточности. Прежде всего следует признать, что до сих пор не выработано никакого методологического аппарата, позволяющего установить, что является социальной проблемой, подлежащей решению паровыми средствами. Мы солидарны в этой связи с позицией В. Н. Мининой, которая полагает, что социальная проблема имеет гораздо более глубинные корни, чем воздействие некоторых объективных условий (к примеру, миграционных процессов) или субъективных факторов (отклоняющегося индивидуально-поведения). Автор задается вопросом, чем же следует руководствоваться при выработке управленческих решений, и не находит ответа на этот вопрос, потому что «при выработке управленческих решений в рамках конкретных программ, например, борьбы с преступностью, не обосновывается, почему последняя является социальной проблемой (именно социальной, а не просто управленческой), что делает её таковой, что вызывает необходимость общественного, и в том числе административного вмешательства в ход событий. Может быть, наличие особых типов криминальных объединений или рост некоторых видов преступности. Может быть, преступность потому является социальной проблемой, что правоохранительные органы борются с ней неэффективно? Или дело в коррупции? А может существует особый социальный класс, достаточно мощный, образующий криминальную социальную систему?» [12, с. 75] В. Н. Минина приходит в этой связи к выводу о методологической недостаточности понятия «социальная проблема», связанной прежде всего с тем, что в социологии в данном аспекте делается акцент на гносеологическом значении слова, а не как определённые правила фиксации разрыва между желаемым и действительным. Автор справедливо утверждает, что «социологи редко задаются вопросом, что означает социальная проблема как предмет социального изучения», что по большей мере «осуществляется традиционный научный

анализ вполне определенного социального явления, без акцента на том, действительно ли оно становится проблемой в обществе, и если да, то почему» [12, с. 78].

Таким образом, все известные подходы в социологии социальных проблем (конструктивистский, функциональный, нормативный, конфликтно-ценностный) и др. до сих пор не дали однозначного решения по поводу генезиса, эволюции и решения социальных проблем. Вместе с тем ни у кого не вызывает сомнения, что правоведение нацелено на разрешение именно социальных проблем правовыми средствами. Социальные проблемы возникают из социальных противоречий, которые не являются объектами изучения современного правоведения. Социальная проблема охватывается разом лишь как наличный результат этого противоречия. И в связи с этим можно говорить о далеко не всегда эффективном её решении. Безусловно, социальные отношения более динамичны, чем правовые, но если последние будут всегда аутсайдерами, то и результат будет таким же. Обратимся в этой связи к примеру с гендерным равенством в России. Известно, что XXI век ООН назвала веком женщин и демократии. Очевиден факт трактовки демократии как включенности туда женщин.

Для обеспечения этого права во всём мире устанавливается квота на участие женщин в политической, экономической жизни общества. Они названы «мерами положительной дискриминации» [15, с. 113]. Вместе с тем никакими квотами на представительниц прекрасного пола в парламентах стран мира проблемы не решить. В основе этой социальной проблемы лежит глубинное противоречие в мироощущении, мировоззрении, физиологии мужчины и женщины. И нарушение определенного, так скажем, баланса этого противоречия может привести совсем не к тем результатам, на которые нацелено современное проведение. Мужчины перестанут ценить истинно женское, женственность, что мы сейчас повсеместно наблюдаем, а женщины, в свою очередь, утрачивают глубинный, существующий на уровне подсознания некий эталон защиты, защищённости, продуцируемый мужчинами. Уже сейчас можно сформулировать возникшую в результате игнорирования этого глубинного противоречия проблему. Так, «противники гендерного подхода в праве уверяют, что абстрактность понятия «человек», «гражданин» как раз и служит гарантией равенства. Однако практика показывает, что андроцентризм законодательства, гендерные стереотипы, отсутствие гендерной оценки норм не исключают правовой дискриминации ни женщин,

ни мужчин. И если женская дискриминация носит, как правило, скрытый характер и проявляется в момент реализации нормы права в виде отсутствия необходимых условий для её реализации женщиной, то «мужская дискриминация закрепляется законодательно путём непредоставления права, исключения мужчины как участника тех или иных правоотношений» [15, с. 115]. В российском правоведении в связи с этим уже достаточно давно поднимался вопрос о введении понятия гендерной аналогии закона и гендерной аналогии права. К примеру, речь идет о родительских обязанностях, которые демонстрируют вторичность, необязательность мужчин, оказавшихся в аналогичной с женской ситуации. То же самое касается и социальной проблемы равноправия при осуществлении репродуктивных прав. У женщины их в разы меньше либо они отсутствуют совсем. И так, без глубинного анализа противоречия, лежащего в основе социальной проблемы, её не только не решить, не адекватными действиями законодателя можно и усугубить.

Не менее значимой и актуальной, с позиции методологии междисциплинарного подхода в современном правоведении, становится проблема цифровизации государства и права, социально-правовых явлений и процессов и, как следствие, привлечение юридической наукой концептуальных схем из иных областей знания, специально направленных на осмысление феномена цифрового общества. Как правило, само понятие цифровизации используется в современных исследованиях как генерализующее, в том смысле, что его содержание включает в себя совокупность теорий о влиянии так называемых цифровых технологий на общество, культуру, государственное управление и правовую сферу [1, с. 173]. В юридических разработках цифровизация, в основном, понимается в более узком смысле — как процесс внедрения информационных технологий (в том числе искусственных интеллектуальных систем) в область социально-правовых практик (гражданского оборота, правосудия, государственного управления в целом). Отсюда, говоря о «цифровизации» государства и права, необходимо уточнение исходных концептуальных контекстов, в которых употребляется соответствующее понятие как матрица междисциплинарного подхода. Некритичное отношение к соответствующей эпистемологической норме подчас приводит юристов к неоправданному выводу о том, что внедрение цифровых технологий в социально-правовую сферу — это процесс, по своей сущности ничем не отличающийся от прежних

революционных этапов развития производства, как, например, механизации труда. В такой логике специфика цифровизации как таковой нивелируется, а основные контексты юридического осмысления феноменов цифрового общества становятся не понятийными, а терминологическими; примером такого методологически ошибочного подхода может служить концептуализация криптовалют в качестве валютных ценностей, смарт-контрактов — в качестве договоров (контрактов) и т. п. Такая установка во многом редуцирует действительную ситуацию, подменяет сущность познаваемого явления его языковой формой; отсюда следует констатировать, что цифровизация как вектор междисциплинарных исследований, призванная первоначально к обогащению знания, в сфере юриспруденции приводит к его редукции, основным фактором которой становится *принципиальная смена познаваемого объекта в правоведении, каковым начинает выступать уже не столько совокупность социально-правовых феноменов, сколько текстуальные формы их выражения в языке*. Такая тенденция порождает фундаментальные проблемы не только в контексте междисциплинарного подхода в правоведении, но и в области самого права.

В первую очередь здесь следует обратить внимание на дисбаланс между колоссальным уровнем свободы пользователя Всемирной сети и негативные последствия этой свободы. В условиях, когда виртуальное взаимодействие фактически исключено из сферы правового регулирования, когда большинство коммуникативных подсистем (в том числе электронных мессенджеров) позволяют сохранять тотальную анонимность, закономерным является рост противоправной деятельности — анонимной кибердиффамации, незаконного получения персональных данных других пользователей, доступа к их активам и т. п.

По сути, в заданном контексте оправданно утверждать об отсутствии в виртуальном пространстве *личности в классическом понимании*. Пользователь утрачивает личностные характеристики, наделяет себя не присущими ему в реальной жизни атрибутами и притом — относится к ним как к *существующим реально*. Вместе с тем, следует учитывать, что реальным для права является в первую очередь мир материальный, на регулирование процессов в котором и нацелены правовые средства; отсюда, экстраполяция выработанных в целях регулирования материального мира юридических конструкций на область виртуального пространства методологически неоправдана. Вследствие этого, нерешенным остается

вопрос, следует ли пользователя сети Интернет приравнивать (по его юридическому статусу) к пользователю в традиционном позитивно-правовом понимании. Исследователи до сих пор не получили ответа: пользователь чего присутствует в Сети? Это — пользователь вещи, услуги? Разумеется, и не то, и не другое. Это — пользователь информационного пространства, юридический статус которого никто не стремится определить. Отсюда, остается методологически нерешенным вопрос о *полноте знания* о присутствии пользователя в виртуальном пространстве. Эта проблема — не только сугубо прикладная, но и, прежде всего, философско-научная. Полнота в логике — это свойство аксиоматической теории. Она характеризует достаточность ее дедуктивных средств для определенных целей. «Аксиоматическая система называется дедуктивно полной по отношению к данной интерпретации, если все ее формулы, истинные для данной интерпретации, доказуемы в ней» (курсив наш) [16, с. 512]. Это — содержательная, аксиоматическая характеристика полноты в том или ином научном исследовании. Оно не может быть полным в чисто формальном значении, когда налицо невозможность присоединения к системе устоявшихся научных понятий никакой недоказуемой формулы в качестве аксиомы, что и происходит при цифровизации и порождает многочисленные противоречия.

Пользователь «посещает» сеть, сохраняя при этом максимальную анонимность. Социум уже не важен. Важны анонимность и практически безнаказанность присутствующих. Коммуникативное, таким образом, все менее и менее опирается на общественное. «Когда вещи, знак, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез» [2, с. 11–12], — констатирует в связи с этим Ж. Бодрийяр. На взгляд исследователя, это происходит потому, что «информация, вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, занимается ее разыгрыванием. То же и в отношении смысла: информация не воспроизводит смысл, а разыгрывает его» [11, с. 109].

Эти и другие проблемы цифровизации права и правоведения должны быть осмыслены научным сообществом, занимающимся вопросами цифровизации социальной сферы (и правовой в том числе). Цифровизация в праве, безусловно, должна ответить на главный вопрос: тождествен ли виртуальный мир реальному? Регулируется ли он так же, как

реальный? Какой из них первичен для целей современной социокультурной действительности и т. д. Иначе законодатель будет сталкиваться с проблемой непонимания предмета правового регулирования, а ученые-юристы вместо своего исходного изучаемого объекта — государственно-правовой действительности — будут концентрировать свое внимание на логико-языковых тождествах традиционных юридических конструкций, с одной стороны, и новых «цифровых» феноменов, с другой.

Выводы

На основе методологической реконструкции оснований применения междисциплинарного подхода в практике современных научно-юридических исследований автор приходит к следующим выводам.

Во-первых, синкретические установки в современных правовых исследованиях в действительности не способствуют конвергенции знания постольку, поскольку у правоведов отсутствует понимание методологической сущности синкретизма.

Во-вторых, применение в правоведении математического подхода и методов естествознания, ошибочно трактуемых как методологически единых, представляет собой неоправданную, «механическую» методологическую экстраполяцию. Это, в свою очередь, приводит к неоправданным попыткам обосновать понятия алгебры поступков, правового интеграла и т. п., которые в области правоведения не имеют действительного онтологического основания.

В-третьих, методологически необоснованно введение так называемых правовых стандартов (к примеру, «антикоррупционного стандарта»), поскольку любой стандарт всегда означает информационное, алгоритмическое, лингвистическое и организационное обеспечение, достижение которого не всегда возможно в правоприменительной практике.

В-четвертых, не критичное отношение к эпистемологической специфике цифровизации, феноменов цифрового общества, подчас приводит юристов к неоправданному выводу о том, что внедрение цифровых технологий в социально-правовую сферу — это процесс, по своей сущности ничем не отличающийся от прежних революционных этапов развития производства, как, например, механизации труда. В такой логике специфика цифровизации как таковой нивелируется, а основные контексты юридического осмысления феноменов цифрового общества становятся не понятийными, а терминологическими.

Заключение

Даже небольшая ретроспектива междисциплинарного подхода в современном отечественном правоведении выявила серьёзную его методологическую недостаточность, к проблематике которой необходимо отнестись самым серьёзным образом. «Перенос» предметов исследования, методов, принципов, критериев оценки эффективности одних научных дисциплин на другие — это не междисциплинарное исследование, а экстраполяция без каких-либо на то методологических оснований.

Список литературы

1. Lankshear C., Knobel M. *Digital Literacies: Concepts, Policies and Practices*, New York: Peter Lang Publ., 2008, 323 p.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — Москва : Добросвет, 2000. — 258 с.
3. Вересников, Ю. К. Организация библиотек стандартных компонентов при внедрении CALS-технологий / Ю. К. Вересников, Т. Е. Митрофанова // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2015. — № 3. — С. 167–170.
4. Гаврилов, О. А. Изучение права методами математической логики / О. А. Гаврилов // Вопросы кибернетики и права. — Москва : Наука, 1967. — С. 33–60.
5. Гаврилов, О. А. Курс правовой информатики / О. А. Гаврилов. — Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2002. — 432 с.
6. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. — Санкт-Петербург : Общественная польза, 1903. — 532 с.
7. Качалова, О. В. Искусственный интеллект в правосудии — светлое будущее с оговорками / О. В. Качалова // Уголовный процесс. — 2020. — № 10. — С. 8.
8. Кононов, А. А. Общенаучная концепция системы права / А. А. Кононов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 3. — С. 12–21.
9. Лобовиков, В. О. Математическое правоведение. Часть 1: Естественное право / В. О. Лобовиков. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. — 240 с.
10. Мазуров, В. Д. Философия математики / В. Д. Мазуров // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2016. — № 1 (34). — С. 56–67.

11. Мальковская, И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. — Изд. 2-е, испр. — Москва : КомКнига, 2005. — 240 с.
12. Минина, В. Н. Социология социальных проблем. Аналитический обзор основных концепций / В. Н. Минина // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, № 3. — С. 74–90.
13. Мир философии : Книга для чтения : в 2-х ч. Часть 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. — Москва : Политиздат, 1991. — 672 с.
14. Нестеров, А. И. Антикоррупционный стандарт — новая категория российской правовой системы / А. И. Нестеров // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 2 (52). — С. 22–27.
15. Магомедова, Е. А. Правовые проблемы гендерного равенства в России: философия, социология, юридическая техника (обзор материалов «круглого стола») / Е. А. Магомедова, Н. К. Никитина, Е. В. Скурко // Государство и право. — 2007. — № 9. — С. 113–119.
16. Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
17. Хохлов, Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки / Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2004. — № 1. — С. 4–14.

References

1. Lankshear C., Knobel M. *Digital Literacies: Concepts, Policies and Practices*, New York: Peter Lang Publ., 2008, 323 p.
2. Bodriyyar, Zh. Prozhnost zla / Zh. Bodriyyar. — Moskva : Dobrosvet, 2000. — 258 s.
3. Veresnikov, Yu. K. Organizatsiya bibliotek standartnykh komponentov pri vnedrenii CALS-tehnologiy / Yu. K. Veresnikov, T. Ye. Mitrofanova // Menedzhment i biznes-administrirovanie. — 2015. — № 3. — S. 167–170.
4. Gavrilov, O. A. Izuchenie prava metodami matematicheskoy logiki / O. A. Gavrilov // Voprosy kibernetiki i prava. — Moskva : Nauka, 1967. — S. 33–60.
5. Gavrilov, O. A. Kurs pravovoy informatiki / O. A. Gavrilov. — Moskva : NORMA-INFRA-M, 2002. — 432 s.
6. Yellinek, G. Obshchee uchenie o gosudarstve / G. Yellinek. — Sankt-Peterburg : Obshchestvennaya polza, 1903. — 532 s.
7. Kachalova, O. V. Iskusstvennyy intellekt v pravosudii — svetloe budushchee s ogovorkami / O. V. Kachalova // Ugolovnyy protsess. — 2020. — № 10. — S. 8.
8. Kononov, A. A. Obshchenauchnaya kontseptsiya sistemy prava / A. A. Kononov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2003. — № 3. — S. 12–21.
9. Lobovikov, V. O. Matematicheskoe pravovedenie. Chast 1: Yestestvennoe pravo / V. O. Lobovikov. — Yekaterinburg : Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 1998. — 240 s.
10. Mazurov, V. D. Filosofiya matematiki / V. D. Mazurov // Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. — 2016. — № 1 (34). — S. 56–67.
11. Malkovskaya, I. A. Znak kommunikatsii. Diskursivnye matritsy / I. A. Malkovskaya. — Izd. 2-е, ispr. — Moskva : KomKniga, 2005. — 240 s.
12. Minina, V. N. Sotsiologiya sotsialnykh problem. Analiticheskiy obzor osnovnykh kontseptsiy / V. N. Minina // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. — 1998. — Т. 1, № 3. — С. 74–90.
13. Мир философии : Книга для чтения : в 2-х ч. Часть 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. — Москва : Политиздат, 1991. — 672 с.
14. Nesterov, A. I. Antikorruptsiyonnyy standart — novaya kategoriya rossiyskoy pravovoy sistemy / A. I. Nesterov // Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 2 (52). — S. 22–27.
15. Magomedova, Ye. A. Pravovye problemy gendernogo ravenstva v Rossii: filosofiya, sotsiologiya, yuridicheskaya tekhnika (obzor materialov «kruglogo stola») / Ye. A. Magomedova, N. K. Nikitina, Ye. V. Skurko // Gosudarstvo i pravo. — 2007. — № 9. — S. 113–119.
16. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar. — Moskva : Sovetskaya entsiklopediya, 1983. — 840 s.
17. Khokhlov, Ye. B. Yuridicheskie khimery kak problema sovremennoy rossiyskoy pravovoy nauki / Ye. B. Khokhlov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2004. — № 1. — S. 4–14.

Дата поступления статьи: 28.03.2021.

САМОИЗОЛЯЦИЯ КАК ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: ОПЫТ РОССИИ

Панкевич Н. В.¹

E-mail: n.pankevich@yandex.ru.

Руденко В. В.¹

E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

¹ *Институт философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург, Российская Федерация.*

Аннотация. В статье самоизоляция рассмотрена как правовой режим на основе анализа нормативных правовых актов, принятых в России в период распространения коронавирусной инфекции. Предпринята попытка сформулировать признаки, отличающие самоизоляцию от сходных ограничительных режимов, произведена классификация данного режима. Проанализирован механизм правового регулирования, использованный для закрепления режима самоизоляции. Дана оценка механизма реализации режима самоизоляции. Режим самоизоляции, задуманный как режим социальной кооперации солидарности, оказался недостаточно эффективным в социально-экономических условиях современной России. Потребовалось ужесточение мер государственного принуждения. В экстраординарной ситуации органы публичной власти регионального и местного уровня достаточно эффективно отреагировали на проблему посредством введения режима самоизоляции. Вместе с тем, подобная мера привела к ограничению прав, возможно только посредством федерального закона, что, на взгляд авторов, свидетельствует о дефиците легитимности решений органов публичной власти. Авторы считают, что режим самоизоляции имеет большой потенциал в социальном плане. В статье сделан вывод о том, что необходимо законодательное закрепление понятия режима самоизоляции, определение порядка его реализации, устранение правовых коллизий норм, принимаемых на разных уровнях государственного управления, а также коллизий отраслевых норм права.

Ключевые слова: самоизоляция, коронавирус, ограничение прав, правовой режим, правовое регулирование.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии» (20-04-60337, рук. академик РАН В. Н. Руденко).

Для цитирования: Панкевич, Н. В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России / Н. В. Панкевич, В. В. Руденко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 16–23.

SELF-ISOLATION AS A LEGAL REGIME: THE RUSSIAN EXPERIENCE

N. V. Pankevich¹,

E-mail: n.pankevich@yandex.ru.

V. V. Rudenko¹,

E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

¹ *Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation.*

Abstract. Building on the analysis of regulatory legal acts adopted in Russia during the spread of coronavirus infection, the article defines self-isolation as a special legal regime. It distinguishes self-isolation from the other similar restrictive regimes, and a description of self-isolation regime is given.

The article indicates the mechanism of legal regulation used to consolidate the self-isolation regime and values the mechanism of its realization. Namely, it is conceived as a regime of social cooperation and solidarity, being yet insufficiently effective within the social, economic conditions of today's Russia. This led to the need to tighten state enforcement measures. In an extraordinary situation, public authorities at the regional and local levels have responded quite effectively to the problem by introducing a self-isolation regime. Nevertheless, this led to the restriction of individual rights, which is possible only through federal law. In the authors' opinion, this causes lack of legitimacy of the self-isolation regime and low level of citizens' compliance with it. However, the self-isolation regime has a significant potential in social terms. The article concludes, that to use it fully and efficiently it is necessary to refine the concept of the self-isolation regime, eliminate legal conflicts of norms adopted at different levels of government, as well as conflicts of sectorial norms of law.

Keywords: self-isolation, coronavirus, restriction of rights, legal regime, legal regulation.

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research "Optimization of Socio-economic Principles of Regulation of Modern Societies in the Context of the Consequences of the Coronavirus Pandemic" (20-04-60337, supervisor RAS Academician V. N. Rudenko).

For citation: Pankevich N. V., Rudenko V. V. Self-Isolation as a Legal Regime: the Russian Experience. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 16–23. (In Russ.)

Введение

Новые реалии требуют оперативных способов разрешения ситуаций, к числу которых относится установление государством особых правовых режимов, не используемых в повседневной деятельности, и корректировка действующих правовых режимов. Весной 2020 г. в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением коронавирусной инфекции на уровне субъектов РФ введен режим повышенной готовности (например, в Московской¹ и Свердловской² областях — соответствующими актами высшего должностного лица, в Республике Хакасия³ — актом высшего исполнительного органа

государственной власти), на уровне ряда муниципальных образований — режим чрезвычайной ситуации (города Саяногорск, Черногорск, Абакан в Республике Хакасия), режим карантина (например, Аскизский район Республики Хакасия⁴, город Сусуман муниципального образования «Сусуманский городской округ» в Магаданской области⁵). В рамках указанных режимов вводился режим самоизоляции как совокупности ограничительных мероприятий, связанных с запретом покидать место жительства (пребывания). Введение данного режима повлекло дискуссии по ряду вопросов. Что представляет из себя самоизоляция как правовой режим, чем данный режим отличается от сходных режимов (например, карантина) и какой механизм правового регулирования использован для его закрепления? [10] Соответствует ли данный режим закрепленным в Конституции РФ критериям ограничения прав человека? [4] Как обеспечить реализацию данного режима? [5]

¹ О введении в Московской обл. режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской обл. : Пост. Губернатора Московской обл. от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ // Интернет-портал Правительства Московской обл. — URL: <https://www.mosreg.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

² О введении на территории Свердловской обл. режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Губернатора Свердловской обл. от 18 марта 2020 г. № 100-УГ // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской обл. — URL: <https://www.pravo.gov66.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

³ О введении на территории Республики Хакасия режима повышенной готовности и реализации дополнительных мер по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций : Пост. Правительства Республики Хакасия от 13 марта 2020 г. № 102 // Официальный портал

правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ О введении на территории села Усть-Есь Аскизского района Республики Хакасия режима ограничительных мероприятий (карантина) с 28.04.2020 по 11.05.2020 : Постановление Администрации Аскизского района Республики Хакасия от 28 апреля 2020 г. № 322-п // Аскизский труженик. — 2020. — 20 апр. — 6 мая.

⁵ О введении ограничительных мероприятий (карантина) на территории города Сусумана муниципального образования «Сусуманский городской округ» в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Постановление Правительства Магаданской области от 3 июня 2020 г. № 403-пп // Официальный портал правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы самоизоляции, судебная практика, материалы, размещенные в СМИ. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, метод правовой герменевтики.

Результаты и их обсуждение

Любой человек может принять решение о самоизоляции, предполагающей пребывание в определенном месте и ограничение социальных контактов, но такое решение можно считать принятым в рамках соответствующего правового режима при соблюдении следующих условий: 1) имеется нормативное предписание, содержащее запрет покидать место жительства (пребывания), то есть установление такого запрета обусловлено волей публично-образовательного образования; 2) данный запрет установлен с определенной социально значимой целью — не допустить распространение заболевания.

Самоизоляция как правовой режим может быть установлен в отношении всех лиц, проживающих на определенной территории (в марте-апреле 2020 г. такой вариант был использован на территории большинства субъектов РФ), или в отношении определенной группы лиц (например, в отношении лиц, прибывающих из стран, где зарегистрированы случаи заболевания, и лиц, с ними совместно проживающих, или в отношении граждан, проживающих или временно находящихся на территории субъекта РФ, старше 65 лет, лиц, контактировавших с заболевшими). Отдельным лицам может быть рекомендовано соблюдение режима самоизоляции (например, лицам с хроническими заболеваниями¹). Таким образом, режим самоизоляции может иметь как обязательный, так и рекомендательный характер.

Анализ нормативных правовых актов, устанавливающих режим самоизоляции, позволяет охарактеризовать использованное при его закреплении правовое регулирование следующим образом: используется разрешительный тип правового регулирования по формуле «запрещено все, кроме прямо разрешенного», императивный метод правового регулирования, в качестве правового

¹ См., например: Постановление Губернатора Ставропольского края от 26 марта 2020 г. № 119 «О комплексе ограничительных и иных мероприятий по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019 на территории Ставропольского края»// Официальный портал правовой информации Ставропольского края. — URL: <https://www.pravo.stavregion.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

инструментария выбрано сочетание запрета, дозволения и обязывания. Так, при установлении режима самоизоляции используется запрет покидать место жительства (пребывания), дозволение следовать к ближайшему месту приобретения товаров, выгула домашних животных и др., обязанность доказать правомерность пребывания вне места жительства (пребывания) и иные средства правового регулирования. Кроме того, установление режима самоизоляции на всей территории субъекта РФ невозможно без введения особого режима хозяйственной деятельности.

Обращает на себя внимание то, что объем дозволений в рамках установленного режима самоизоляции варьируется. Так, при установлении режима самоизоляции с 1 по 12 апреля в Свердловской области были использованы следующие дозволения: возможно покидать место жительства (пребывания) в целях обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью, при следовании к месту (от места) осуществления деятельности (в том числе, работы), которая не приостановлена, осуществления деятельности, связанной с передвижением по территории Свердловской области, если это связано с вышеобозначенной деятельностью, следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничена, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания), выноса отходов до ближайшего места накопления отходов. Кроме того, был установлен перечень организаций, на которые указанные ограничения не распространяются.

В Республике Хакасии режим самоизоляции в тот же период включал следующие дозволения, отличные от установленных в Свердловской области: прогулки с детьми на расстоянии, не превышающем 300 метров от места проживания (пребывания) с учетом социального дистанцирования не менее 1,5 метра; следование лиц к месту нахождения своих жилого дома, квартиры, гаража, принадлежащим им садовому (огородному) земельному участку; следования к месту проживания (пребывания) одиноко проживающих близких родственников и лиц, находящихся на социальном обслуживании, с целью осуществления просмотра и ухода за ними, доставки им продуктов питания и товаров первой необходимости. Выгул собак в Республике Хакасии допускался на расстоянии 30 метров от места жительства (пребывания). В Московской области ограничения, установленные в рамках режима самоизоляции, не распространялись в определенных случаях использования цифровых пропусков

для передвижения по территории Московской области в период действия режима повышенной готовности. Таким образом, условия самоизоляции, установленные в разных субъектах РФ в один и тот же период времени, существенно отличались. Вместе с тем, по сути обозначенные условия режима самоизоляции представляют собой ограничения конституционного права на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ), которое не является абсолютным и может быть ограничено. Именно поэтому самоизоляцию следует классифицировать как режим, основанный на ограничениях [2, с. 1143], или режим, основанный на ограничениях, которые заключаются в дополнительных запретах или позитивных обязательствах [1, с. 190].

Вопрос о правомерности ограничения свободы передвижения актами субъектов РФ о введении режима повышенной готовности рассматривался Конституционным Судом РФ. Взвешивая ценности жизни и здоровья граждан и ценность сохранения обычного правового режима реализации прав и свобод, суд пришел к выводу о превалировании первых¹. По мнению суда, динамика одновременного автономного нормативного регулирования на федеральном и региональном уровнях отражает экстраординарность ситуации, причем понимания необходимости использования средств по защите жизни и здоровья граждан было общим и для федерального, и для регионального уровней публичной власти. Отсутствие правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни и здоровью населения, не может быть оправданием для бездействия органов публичной власти, подобное бездействие означала бы устранение государства от исполнения его конституционной обязанности по защите прав и свобод граждан, приводило бы к ее игнорированию в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона. Ограничение свободы передвижения актом регионального уровня обусловлено объективной необходимостью

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространению новой коронавирусной инфекции на территории Московской области»: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

оперативного реагирования на беспрецедентную угрозу распространения коронавирусной инфекции, имеет исключительный характер и является соразмерным конституционно значимой цели защиты жизни и здоровья граждан. Анализируемое постановление продемонстрировало проблемы российского права как регулятора общественных отношений. В экстраординарных условиях, предусмотренных законодательством об санитарно-эпидемиологическом благополучии и о чрезвычайных ситуациях, правовых механизмов оказалось недостаточно, в связи с чем региональные органы были вынуждены осуществлять незакрепленные за ними функции. Вместе с тем, сохранение устойчивости фундаментальных основ права должно выступать основной гарантией законности и правопорядка в государстве в условиях повышенного риска [7].

По своей отраслевой принадлежности режим самоизоляции представляется комплексным правовым институтом, сочетающим нормы прежде всего конституционного, муниципального, трудового и административного права.

Наиболее близким к самоизоляции правовым режимом выступает карантин. В законодательстве четкие критерии их разграничения отсутствуют. Карантин на законодательном уровне отнесен к числу санитарно-противоэпидемиологических мероприятий². Под карантином понимаются административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных. В случае самоизоляции круг ограничительных мероприятий уже и ограничение передвижения распространяется исключительно на физических лиц. Различается и юридическая техника установления соответствующего режима: если самоизоляция устанавливается применительно к субъекту, то карантин — к объекту. В качестве таких объектов могут выступать пункт пропуска через Государственную границу РФ, территория РФ, субъекта РФ, муниципального образования, организации и объекты хозяйственной и иной деятельности. Порядок осуществления карантина устанавливается санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами федерального уровня. Порядок осуществления

² О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1650.

самоизоляции установлен в настоящий момент непосредственно актами о введении режима повышенной готовности и карантина.

Карантин, как правило, вводится на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства РФ или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления. Правовой режим самоизоляции в период распространения коронавирусной инфекции вводился актами высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органами государственной власти субъекта РФ) и актами органа местного самоуправления в рамках режимов повышенной опасности (вводится при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации) и чрезвычайной ситуации на основании Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. Законодателем в указанный закон оперативно были внесены изменения, допустившие применение режима чрезвычайной ситуации и соответственно режима повышенной готовности в случае распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, а также предоставившие органам государственной власти субъектов РФ полномочия по установлению правил поведения, обязательных для исполнения в случае введения соответствующих режимов². К числу обозначенных правил относятся и условия самоизоляции. Последовавшим вслед за принятием указанного федерального закона Указом Президента РФ на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ возложена обязанность, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции в субъекте РФ, обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, в том числе установить особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств³.

¹ Российская газета. 1994. 24 дек.

² О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

³ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // Официальный интернет-портал

В литературе, посвященной анализу прав человека в период распространения коронавирусной инфекции, предприняты попытки разграничения самоизоляции и карантина: карантин применим к заболевшему лицу, содержит строгий запрет на выход из дома, на период карантина выдается больничный [3, с. 51]. Вместе с тем, такие критерии не универсальны, поскольку карантин может быть и профилактической мерой, и может вводиться применительно к определенному объекту, где находятся как заболевшие, так и не заболевшие лица. Согласно рекомендациям Роспотребнадзора, самоизоляция граждан, прибывших из неблагополучных по коронавирусной инфекции стран, предполагает запрет покидать помещение даже на непродолжительный срок⁴.

Механизм реализации самоизоляции включает в себя: общие условия реализации режима, институциональные механизмы в виде государственных органов и организаций, контролирующих соблюдение режима самоизоляции, гарантии реализации режима, юридическую ответственность за нарушение режима.

Гарантиями реализации правового режима самоизоляции, своего рода стимулами его реализации, выступили: объявление указом Президента РФ нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы, денежные выплаты семьям с детьми, предоставление наиболее востребованных государственных услуг дистанционно, обеспечение деятельности инфраструктурных объектов и предприятий. Данные меры существенно помогли снизить нагрузку на российские домохозяйства и помочь справиться с проблемой выбывающих доходов в ситуации, когда ограничение мобильности одновременно прерывает доступ к труду (также конституционно гарантированному ст. 37 Конституции РФ) и, соответственно, доходу.

Вместе с тем, введение режима самоизоляции породило ряд социально-экономических проблем: сокращение сектора услуг, снижение производственной деятельности. И если государственные меры поддержки учитывали данные риски и предлагали определенные меры поддержки экономики, то негативные последствия ограничения социальной активности не получили должного внимания. Между тем они проявились в ряде социально значимых рисков: росте отчужденности и агрессии, несформированности моделей конструктивного взаимодействия

правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека // Официальный сайт. — URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

в изменяющихся моделях внутрисемейного поведения, влиянии, негативно окрашенной информации на психику, недостаточном уровне владения онлайн-технологиями [8, с. 130].

Проблемой является также и низкий уровень доверия населения к решениям уполномоченных органов. В ряде случаев решения о введении режимов самоизоляции были приняты задолго до появления в регионах первых случаев инфекции, что при этом не воспрепятствовало ее дальнейшему распространению.

Проявившиеся проблемы являются факторами, определяющими неэффективность механизма реализации правового режима самоизоляции. Многие из обозначенных проблем, а также непосредственно несоблюдение режима самоизоляции связаны с объективной ситуацией уязвимости широких слоев населения, когда индивидуальное право на труд и доход оказывается в личной иерархии ценностей и интересов более значимым, чем собственное право на здоровье, и тем более обязанность по поддержанию здоровья общественного. Очевидно, что данная ситуация выявляет не столько разницу в мировоззрении разных социальных групп, сколько отражает экономическое неравенство, присутствующее в российском обществе, где более благополучные слои сталкиваются в основном с проблемой ограничения права на передвижение, тогда как более уязвимые группы одновременно сталкиваются и с угрозой утраты экономической стабильности и благополучия.

С другой стороны, нарушение режимов самоизоляции не менее тесно связано с ценностными установками граждан. Поскольку конкретный правовой режим всегда неразрывно связан с государственным строем и политическим режимом в государстве [6, с. 19], то первоочередными условиями для реализации правового режима самоизоляции должна являться направленность политики российского государства на закреплению таких ценностей, как семья и здоровье, при том что в ходе конституционной реформы 2020 г. данные ценности получили особую значимость, а также на повышение уровня социальной ответственности граждан и на воздействие на правосознание граждан. Согласно проведенному в 2020 г. посредством Google-форм исследованию, где размещена разработанная О. А. Милькевич анкета «Социально-культурные последствия самоизоляции», каждый пятый респондент оценивал здоровье как ценность, менее значимую по сравнению с образованием, работой, взаимопомощью внутри семьи [8, с. 133].

В отсутствие массовой поддержки режимов самоизоляции со стороны граждан и массового характера их нарушения, особую

значимость приобретает принуждение со стороны исполнительных структур и введение механизмов, обеспечивающих объективный контроль над соблюдением гражданами режима (усиление работы правоохранительных органов, совершенствование технических методов надзора за перемещением).

В отдельных субъектах РФ (Москва, Московская, Липецкая и Владимирская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и др.) были предприняты попытки ввести системы цифровых пропусков в качестве контрольного механизма соблюдения самоизоляции. Причем в конкретных субъектах РФ создавались собственные электронные системы (например, в Югре — ГИС «Цифровое уведомление», в Московской области — «Госуслуги: СТОП коронавирус»), правила функционирования которой утверждались отдельно в каждом регионе.

Меры ответственности за нарушение режима самоизоляции закреплены Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹, согласно которого ст. 6.3 «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» Кодекса была дополнена частями 2 и 3, содержащими составы правонарушений, совершенных в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), а также КоАП РФ дополнен ст. 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения». При этом в отдельных субъектах РФ были установлены собственные составы административных правонарушений, по-разному определяющие объективную сторону деяний, предусматривающие различные санкции за одни и те же деяния [9, с. 250].

Новые составы преступлений включены в Уголовный кодекс РФ и ужесточена уголовно-правовая ответственность по составам, предусмотренным ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»². Данная

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

статья активно применялась к гражданам-нарушителям режима самоизоляции (республики Крым, Якутия, Северная Осетия и др.).

Выводы и заключение

Пандемия новой коронавирусной инфекции представляет собой не только кризис в области здравоохранения. Массовый характер угрозы и ее выход за пределы отдельных регионов и населенных пунктов, изоляция которых возможна карантинными мерами, предопределил необходимость разработки инновационных режимов регулирования общественных отношений, дополняющих существующие. Таким режимом стал режим самоизоляции, основанный преимущественно на осознанной кооперации граждан страны с органами управления различных уровней, общественной солидарности и сплоченности перед лицом общей опасности, минимальном уровне принуждения со стороны органов и служб охраны правопорядка.

Однако в реальный эпидемический процесс на территории всей страны возник целый ряд кризисов, усиливающих друг друга в своем течении. Во-первых, пандемия обнаружила с очевидностью проблемы социального расслоения и неравенства в российском обществе, неравной защищенности граждан перед лицом массовой угрозы, что стало серьезным испытанием для общественной солидарности и единства. Разное видение иерархии прав и конституционных ценностей различными социальными группами снижают вероятность согласованного реагирования социума в целом на задачи режима самоизоляции и требуют большей принудительности.

Во-вторых, в условиях пандемии вновь актуализировались проблемы единства правового пространства Российской Федерации. Являясь федеративной системой, Российская Федерация переносит значительный объем полномочий и компетенций на региональный уровень, а также на уровень местного самоуправления, что должно создавать значительный ресурс гибкости реагирования на возникающие угрозы с учетом местной специфики. В условиях пандемии регионы в различной степени эффективно отреагировали на требования момента. Рассогласование правового регулирования на федеральном, региональном и местном уровнях управления привело к коллизии правовых норм — ситуации, во многом преодоленной развитием федеративных отношений в период с 2000 г. В свою очередь, данный конфликт провоцирует рост недоверия

граждан к деятельности органов публичной власти и определяет массовый характер нарушения установленных режимов ограничения прав.

В-третьих, ситуация массовой угрозы вновь с неизбежностью ставит вопрос о согласованности и единстве российской правовой системы. Необходимость срочного реагирования на проблему отчасти вытеснила на периферию внимания вопросы легитимности принимаемых мер. В частности, в РФ ограничение конституционных прав граждан возможно только федеральному закону. В этой ситуации регулирование со стороны региональных и местных властей испытывает явный дефицит легитимности и, соответственно, кооперации со стороны граждан.

В совокупности данных дефицитов режим самоизоляции, задуманный как режим социальной кооперации, оказался недостаточно эффективным, что привело к необходимости ужесточения мер государственного принуждения как на нормативном уровне (введение новелл и принятие поправок в УК РФ и УПК РФ, КоАП РФ), так и на уровне реального контроля за нарушением режима (наложение штрафов, возбуждение уголовных и административных дел). Подобное развитие существенно сближает режим самоизоляции с уже существующими ограничительными режимами.

В то же время, следует отметить, что в целом новый режим является достаточно перспективным в социальном отношении. Сочетание мер самоограничения социальных контактов как противоэпидемической меры с широкой государственной поддержкой граждан (как материальной с целью восполнения выбывающих доходов, так и информационной, организационной социальной помощью) потенциально позволяют добиться большей согласованности реакций общества и государства на угрозы массовых заболеваний. Институциональное развитие данного режима поддержит информационно-просветительская работа с населением с целью повышения субъективной значимости ценностей жизни, здоровья, безопасности в качестве коллективно значимых благ и предпосылок реализации всего объема конституционно гарантированных прав. В правовой плоскости необходимы уточнения нормативных характеристик режима самоизоляции, отличающих его от других ограничительных режимов, работа по устранению коллизий норм, принимаемых на разных уровнях государственного управления, а также коллизий отраслевых норм права.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. — Москва : Юрид. лит., 1989. — 288 с.
2. Беляева, Г. С. Правовые режимы, основанные на ограничениях: к определению понятия / Г. С. Беляева // Право и политика. — 2015. — № 8 (188). — С. 1141–1149.
3. Воронцов, С. А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии / С. А. Воронцов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2020. — № 5 (120). — С. 50–53.
4. Габиева, С. Пределы ограничения прав и свобод в Российской Федерации / С. Габиева // Закон и право. — 2020. — № 8. — С. 27–29.
5. Ефремова, М. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19) / М. Ефремова, А. Шутова, А. Никифорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 3. — С. 232–248.
6. Малько, А. В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики / А. В. Малько, Н. И. Матузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1996. — № 1 (212). — С. 16–29.
7. Малышева, И. В. Право в условиях коронавирусной пандемии: новые реалии и проблемы режима самоизоляции / И. В. Малышева // Российская юстиция. — 2020. — № 8. — С. 54–56.
8. Милькевич, О. А. Изменение ценности здоровья в период самоизоляции: социально-культурный и психолого-педагогические аспекты / О. А. Милькевич, Е. В. Гончаров, Н. В. Привезенцева, Я. И. Крестенкова // Современный ученый. — 2020. — № 4. — С. 130–135.
9. Морозова, Н. А. Установление субъектами Российской Федерации административной ответственности за нарушение режимов «карантина» и «изоляции» / Н. А. Морозова // Сибирский антропологически журнал. — 2020. — Т. 4, № 2. — С. 246–253.
10. Шумских, Ю. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса / Ю. Шумских // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2020. — № 3. — С. 56–63.

References

1. Alekseev, S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetском prave / S. S. Alekseev. — Moskva : Yurid. lit., 1989. — 288 s.
2. Belyaeva, G. S. Pravovye rezhimy, osnovannye na ogranicheniyakh: k opredeleniyu ponyatiya / G. S. Belyaeva // Pravo i politika. — 2015. — № 8 (188). — S. 1141–1149.
3. Vorontsov, S. A. O sootnoshenii prav i svobod cheloveka s urovнем bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstva v period pandemii / S. A. Vorontsov // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2020. — № 5 (120). — S. 50–53.
4. Gabieva, S. Predely ogranicheniya prav i svobod v Rossiyskoy Federatsii / S. Gabieva // Zakon i pravo. — 2020. — № 8. — S. 27–29.
5. Yefremova, M. Transformatsiya rossiyskogo administrativnogo i ugolovnogogo zakonodatelstva v usloviyakh rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (Covid-19) / M. Yefremova, A. Shutova, A. Nikiforova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2020. — № 3. — S. 232–248.
6. Malko, A. V. Pravovye rezhimy: Voprosy teorii i praktiki / A. V. Malko, N. I. Matuzov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 1996. — № 1 (212). — S. 16–29.
7. Malysheva, I. V. Pravo v usloviyakh koronavirusnoy pandemii: novye realii i problemy rezhima samoizolyatsii / I. V. Malysheva // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 8. — S. 54–56.
8. Milkevich, O. A. Izmenenie tsennosti zdorovya v period samoizolyatsii: sotsialno-kulturnyy i psikhologo-pedagogicheskie aspekty / O. A. Milkevich, Ye. V. Goncharov, N. V. Privezentseva, Ya. I. Krestenkova // Sovremennyy uchenyy. — 2020. — № 4. — S. 130–135.
9. Morozova, N. A. Ustanovlenie subektami Rossiyskoy Federatsii administrativnoy otvetstvennosti za narushenie rezhimov «karantina» i «izolyatsii» / N. A. Morozova // Sibirskiy antropologicheski zhurnal. — 2020. — Т. 4, № 2. — S. 246–253.
10. Shumskikh, Yu. Uzhestochenie yuridicheskoy otvetstvennosti v usloviyakh koronavirusa / Yu. Shumskikh // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. — 2020. — № 3. — S. 56–63.

Дата поступления статьи: 11.04.2021.

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Тищенко А. В.

*Российский государственный университет правосудия,
Уральский филиал
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: tichalen@mail.ru.*

Аннотация. В эпоху цифровизации появилась потребность введения и закрепления ряда основных положений действующего законодательства. В статье рассматривается критерии справедливости как ценностно-правовой категории.

Приводятся различные позиции в толковании и правоприменении справедливости. Так, данная необходимость проявилась в разъяснении принципа справедливости, в выделении ценностно-правовых ориентиров, анализе понимания дефиниции «справедливость» различными правовыми школами. Отмечается трансформация справедливости на протяжении становления и развития различных государственных устройств.

Автором вычленяется проблема, заключающаяся в том, что законодатель в нормативных правовых актах декларирует принцип справедливости либо «явно» либо «априори» через призму других правовых универсальных принципов правосудия таких, как через равенства всех перед законом и судом, законности. В действующем национальном законодательстве справедливость в основном отражается как значение, несущее подразумевающий характер при применении закона судом и органами государственной власти, только в некоторых правовых актах справедливость отражена как принцип права, например в Уголовном Кодексе Российской Федерации закрепляется в качестве принципа справедливость, тогда как в Арбитражном процессуальном Кодексе Российской Федерации справедливость закрепляется в задачах судопроизводства. О чем ранее в предшествующих статьях по данной теме автор исследовал.

В заключение исследования, автор аргументирует занимаемую позицию в отношении значения и содержания дефиниции «справедливость». Подчеркивает, что необходимо законодателем закрепить в правовом поле принцип справедливости как всеобщий принцип права, чтобы исключить и различное толкование дефиниции «справедливость» и ее оценивания критериев как ценностного ориентира.

Ключевые слова: справедливость, принцип справедливости, правосудие, этические нормы, нравственность.

Для цитирования: Тищенко, А. В. Историко-правовая регламентация понятия справедливости / А. В. Тищенко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 24–28.

HISTORICAL AND LEGAL REGULATION OF THE CONCEPT OF JUSTICE

A. V. Tishchenko

*Ural Branch of Russian State University of Justice
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: tichalen@mail.ru.*

Abstract. In the era of digitalization, there is a need to introduce and consolidate a number of basic provisions of the current legislation. The article examines the criteria of justice as a value-legal category.

Various positions are given in the interpretation and enforcement of justice. So, this need was manifested in the clarification of the principle of justice, in the allocation of value-legal

guidelines, analysis of the understanding of the definition of “justice” by various legal schools. The transformation of justice during the formation and development of various state structures is noted.

The author singles out the problem that the legislator in normative legal acts declares the principle of justice either “explicitly” or “a priori” through the prism of other legal universal principles of justice, such as through the equality of all before the law and the court, legality.

In the current national legislation, justice is mainly reflected as a meaning that carries an implicit character when the law is applied by the court and public authorities, only in some legal acts justice is reflected as a principle of law, for example, in the Criminal Code of the Russian Federation, justice is enshrined as a principle, while in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, justice is enshrined in the tasks of legal proceedings. About what the author investigated earlier in previous articles on this topic.

In conclusion of the study, the author argues for the position taken in relation to the meaning and content of the definition of “justice”. Emphasizes that it is necessary for the legislator to consolidate in the legal field the principle of justice as a universal principle of law in order to exclude different interpretations of the definition of “justice” and its assessment of criteria as a value reference.

Keywords: fairness, the principle of fairness, justice, ethical norms, morality.

For citation: Tishchenko A. V. Historical and Legal Regulation of the Concept of Justice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 24–28. (In Russ.)

Введение

В современном российском законодательстве стартовал ряд правовых реформ, в частности судебная реформа. Целью данной реформы явилось модернизация, развитие государственной власти в сфере правосудия.

Описание исследования

Одним из ключевых постулатов отправления правосудия является принятие справедливого решения судом. Справедливость в настоящее время многие ученые, приверженцы различных правовых школ, трактуют по-разному.

В теории правосудия имеется правило с общим патерном: справедливость заканчивается там, где начинается отрицательное явление. Такое установление именуется теорией справедливости.

Именно во всех правовых доктринах есть данное начало равенства и справедливости. Однако в действующем национальном законодательстве имеются различия, как в нормативном закреплении, так и в повседневном правоприменении.

Для того чтобы разобраться как закрепляется справедливость в правовом поле, необходимо проанализировать эволюцию справедливости.

Справедливость во многих государствах, как с древнейших времен, так и в настоящее время, прошла свой чрезвычайно насыщенный колоритный путь развития и обладает историческим сформировавшимся содержанием, которое во многих государствах применяют и трактуют по-разному.

Испокон веку «справедливость» отражала, как правило, одно лишь значение: «Каждому — своё» либо «Каждому воздаться за грехи его» и т. д.

Справедливость начинает трансформироваться во взглядах на право и правосудие в римских классических трудах многих искусных ораторов того времени [2].

Так, в одном из Дигестов Юстиниана Ульпиан, цитировавший Цельса, отождествлял право со справедливостью, которая являлась прародительницей зарождения права. Иначе без существования справедливости в праве не будет правдивым закон [4, с. 101–105].

Юристы тех времен в понятии право в целом видели в его значении смысл добра и справедливости, без которых оно будет не истинно.

В дальнейшем своем развитии справедливость претерпевает существенные изменения в закреплении, как в зарубежном законодательстве, так и в национальном в качестве принципа права, либо, только подразумевая в других смежных с ним принципах, таких, как законность, равенство всех перед судом и законом, доступности и других.

Анализируя труды многих ученых-правоведов, приходим к пониманию того, что в правовом поле неоднозначно складывается понимание такой дефиниции как справедливость.

Некоторые авторы относят справедливость к принципу справедливости.

Так, например современный ученый С. А. Юнусов, исследовав принцип справедливости, дает свое понимание данного принципа, считая его над всеми принципами самым высшим ориентиром, который как включен

в призму всех принципов, так и устанавливает границы их действия, задав ценностные ориентиры. Тем самым данная ценность торжествует во всех общественных отношениях [7].

Данное понимание справедливости на наш взгляд, исходит с древнейших времен зарождения права в целом, когда было в правилах того времени стойкое убеждение о естественном нравственном законе, применяемого в реальности, который был всеобщим для всех и как правило входил во все правовые и этические нормы. Что также признавали священнослужители того времени, которые закрепляли положения о справедливом возмездии над совершаемым в мире злом.

Рассматривая справедливость как принцип, содержащий в себе этические, философские воззрения в разные времена, подразумевалось сочетание таких категорий, как мораль, право, социум и политическое сознание.

Это нашло отражение в понятийном содержании справедливости в различных энциклопедических, толковых и юридических словарях.

В действующих же законах категория справедливость отражена и в основном законе российского государства. Так, упоминается в Преамбуле Конституции Российской Федерации, а также в ч. 3 статьи 17 «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». После внесения поправок и изменений в данный закон и в статье 75, где напрямую говорится о принципе справедливости при формировании системы пенсионного обеспечения граждан¹.

В Уголовном кодексе Российской Федерации данный принцип отражен как цель уголовного наказания, процессуально закрепляя его через действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Однако не во всех нормативных правовых актах так явно прослеживается принцип справедливости, он через призму принципов, имеющих аналогичное понимание этико-нравственных начал, закрепляется в иных федеральных законах и правовых актах действующего российского законодательства.

О чем свидетельствует разъяснение Конституционного Суда Российской Федерации, закрепляя установление принципов правосудия всеобщими, применяемыми всеми видами судопроизводства: конституционными,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

административными, гражданскими и уголовными, тем самым восстанавливая нарушенные права граждан².

Кодексом об административном судопроизводстве Российской Федерации задекларирован конституционный принцип справедливости, а именно на стадии рассмотрения дел, вытекающих из публичных и иных административных дел.

Помимо данного положения, также прослеживается принцип справедливости при установлении обстоятельств административного дела, при толковании правоприменении различных нормативных правовых актов, при восстановлении нарушенных прав физическими лицами и юридическими лицами путем защиты их в суде.

Следующим процессуальным кодексом, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, справедливость в качестве принципа является задачей по разбирательству дела независимым судом.

Однако, Гражданский кодекс Российской Федерации не закрепляя справедливость в качестве принципа, являясь носителем материальных норм, устанавливает такую дефиницию как «правильность и своевременность» рассмотрения гражданско-правовых дел. Что нами ранее было исследовано о нетождественном понимании «правильности» и «справедливости» [5, с. 109].

Таким образом, судебная деятельность исходит при осуществлении правосудия из презумпции осуществления справедливости в законе и тем самым отображает веру в справедливость в нормах действующего законодательства.

Другая же точка зрения ученых-исследователей — это справедливость относится к неправовому явлению, а значит, данная дефиниция не может быть принципом.

К таким видным ученым, разделявшим такую позицию, относятся Г. В. Гегель, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, В. В. Ершов и другие.

Так, Г. В. Гегель отмечал «действительное право — то, что действует», выделяя при этом такую категорию как «неправо», которое противопоставляется праву и создает видимость, то есть особенной волей [1, с. 137].

Н. М. Коркунов, разделяя с одной стороны позицию «право» и «неправо», однако ввел понятие «Правое мерило», что означает ни какие

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2013. — № 6.

нравственные интересы не могут быть принесены в жертву применяемым нормам в правовом поле, означая, что строгое осуществление права считается несправедливым, если не будут учтены нормы нравственности и морали. Тем самым, устанавливается двойственный характер к пониманию справедливости как принципа, подчеркивая утверждение, что право — это: во-первых, взаимодействие людей; во-вторых — психическая власть и в-третьих, включающая в себя нравственные интересы [8].

Виднейший представитель психологической школы права Л. И. Петражицкий также был сторонником выделения двух категорий: «право», куда включал предписания, нормы, и «неправо» куда входило что-то неосознанное, потустороннее. Закон разделял право в целом и нормы морали и этики. Анализ право и нравственности данного ученого не обошел стороной и такие моральные категории как совесть, справедливость, указывая на второе «Я», как что-то большее, вне поля «права» [8].

На наш взгляд, в современное время данные воззрения этих ученых легли в основу новой теории права — концепции интегративного правопонимания.

Ее виднейшим представителем является В. В. Ершов, который анализирует такой вопрос: «Что первично — принципы или нормы?», подчеркивая, что принципы права являются абстрактными, не четко определенные правовые средства, по отношению к нормам права являются первичными.

Резюмируя данный подход к обоснованию принципа, В. В. Ершов подразумевает под данным понятием «действующее средство правового регулирования отношений», которые являются первичными и важными составляющими систему форм как национального, так и международного права, учитывая их и действовать в соответствии с ними самостоятельно [3, с. 309–310].

Впервые, основываясь на концепцию интегративного правопонимания, которая в свое время была в некотором аспекте отражена в Постановлении Конституционного суда от 30 ноября 1992 г. № 9-П, были установлены различные

формы права такие, как: общие принципы права и действующее законодательство.

Впоследствии данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации было прореформировано в связи с быстроменяющимися тенденциями в области права и законодательства и в 2015 г. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации № 14-П, на взгляд В. В. Ершова, выделилась иная позиция, дискуссионная в настоящее время, которая устанавливает, что «действующее законодательство и общие принципы права должны содержать критерии справедливости, соразмерности и правовой безопасности» для восстановления нарушенных прав и свобод, а также путем осуществления справедливого правосудия [3, с. 300].

Таким образом, ученый считает, что такая категория как справедливость входит в «неправо» и представляет собой именно «основание», а «не принцип» для всех общих связей систем форм права, в которых четко должны выделяться нормы права, в дальнейшем выступать в качестве «определенного права».

Выводы

Подводя итог вышесказанному, нам представляется, что с точки зрения содержания справедливости имеет место быть параллельно развивающихся два понятийных аппарата, включающих в себя справедливость как принцип и справедливость как категория, только опосредовано, и в соответствии с ней правоприменяется норма действующего законодательства.

Данная проблематика нами исследуется в настоящее время и позиция наша заключается в том, что справедливость является принципом права в целом, а иначе, разделяя позицию ученых Д. А. Фурсова и И. В. Харламовой, при отправлении правосудия суд формально применяет закон, не учитывая меру справедливости в нем [6, с. 16].

В эпоху цифровизации справедливость — это гораздо масштабнее, самостоятельное, общеправовое явление, которое включено во все принципы и институты правоотношений. Это то, на чем должно быть основано правосудие!

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Философия права / Г. В. Гегель. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с.
2. Дигесты Юстиниана. В 8 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — Москва : Статут, 2002–2006.
3. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В. В. Ершов. — Москва : РГУП, 2018. — 628 с.
4. Перетерский, И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика / И. С. Перетерский. — Москва : Госюриздат, 1956. — 131 с.

5. Тищенко, А. В. Теоретико-правовые аспекты принципов справедливости и равенства всех перед законом и судом как принципов юридической ответственности / А. В. Тищенко, В. А. Задорожная // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 106–111.
6. Фурсов, Д. А. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том первый: Теория и практика организации правосудия / Д. А. Фурсов, И. В. Харламова. — Москва : Статут, 2009. — 524 с.
7. Юнусов, С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Юнусов Самур Абдулжабарович. — Рязань, 2014. — 23 с.
8. Ярославцев, В. Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество / В. Г. Ярославцев. — Москва : Юстицинформ, 2007. — 304 с.

References

1. Gegel, G. V. *Filosofiya prava* / G. V. Gegel. — Moskva : Mysl, 1990. — 524 s.
2. *Digesty Yustiniana. V 8 t.* / otv. red. L. L. Kofanov. — Moskva : Statut, 2002–2006.
3. Yershov, V. V. *Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy : monografiya* / V. V. Yershov. — Moskva : RGUP, 2018. — 628 s.
4. Pereterskiy, I. S. *Digesty Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya kharakteristika* / I. S. Pereterskiy. — Moskva : Gosyurizdat, 1956. — 131 s.
5. Tishchenko, A. V. *Teoretiko-pravovye aspekty printsipov spravedlivosti i ravenstva vseh pered zakonom i sudom kak printsipov yuridicheskoy otvetstvennosti* / A. V. Tishchenko, V. A. Zadorozhnaya // *Vestnik Yuzhno-uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 106–111.
6. Fursov, D. A. *Teoriya pravosudiya v kratkom trekhTomnom izlozhenii po grazhdanskim delam. Tom pervyy: Teoriya i praktika organizatsii pravosudiya* / D. A. Fursov, I. V. Kharlamova. — Moskva : Statut, 2009. — 524 s.
7. Yunusov, S. A. *Printsip spravedlivosti v ugovovno-ispolnitelnom prave: voprosy teorii : spetsialnost 12.00.08 «Ugovovnoe pravo i kriminologiya; ugovovno-ispolnitelnoe pravo», 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya ucheniy o prave i gosudarstve»* : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Yunusov Samur Abdulzhabarovich. — Ryazan, 2014. — 23 s.
8. Yaroslavtsev, V. G. *Nravstvennoe pravosudie i sudeyskoe pravotvorchestvo* / V. G. Yaroslavtsev. — Moskva : Yustitsinform, 2007. — 304 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.04.2021.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (к юбилею профессора Денисенко Виктора Васильевича)

Винокурова М. А.

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: marysy_1108@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9574-7865.*

Аннотация. Цель. Сбор, систематизация и смысловая обработка теории административно-деликтного права. *Методы.* В статье использованы следующие методы научного познания — анализ, абстрагирование, синтез. Помимо этого, использован системный метод в сфере изучения сущности исследуемого явления. *Результаты.* На основе обзора теоретических положений автором отмечено, что исследование понятий «административная деликтология», «административно-деликтные отношения» в работах Виктора Васильевича Денисенко носят системный характер. В них четко решены три уровня научно-исследовательских задач: дискурсивный, терминологический и методологический. Дискурсивный уровень позволил найти непротиворечивое целостное отражение природы исследуемого явления, — «административная деликтология». Терминологический уровень придал исследовательским рассуждениям качество открытой, прозрачной системы. Методологический подход продемонстрировал наличие единого исследовательского инструментария в трактовке понятий. Исследования Виктора Васильевича Денисенко в области административно-деликтного права носят значимый характер, так как включают смыслообразующие принципы, ценностные ориентации и нормирующие требования.

Ключевые слова: административное правонарушение, деликтология, административно-деликтные отношения, объекты административно-деликтных отношений, административная деликтность.

Для цитирования: Винокурова, М. А. Перспективы развития административно-деликтного права в современной России (к юбилею профессора Денисенко Виктора Васильевича) / М. А. Винокурова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 29–33.

DEVELOPMENT'S OUTLOOK OF ADMINISTRATIVE-TORT LAW IN RUSSIA (to the Anniversary of Professor Viktor Vasilievich Denisenko)

M. A. Vinokurova

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: marysy_1108@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9574-7865.*

Abstract. *Goal.* Collection, systematization and semantic processing of the theory of administrative-tort law. *Methods.* The article uses the following methods of scientific knowledge-analysis, abstraction, synthesis. In addition, a systematic method is used in the field of studying the essence of the phenomenon under study. *Results.* Based on the review of theoretical provisions, the author notes that the study of the concepts of “administrative delectology”, “administrative-tort relations”

in the works of V. V. Denisenko is systematic. They clearly present scientific definitions, as well as demonstrate a unified methodological approach to the interpretation of concepts. Viktor Vasilyevich Denisenko's research in the field of administrative-tort law is significant, since it includes meaning-forming principles, value orientations and normalizing requirements.

Keywords: administrative offense, administrative-tort relations, objects of administrative-tort relations, administrative tort.

For citation: Vinokurova M. A. Development's Outlook of Administrative-Tort Law in Russia (to the Anniversary of Professor Viktor Vasilyevich Denisenko). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 29–33. (In Russ.)

Введение

В настоящее время, в условиях отсутствия абсолютной ориентации в единообразном понимании таких понятий, как «административное правонарушение», «уголовный проступок», «уголовное преступление», «малозначительное деяние», актуальна возможность исследования идей об административно-деликтных отношениях. Однако современное состояние научной мысли о системе данной категории отношений как в России, так и за ее пределами, оказывается крайне противоречивым. При этом противоречивость характеризует, прежде всего, внутренне состояние системы административно-деликтных отношений. С одной стороны, само существование такой категории отношений как административно-деликтных означает наличие внешней, научной концептуализации. С другой стороны, основные упреки, складывающиеся вокруг концепции административно-деликтных отношений, как раз связаны с непринятием самой идеи поиска смысла за пределами эмпирического опыта.

Методы исследования

Методологической основой исследования являются методы теоретического познания такие как анализ, абстрагирование, синтез. Метод анализа позволил рассмотреть различные стороны целостных объектов исследования изолировано друг от друга, тем самым позволив сформировать содержание и значение абстрактных понятий сепаративно друг от друга. Метод абстрагирования обеспечил возможность провести анализ сторон рассматриваемого предмета. Метод синтеза делает возможным интегрировать части рассматриваемого объекта, тем самым создать целостное представление об исследуемом явлении.

В рамках системного метода была исследована сущность и значение административно-деликтных отношений.

Результаты исследования.

Работы Виктора Васильевича Денисенко представляют собой научный вклад в развитие системы административно-деликтных

отношений, так как их объективность скорректирована социальным контекстом.

Немало статей издано под руководством В. В. Денисенко, касающихся фундаментальных оснований и сущностных сторон административно-деликтных отношений.

Так, например, в статье «Правосознание в генезисе административно-деликтных отношений» автор, в первую очередь обращает внимание на то, что «рассматривая деликт как «водораздел» между правомерным и противоправным деянием, мы получаем уникальную возможность оценить любое совершенное административное правонарушение не только как внешнее проявление нарушения административно-правового запрета, но как конфликт между интересами государства, закрепленными в юридической норме, и интересами делинквента» [1, с. 19].

«Рабочий образ действительности», а именно противоправности или правомерности поведения лица позволяет расшифровать внутреннее строение анализируемой системы, — системы административно-деликтных отношений.

В монографии «Системный анализ административно-деликтных отношений» автор придерживается точки зрения, что «всячески поддерживая необходимость административной ответственности (в интересах, как государства, так и граждан) следует устанавливать ее, руководствуясь не только потребностями государства (пределы целесообразности), но и исходя из приоритета прав личности (пределы допустимости)» [5, с. 15]. Отсюда следует, что при привлечении лица к административной ответственности не стоит забывать о главном принципе правового государства — реальном обеспечении прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

Системный подход предполагает выявление структурных элементов, которые определяют эффективное развитие административно-деликтных отношений. Должное положение также находит свое отражение в монографии Виктора Васильевича «Административная деликтность. Средства воздействия на нее и их оценка».

Административная деликтность как элемент административно-деликтных отношений выступает в качестве объекта с атрибутивными свойствами. Видовое разнообразие объектов административно-деликтных отношений обусловлено как противоправными действиями делинквента, так и правомерными действиями органа (должностного лица), осуществляющего юрисдикционную деятельность.

Субъектный состав административно-деликтных отношений обусловлен расширением видового состава. К данной категории можно отнести: лиц, привлекаемых к административной ответственности, органы, наделенные административно-юрисдикционными полномочиями, лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях. Содержание правового статуса каждого субъекта согласно подходу Виктора Васильевича должен быть обязательно изменен.

Рассмотрение основных элементов административно-деликтных отношений позволило автору отразить их особенности, среди которых можно выделить следующие:

1) основанием для возникновения административно-деликтного отношения выступают не юридический факт, а результат волеизъявления лица;

2) нарушение административно-деликтных отношений выражается в форме действия или бездействия и представляет собой виновное несоблюдение лицом требований нормы права, предусматривающей административную ответственность;

3) развитие административно-деликтных отношений происходит исключительно по инициативе стороны, обладающей государственно-властными полномочиями, уполномоченной и обязанной осуществлять от имени государства деятельность по выявлению и пресечению административных правонарушений [3, с. 35];

4) административно-деликтные отношения носят субординационный характер;

5) правоприменительные правоотношения не тождественны административно-деликтным;

6) административно-деликтные отношения не ограничиваются рамками только правоприменительных отношений (в узком смысле). По мнению автора, административно-деликтные отношения в своем генезисе проходят три стадии: 1) стадию возникновения; 2) юрисдикционную стадию; 3) стадию завершения данных правоотношений [3, с. 42]. В тоже время не стоит ставить знак равно между указанными стадиями и стадиями производства по делам об административных отношениях.

По причине того, что последние представляют собой форму, в рамках которой осуществляются административно-деликтные отношения.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что Виктор Васильевич не только сделал попытку обоснования значимости выделения в отдельную группу административно-деликтных отношений, но и сформулировал конкретные критерии, позволяющие отличить административно-деликтные отношения от правоприменительных.

Относительно вопроса о латентности административной деликтности и преступности Виктор Васильевич утверждает, что «отсутствие реакции компетентных органов на совершенный деликт, приводит к повышению уверенности правонарушителя в безнаказанности за последующее противоправное деяние» [4, с. 60]. Административный проступок и преступление носят неправомерный характер. При этом, квалифицированные компетентные должностные органы обязаны своевременно реагировать на нарушение соответствующей правовой нормы.

В настоящее время сторонники административно-деликтологической теории (А. П. Шергин, М. Н. Кобзарь-Фролова, О. С. Рогачева и др.) строят свою логику на том, что эффективная борьба с административными правонарушениями невозможна без четкой регламентации и единообразного понимания нормативно-правового и организационного базиса. Меры предупреждения и профилактики должны строиться на единстве правовых, функциональных и информационных основ.

Оценка состояния преступности и административной деликтности подтверждаются статистическими данными. В то время как, уголовная статистика «апеллирует» количественными показателями зарегистрированных преступлений, статистические данные административной практики — количеством обнаруженных правонарушений.

При изучении корреляционных связей между административным деликтом и преступлением, имеющим похожие составы, измерение латентности будет носить немаловажное значение. «Вместе с тем количество выявленных деликтов может равняться количеству совершенных деликтов лишь теоретически. Фактическая погрешность будет зависеть от величины как естественной (скрытой), так и искусственной (скрываемой) латентности» [4, с. 252]. Особенности параметром латентности административных деликтов состоят, во-первых, в «неимперативной» регистрации правонарушений, во-вторых, в статистическом закреплении лишь обнаруженных административных проступков.

Автор заключает, что посредством увеличения количественного показателя выявленных преступлений и правонарушений с помощью уменьшения латентного комплекса возможно не только повышение организационной эффективности работы органов внутренних дел, но и внесение определенной четкости восприятия состояния достоверности оперативной обстановки.

В работе «Деликтология: предмет, метод и система науки», автор строит свои рассуждения на том, чтобы показать, как единый подход к исследованию преступлений и административных деликтов позволяет выстроить системный подход к предупреждению административной деликтности и преступности.

Формулируя сущность исследуемого понятия, автор пишет: «органы внутренних дел вычлняют блок преступности из общей системы деликтов и пытаются на него воздействовать безотносительно к другим правонарушениям. В итоге нарушается целостное восприятие явления правонарушительства и в этом мы видим главную причину неэффективности мер, применяемых в борьбе с преступностью» [3, с. 10]. Далее, исходя из данного постулата, автор формулирует понятие деликтности в широком и узком смысле. Широкое понятие термина «деликтность» предопределено повседневностью употребления, а узкое — рассматривает деликтность, как свойство самоорганизующих систем.

Так, под деликтностью следует подразумевать совокупность преступлений и административных правонарушений, лежащих в сфере непосредственного правового воздействия и юрисдикционной компетенции органов внутренних дел. То есть автор в сформулированном определении констатирует, что термин «деликтность» рассматривается через совокупность атрибутивных и функциональных свойств исследуемого явления.

Автор придерживается точки зрения, что элементами системы деликта служат не только преступления и административные правонарушения, но и латентные правонарушения. Включение данного элемента в систему обусловлено «массовидностью и невозможностью их квалификации».

Кроме уже упомянутого термина «деликтность» в работе «Деликтология: предмет, метод и система науки» Виктор Васильевич анализирует содержание понятие «деликт». Так, содержание всякого деликта составляет отклоняющееся поведение. Вместе с тем, следует оговорить относительность понятия «отклоняющееся поведение». «Наши представления о нем складываются с учетом особенностей

национально-этнографического характера, нравственных различных оценок одних и тех же поступков и зависят от принятых в обществе правовых установок» [3, с. 27].

Поэтому, заключает автор монографии, можно говорить о достаточной условности морально-нравственного регулирования административных деликтов.

Одним из убеждений, которое разделяет автор с российскими учеными-административистами является рассмотрение права как реально сложившейся целостности, наличия у системы права своего, единого предмета правового регулирования, системными элементами которого как раз и являются уже известные предметы отраслей, образующих систему российского права.

Поэтому вполне закономерно, что автор представляет деликтологию (ее предмет) как нечто целое, включающее системообразующие части: криминологию и административную деликтологию (их предметы).

Решение вопроса относительно структуры деликтологии, по мнению автора, может быть представлена в качестве «скелетного строения» и иметь следующий вид:

- 1) общая деликтология (общие деликтологические проблемы генезиса и детерминированности преступлений и административных деликтов);
- 2) криминология;
- 3) административная деликтология [3, с. 35].

В заключении автор констатирует, что не стоит умалять значение деликтологии и ее составной части — административной деликтологии. Действительно, преступное поведение рассматривается учеными, как крайняя форма деформации личности. В данном аспекте «личность административного правонарушителя выглядит значительно мельче и ее характеристики не получили широкого освещения в отечественной научной литературе. Однако как часто бывает, не обращая внимания на мелочи, мы упускаем главное».

Вывод

Таким образом, коснувшись темы перспектив развития административно-деликтного права в современной России, стоит отметить значимую роль исследований Виктора Васильевича Денисенко.

Можно констатировать, что в системе современного научного познания существуют признанные научно-исследовательские работы Виктора Васильевича, задающие тон незыблемого «смыслового центра» для дальнейшей научной активности последователей изучения системы административно-деликтных отношений.

Список литературы

1. Баранов, П. П. Правосознание в генезисе административно-деликтных отношений / П. П. Баранов, В. В. Денисенко // Юрист-правовед. — 2001. — № 1 (2). — С. 19–24.
2. Денисенко, В. В. Административная деликатность, средства воздействия на нее и их оценка : монография / В. В. Денисенко. — Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 1999. — 183 с.
3. Денисенко, В. В. Деликтология: предмет, метод и система науки : монография / В. В. Денисенко. — Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2001. — 71 с.
4. Денисенко, В. В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки / В. В. Денисенко // Общество и право. — 2014. — № 4 (50). — С. 249–253.
5. Денисенко, В. В. Субъектный состав административно-деликтных отношений: проблемные вопросы теории : монография / В. В. Денисенко. — Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2001. — 129 с.
6. Денисенко, В. В. Субъектный состав административно-деликтных отношений : (вопр. теории и практики) / В. В. Денисенко, О. В. Толстопятова. — Волгоград : Изд-во ВИЭСП, 2005. — 141 с.
7. Денисенко, В. В. Теория административно-деликтных отношений : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : дис. ... д-ра юрид. наук / Денисенко Виктор Васильевич. — Санкт-Петербург, 2002. — 394 с.

References

1. Baranov, P. P. Pravosoznanie v genezise administrativno-deliktnykh otnosheniy / P. P. Baranov, V. V. Denisenko // Yurist-pravoved. — 2001. — № 1 (2). — S. 19–24.
2. Denisenko, V. V. Administrativnaya delikatnost, sredstva vozdeystviya na nee i ikh otsenka : monografiya / V. V. Denisenko. — Rostov-na-Donu : RYuI MVD Rossii, 1999. — 183 s.
3. Denisenko, V. V. Deliktologiya: predmet, metod i sistema nauki : monografiya / V. V. Denisenko. — Rostov-na-Donu : RYuI MVD Rossii, 2001. — 71 s.
4. Denisenko, V. V. Latentnost administrativnoy deliktности i prestupnosti v strukture otsenki organami vnutrennikh del sostoyaniya operativnoy obstanovki / V. V. Denisenko // Obshchestvo i pravo. — 2014. — № 4 (50). — S. 249–253.
5. Denisenko, V. V. Subektnyy sostav administrativno-deliktnykh otnosheniy: problemnye voprosy teorii : monografiya / V. V. Denisenko. — Rostov-na-Donu : RYuI MVD Rossii, 2001. — 129 s.
6. Denisenko, V. V. Subektnyy sostav administrativno-deliktnykh otnosheniy : (vopr. teorii i praktiki) / V. V. Denisenko, O. V. Tolstopyatova. — Volgograd : Izd-vo VIESP, 2005. — 141 s.
7. Denisenko, V. V. Teoriya administrativno-deliktnykh otnosheniy : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» : dis. ... d-ra yurid. nauk / Denisenko Viktor Vasilevich. — Sankt-Peterburg, 2002. — 394 s.

Дата поступления статьи: 03.04.2021.

ПРОГРАММЫ ОБРАТНОГО ВЫКУПА ОРУЖИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Шмидт А. А.

Российский государственный университет правосудия

Уральский филиал

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: Artem-shmidt@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

Аннотация. В работе акцентируется внимание на актуальности вопросов совершенствования административно-правовых основ оборота гражданского оружия, обеспечивающих его безопасность и баланс частных и публичных интересов, актуальность проблемы для международного сообщества в целом и для государств, в которых разрешен оборот гражданского оружия.

Методология исследования базируется на общенаучных и частнонаучных методах, традиционных для отечественных правовых исследований, а также включает статистические и социологические методы, используемые в западных исследованиях проблем общественного здравоохранения, в том числе минимизации угроз вооруженной преступности. Анализируются результаты исследования программ обратного выкупа оружия, действовавшие в разное время в разных странах мира, а также программы, проводимые в настоящее время в различных субъектах Российской Федерации. На основе официальных отчетов правительственных и неправительственных международных и иностранных организаций, а также исследований, проводимых ведущими университетами мира, оценивается успешность профилактических мероприятий, направленных на изъятие оружия из гражданского оборота.

Приводится условная классификация типов лицензионно-разрешительной политики в зависимости от проводимой государством правовой политики в области гражданского оружия и контроля за его оборотом. Определено место программ обратного выкупа оружия в политике контроля за оружием. Анализируются результаты программ выкупа оружия в США, Австралии и России. Констатируется меньшая распространенность таких программ в Европе.

Выделены особенности и факторы, влияющие на эффективность результатов программ выкупа оружия. Приводятся краткие выводы и рекомендации по проведению программ обратного выкупа оружия, при возникновении необходимости изменения государственной лицензионно-разрешительной политики, а также ее эволюционном развитии и совершенствовании.

Ключевые слова: правовая политика, административно-правовое регулирование, оружие, возмездное изъятие оружия, профилактика преступлений, правоохранительная деятельность, лицензионно-разрешительная система.

Для цитирования: Шмидт, А. А. Программы обратного выкупа оружия в структуре лицензионно-разрешительной политики государства / А. А. Шмидт // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 34–42.

GUN BUYBACK PROGRAMS IN THE LICENSING AND PERMITTING POLICY OF THE STATE

A. A. Shmidt

Ural Branch of the Russian State University of Justice

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: Artem-shmidt@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

Abstract. The work focuses on the relevance of the issues of improving the administrative and legal framework for the circulation of civilian weapons, ensuring their safety and the balance of private and public interests, the urgency of the problem for the international community as a whole and for states in which the circulation of civilian weapons is allowed.

The research methodology is based on general scientific and specific scientific methods, traditional for domestic legal research, and also includes statistical and sociological methods used in Western studies of public health problems, including minimizing the threat of armed crime. The article analyzes the results of a study of weapons buyback programs that operated at different times in different countries of the world, as well as programs currently being carried out in various constituent entities of the Russian Federation. On the basis of official reports of governmental and non-governmental international and foreign organizations, as well as research conducted by leading universities in the world, the success of preventive measures aimed at removing weapons from civilian circulation is assessed.

A conditional classification of the types of licensing and permitting policy is given, depending on the legal policy pursued by the state in the field of civilian weapons and control over their circulation. Determined the place of arms buyback programs in arms control policy. The results of arms buyback programs in the USA, Australia and Russia are analyzed. Less prevalence of such programs in Europe is stated.

The features and factors influencing the effectiveness of the results of weapons buyback programs are highlighted. Brief conclusions and recommendations are given on the implementation of weapons buyback programs, when it becomes necessary to change the state licensing and permitting policy, as well as its evolutionary development and improvement.

Keywords: legal policy, administrative and legal regulation, guns, retaliatory seizure of guns, crime prevention, law enforcement, licensing and permittingsystem.

For citation: Shmidt A. A. Gun Buyback Programs in the Licensing and Permitting Policy of the State. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 34–42. (In Russ.)

Введение

Противодействие преступности является одним из ключевых направлений внешней и внутренней политики правового государства. Особую опасность представляют преступления совершенные с применением оружия, вопросам уголовно-правового противодействия которым посвящено значительное количество работ, в то время как вопросы административно-правового предотвращения нарушений правил оборота оружия остаются на периферии научно-исследовательской работы как в России, так и за рубежом.

Важным средством установления и обеспечения правопорядка в области оборота оружия является разработка концепции лицензионно-разрешительной политики государства,

механизмов ее оптимизации, а также совершенствование законодательства о контроле за оборотом оружия. Несмотря на относительно значимое количество работ, посвященных законодательству об оружии и правоохранительной деятельности государства по профилактике преступлений и правонарушений с использованием оружия в административно-правовой литературе встречаются лишь единичные работы по программам выкупа (возмездного изъятия) оружия из незаконного и гражданского оборота.

Цель исследования заключается в дальнейшей разработке лицензионно-разрешительной политики государства путем развития такого ее компонента как программы обратного выкупа оружия.

Материалы и методы

В западной правовой науке достаточно развиты социологические и статистические методы научных исследований которые на протяжении длительного периода сформировали значимый массив статистических данных о проводимых правительственными организациями программ обратного выкупа оружия. В работе используются опубликованные материалы докладов правительственных и неправительственных иностранных и международных организаций, в том числе доклады Федерального управления уголовной полиции Германии о преступлениях с применением огнестрельного оружия за 2014–2019 гг. (Bundeslagebild Waffenkriminalität) [10], аналитические материалы отчета о стрелковом оружии, проведенного швейцарской организацией Small Arms Survey [20], другие официальные документы и заявления официальных лиц. В работе также используются опубликованные материалы исследований американских, австралийских и европейских исследователей проблем контроля за оружием и программ обратного выкупа оружия. Наиболее значимыми для исследования стали работы группы американских авторов-исследователей проблем общественного благополучия Мари Крэндалл, Стефани Бонн, Дженнифер Бронсон, Вуди Кессель (Marie Crandall, Stephanie Bonne, Jennifer Bronson, Woodie Kessel) [14], в том числе программ обратного выкупа оружия Сандра Карпентер, Кевин Борруп, Брендан Т. Кэмпбелл (Sandra Carpenter, Kevin Borrup, Brendan T. Campbell) [12]; почетного профессора Сиднейского университета Саймона Чепмена (Simon Chapman) [13]; директора Фламандского института мира Нильса Дюке (Nils Duquet, Brussel) [16; 17], других исследователей.

Следуя отечественной правовой традиции в работе использованы общенаучные подходы и методы познания государственно-правовых явлений, в том числе сравнительно-правовой, историко-правовой, системно-структурный, формально-логический, статистический, социологический, метод экспертных оценок. В работе анализируются отчетные документы правоохранительных органов, отражающие состояние профилактической работы по изъятию оружия из незаконного оборота, федеральные и региональные нормативно-правовые акты, составляющие правовую основу оборота гражданского оружия в России, деятельности правоохранительных органов по изъятию оружия из оборота, а также программ обратного выкупа оружия.

Результаты исследования

Основные усилия правительственных организаций в большинстве стран сосредоточены на законодательном определении степени доступности оружия для граждан и объеме контрольно-надзорных полномочий государства по контролю за приобретением и использованием гражданского оружия, закладывая тем самым основы лицензионно-разрешительной политики, которая как представляется является разновидностью правовой политики государства. По указанным критериям законодательного регулирования гражданского оружия все страны мира можно весьма условно разделить на группы:

— страны где оборот оружия запрещен или существенно ограничен (многие азиатские страны, в том числе Япония и Китай);

— страны с развитым оружейным законодательством, устанавливающим приобретение оружия гражданами как законодательную привилегию, обусловленную потребностью в охоте, спорте или самообороне (многие европейские страны, в том числе Германия и Россия);

— страны где оборот оружия является условно свободным и оружейное законодательство содержит только формальные процедуры для приобретения оружия гражданами (США и Йемен).

Важным замечанием является то обстоятельство, что в последние двадцать лет во многих странах второй и третьей группы прошли более или менее успешные законодательные реформы, направленные на усиление политики контроля за гражданским оружием, сопровождаемые запретом на приобретение скорострельного «штурмового оружия» с большими магазинами, а также оружия самообороны [1].

Важным элементом государственной политики в области оборота оружия выступают государственные программы «обратного выкупа оружия» у населения, которые позволяют людям сдать огнестрельное оружие в обмен на денежное вознаграждение. Помимо простой утилизации ненужного и неиспользуемого оружия, целями таких программ являются сокращение доступности огнестрельного оружия и предотвращение насилия с применением огнестрельного оружия. Такие программы приобретают особую актуальность, когда государства устанавливают запрет на отдельные виды или модели оружия, и возникает необходимость изъятия оружия, ранее поступившего в гражданский оборот.

Суть таких программ очевидна и основывается на закономерности чем больше оружия в гражданском обороте, тем чаще оно применяется, в том числе в противоправных целях,

используется в качестве средств для самоубийства, а также выше риски его попадания в незаконный оборот. И, соответственно, чем меньше оружия в гражданском обороте, тем меньше указанные риски. В отечественной науке тезис о том, что чем больше оружия у населения, тем выше уровень преступлений с применением оружия, считается научно обоснованным верным для всех стран [3, с. 714].

Программы выкупа оружия были реализованы в различных формах в Великобритании, США, Бразилии, Австралии и Аргентине, но успех программ даже в весьма схожих странах оказался неодинаков. Так, например, Австралия и США имеют много общих черт. Обе страны являются англоязычными демократиями поликультурных иммигрантов. Австралийцы и американцы потребляют одинаковый контент фильмов, видеоигр, популярной музыки, и даже имеют схожие предпочтения в потреблении алкоголя. Страны имеют обширные территории с охотничьими угодьями, привитую культуру вооруженных европейских поселенцев, и множество энтузиастов приверженных оружейной культуре [13].

Программы обратного выкупа были широко распространены в Соединенных Штатах в течение последних 50 лет, и продолжают эпизодически проводиться во многих штатах [12]. Однако эффективность таких программ оказалась спорной из-за отсутствия согласованных и последовательных усилий федеральных властей. Во многих штатах местные власти организовали схемы добровольного обратного выкупа, где за сдачу выплачивались небольшие, иногда символические платежи [19]. Например, в Сиэтле организованная программа обратного выкупа предусматривала вознаграждение за каждый пистолет в размере 50 долларов, что позволило изъять менее 1 % короткоствольных пистолетов в Сиэтле, а 66 % тех, кто сдал свое оружие, продолжали владеть хотя бы одним другим огнестрельным оружием. Исследователями не было обнаружено доказательств какого-либо эффекта нашедшего отражение в статистике об убийствах, самоубийствах или несчастных случаях смерти в результате программы возмездной сдачи оружия [11].

В Австралии после массового расстрела в 1996 г. проведена реформа законодательства о контроле за оружием, предусматривающая установление лицензионного порядка приобретения оружия и изъятие из гражданского оборота так называемого штурмового оружия, относящегося по отечественной классификации к автоматическому боевому оружию. Проведенная реформа включала две

массовые федеральные программы выкупа оружия и 27 безвозмездных амнистий на огнестрельное оружие за 22 года. Результатами реформы стали изъятие из оборота более миллиона единиц огнестрельного оружия, снизился в два раза риск смерти австралийца от огнестрельного оружия, исследования также показали снижение на 80 % уровня самоубийств с применением огнестрельного оружия.

Программы выкупа оружия также проводились в Европе, например, в Великобритании и Бельгии, но материалов и исследований с достоверными результатами проведенных программ, опубликованных правительственными организациями автором не исследовалось. Следует отметить, что диссертационные исследования по вопросам оборота гражданского оружия в Европе, в том числе в Германии, достаточно редки [6, с. 123].

Программы обратного выкупа оружия также реализуются в России региональными властями в рамках региональных программ профилактики правонарушений. В разных регионах уже более 20 лет проводятся профилактические мероприятия, направленные на возмездное изъятие оружия из незаконного оборота. Такие акции проводятся органами внутренних дел и Росгвардии на средства бюджетов субъектов Российской Федерации.

Согласно отчета МВД России о ходе реализации государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», консолидирующей региональные программы профилактики правонарушений, в ходе мероприятий по добровольной сдаче гражданами хранящегося у них оружия в 2020 году населением сдано более 66,9 тыс. единиц оружия и 265,5 тыс. патронов. Указанные меры по пресечению незаконного оборота оружия в определенной степени способствуют сокращению количества преступлений, совершенных с его использованием (5,2 тыс.; -7,2 %)¹. В тоже время в результате профилактических и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на сокращение объемов незаконного оборота оружия правоохранительными органами выявлено 24,8 тыс. и раскрыто 17,6 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия².

Региональная практика организации возмездной сдачи средств вооружения построена

¹ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности : ежегодные отчеты // Официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 29.03.2021).

² Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности : ежегодные отчеты // Официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 29.03.2021).

на общих принципах, в том числе в определении размеров денежного вознаграждения. Так, например, в Омской, Самарской¹, Челябинской² областях, Алтайском³, Забайкальском⁴ крае за одну единицу сданного автомата гражданин получает сумму в размере 8–10 тыс. рублей, за охотничье гладкоствольное оружие — 4–5 тыс. рублей, газовое оружие самообороны — 1–2 тыс. рублей и т. д.

В то же время имеются некоторые особенности в отдельных регионах: выплата вознаграждения не только за сданные средства вооружения, но и за предоставление достоверной информации о незаконном хранении иными лицами оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (Забайкальский край); прем средств вооружения, находящихся не только в незаконном обороте, но и ранее хранившееся на законных основаниях (Челябинская область).

Статистические данные и экспертные оценки свидетельствуют об эффективности мероприятий в части добровольной сдачи оружия во многих регионах, хотя результаты таких мероприятий неоднородны, что обусловлено различными объемами финансирования из региональных бюджетов, ассортиментом принимаемых средств вооружения.

Обсуждение результатов

Приведенные результаты исследования показывают, что эффективность программ обратного выкупа оружия в разных странах неодинакова. Для исследователей остается неясным вопрос, являются ли эти программы эффективным подходом к сокращению

¹ О денежном вознаграждении за добровольную сдачу незаконно хранящегося оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Правительства Самарской области от 30 апреля 2014 г. № 242.

² О Порядке проведения в 2020–2025 годах операции «Оружие» по добровольной сдаче гражданами незаконно хранящихся оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ : постановление Правительства Челябинской области от 20.02.2020 г. № 51-П.

³ Об утверждении государственной программы Алтайского края «Обеспечение прав граждан и их безопасности» : постановление Правительства Алтайского края от 08.05.2020 № 211.

⁴ Об утверждении размеров и Порядка выплаты денежного вознаграждения гражданам, добровольно сдавшим в любое подразделение органов внутренних дел или в любое подразделение (орган) войск национальной гвардии, находящиеся на территории Забайкальского края, незаконно хранящиеся у них оружие и боеприпасы или предоставившим достоверную информацию о незаконном хранении иными лицами оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Правительства Забайкальского края от 29 августа 2018 года № 358.

числа вооруженных преступлений, в том числе убийств, а также суицидов [14].

Указанное свидетельствует о необходимости поиска путей повышения эффективности проводимых профилактических мероприятий, в том числе программ выкупа оружия.

Сравнение эффективности политики контроля за оружием разных стран по очевидным критериям — количество оружия на 100 тыс. населения и количество случаев насилия с применением оружия, в том числе убийства, телесные повреждения, самоубийства и несчастные случаи — чревато методологическими проблемами. Это обусловлено культурными, историческими и экономическими факторами, которые также сильно влияют на количественные показатели происшествий с оружием, как и оружейное законодательство.

Вопросам возмездного изъятия оружия в отечественной литературе согласно наукометрических систем посвящено всего несколько работ за последние десять лет [4; 5; 7]. В зарубежной литературе интерес к проблеме значительно выше [8; 9; 11–13; 17–19]. Оценки зарубежных авторов основываются на социологических методах и опосредованы в большей или меньшей степени влиянием лоббистских групп влияния. В отечественной правовой литературе в связи с малой распространенностью социологических методов исследований в большей мере используются статистические методы и метод экспертных оценок в анализе эффективности программ обратного выкупа оружия. Приведенные в отчетах МВД России статистические сведения и оценки эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за последние 8 лет показывают ежегодное снижение количества противоправных деяний с применением оружия⁵.

Следует учитывать, что на оценку эффективности политики государства за оборотом оружия существенное влияние оказывает комплексность и наступательность лицензионно-разрешительной политики.

В этом отношении показателен пример Австралии, где после массового расстрела 35 человек в 1996 году новоизбранный премьер-министр Джон Говард при поддержке всех основных политических партии и 90 % поддержке в опросах общественного мнения всего за 12 дней смог убедить все штаты и территории Австралийского Союза принять единые

⁵ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: ежегодные отчеты // Официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 29.03.2021).

общенациональные законы о контроле над огнестрельным оружием. В основу лицензионно-разрешительной политики Австралии были заложены три столпа контроля над оружием: лицензирование владельцев оружия, регистрация каждой единицы гражданского огнестрельного оружия и признание личного владения оружием как условной привилегии, а не права [14]. Проведенная реформа включала две массовые федеральные программы выкупа оружия и 27 безвозмездных амнистий на огнестрельное оружие за 22 года. Результатами реформы стали изъятие из оборота более миллиона единиц огнестрельного оружия, снизился в два раза риск гибели от огнестрельного оружия, исследования также показали снижение на 80 % уровня самоубийств с применением огнестрельного оружия [8]. Австралийцы гордятся тем что уровень убийств с применением огнестрельного оружия в Австралии после проведенных реформ стал в 25 раз ниже, чем в США.

В Европе законы, ужесточающие государственный контроль над оружием, запрещающие гражданское использование отдельных видов военного оружия также сопровождали программы выкупа оружия (Бельгия) [16], и рассматриваются полицейскими ведомствами (Германия, Франция) как необходимая превентивная мера незаконного ввоза оружия из других стран [15]. Однако такие программы выкупа оружия все же менее характерны для стран Западной Европы, что как представляется обусловлено плавным развитием законодательства об оружии, характеризующееся эволюционным развитием механизмов контроля за жизненным циклом гражданского оружия.

Выводы

Какие выводы можно сделать после проведенного реферативного обзора литературы и отчетных данных правительственных организаций. Государственная лицензионно-разрешительная политика в любой стране характеризуется степенью доступности или напротив запретности оружия для граждан. Проводимая политика обусловлена культурными и историческими традициями, а также экономическими факторами.

В странах, где оборот оружия в гражданском обществе разрешен, эффективная политика контроля за оружием базируется на трех базовых принципах: учет владельцев оружия и их лицензирование как процедура допуска лиц, соответствующих требованиям

установленным законом; регистрация каждой единицы гражданского огнестрельного оружия и учет операций с ним; признание личного владения оружием как условной привилегии, а не права.

Несмотря на установление лицензионно-разрешительной системы, основанной на указанных принципах, переход оружия в незаконный оборот — неизбежно сопутствующее явление, выражающееся в утратах, хищениях оружия, приведение в боевое состояние предметов конструктивно схожих с оружием. Для нивелирования таких негативных явлений не отягощенных преступным умыслом важное профилактическое значение имеют государственные программы обратного выкупа оружия, позволяющие изымать из незаконного оборота огнестрельное оружие.

С учетом усиливающейся во многих странах тенденции на укрепление контроля за оружием, запретом отдельных моделей оружия, а также запрета оружия предназначенного для самообороны программы обратного выкупа оружия приобретают особое значение. Применительно к отечественной действительности такой опыт может быть применен в случае установления режима лицензирования пневматического оружия малой мощности которое в настоящее время относится к категории не лицензируемого оружия или к предметам конструктивно схожим с оружием, которое в настоящее время также не подлежит лицензированию [2]. Программы обратного выкупа могут быть применены в случае введения законодательного запрета в России на гражданский оборот огнестрельного оружия ограниченного поражения.

Заключение

Лицензионно-разрешительная политика государства является неотъемлемой частью внутренней и внешней политики государства, содержание которой определяется правовыми и культурными традициями общества. Исследовательская задача, решаемая многими авторами, проанализировать содержание правового механизма контроля за оборотом оружия, является традиционной. Большого внимания требуют вопросы возможного изменения и совершенствования лицензионно-разрешительной политики государства как последовательной и системной деятельности правительственных и неправительственных организаций, а также самих участников оборота гражданского оружия.

Список литературы

1. Бекетов, О. И. Модели правового регулирования оборота гражданского оружия в иностранных государствах (на примере США, Германии и Японии) / О. И. Бекетов, А. Д. Майле, О. С. Гоман, В. И. Сургутсков // Юридические исследования. — 2020. — № 11. — С. 39–51. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.11.34726. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34726 (дата обращения: 29.03.2021).
2. Жильцов, А. В. О целесообразности усиления государственного контроля за оборотом пневматических винтовок, пистолетов и револьверов, не являющихся оружием / А. В. Жильцов, Р. Р. Фаисханов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (41). — С. 159–165.
3. Кирюхин, В. В. Американское законодательство о гражданском огнестрельном оружии: в тисках насилия и Второй поправки к Конституции США / В. В. Кирюхин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Сорокинские чтения (Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г.) / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова ; сост.: А. И. Каплунов, Н. М. Крамаренко. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России. — 2021. — С. 714–719.
4. Сургутсков, В. И. Организация деятельности территориальных органов МВД России и Росгвардии по реализации полномочий, связанных с приемом у населения оружия, боеприпасов и иных видов вооружения, находящихся в незаконном обороте / В. И. Сургутсков, О. С. Гоман // Полицейская и следственная деятельность. — 2020. — № 3. — С. 40–51. DOI: 10.25136/2409-7810.2020.3.34115. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34115 (дата обращения: 29.03.2021).
5. Титов, С. Д. Добровольная сдача гражданского оружия / С. Д. Титов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 1. — С. 381–382.
6. Шмидт, А. А. Административно-правовые основы оборота гражданского оружия в ФРГ / А. А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 4 (50). — С. 116–124.
7. Шмидт, А. А. О перспективных формах организации работы органов внутренних дел по добровольной сдаче незаконно хранящихся средств вооружения / А. А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 4 (22). — С. 79–83.
8. Andrew, L. and Christine, N. (2010), Do Gun Buybacks Save Lives? Evidence from Panel Data, *American Law and Economics Review*, Vol. 12, no 2, pp. 509-557. — URL: <https://academic.oup.com/aler/article-abstract/12/2/509/99272?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 29.03.2021). DOI:10.1093/aler/ahq013.
9. Baumann, L. (et al.) (2017), Suicide, guns, and buyback programs: An epidemiologic analysis of firearm-related deaths in Connecticut. *J Trauma Acute Care Surg*, no 83 (6), pp. 1195-1199. — URL: <https://europepmc.org/article/med/28538635> (дата обращения: 29.03.2021). DOI:10.1097/ta.0000000000001575. PMID: 28538635.
10. Bundeslagebilder Waffenkriminalität (2019) — URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/Lagebilder/Waffenkriminalitaet/waffenkriminalitaet_node.html (дата обращения: 29.03.2021 г.).
11. Callahan, C. M., Rivara, F. P. and Koepsell, T. D. (1994), Money for guns: evaluation of the Seattle Gun Buy-Back Program. *Public Health Report*. 1994 Jul-Aug; 109(4): 472-477. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1403522> (дата обращения: 29.03.2021).
12. Carpenter, S., Borrup, K. and Campbell, B. T. (2021), Gun Buyback Programs in the United States. In: Crandall M., Bonne S., Bronson J., Kessel W. (eds) *Why We Are Losing the War on Gun Violence in the United States*. Springer, Cham. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-55513-9_15 (дата обращения: 29.03.2021).
13. Chapman, S. and Alpers, P. (2013), Gun-Related Deaths: How Australia Stepped Off “The American Path”. *Annals of Internal Medicine*. 2013, Vol. 158, no 10, pp. 770-771 — URL: <https://doi.org/10.7326/0003-4819-158-10-201305210-00624> (дата обращения: 29.03.2021).
14. Crandall, M. (et al.) (2021), *Why We Are Losing the War on Gun Violence in the United States*, 1st ed. 2021, XVII, 290 p. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-55513-9> (дата обращения: 29.03.2021). DOI:10.1007/978-3-030-55513-9.
15. Deutsche Polizei macht Druck EU soll gigantische Waffen-Bestände auf dem Balkan aufkaufen. — URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_84329376/eu-soll-riesen-waffenlager-auf-dem-balkan-aufkaufen.html.
16. Duquet, N. and Van Alstein, M. (2015), *Firearms and Violent Deaths in Europe: An Exploratory Analysis of the Linkages between Gun Ownership, Firearms Legislation and Violent Death*, Brussels: Flemish Peace Institute. — URL: http://www.flemishpeaceinstitute.eu/sites/vlaamsvredesinstituut.eu/files/wysiwyg/firearms_and_violent_deaths_in_europe_web.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

17. Duquet, N., and Van Alstein, M. (2016), *Guns for Sale: The Belgian Illicit Gun Market in European Perspective*, Brussels: Flemish Peace Institute. — URL: http://www.vlaamsvredesinstituut.eu/sites/vlaamsvredesinstituut.eu/files/files/hitp/report_guns_for_sale_0.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
18. Green, J. (et al.) (2017), Are “goods for guns” good for the community? An update of a community gun buyback program, *Journal of Trauma and Acute Care Surgery*, Vol. 83, no 2, pp. 284-288. — URL: https://journals.lww.com/jtrauma/Abstract/2017/08000/Are_goods_for_guns_good_for_the_community_An.12.aspx (дата обращения: 29.03.2021). DOI: 10.1097/TA.0000000000001527
19. Phillips, S. W., Kim, D-Y. and Sobol, J. J. (2013), An Evaluation of a Multiyear Gun Buy-Back Programme: Re-Examining the Impact on Violent Crimes, *International Journal of Police Science & Management*, 2013, no 15 (3), pp. 246-261. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1350/ijps.2013.15.3.315> DOI:10.1350/ijps.2013.15.3.315.
20. Small Arms Survey Annual Report 2019 — URL: <http://www.smallarmssurvey.org/about-us/highlights/2020/highlight-annual-report-2019.html> (дата обращения: 29.03.2021).

References

1. Beketov, O. I. Modeli pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo oruzhiya v inostrannykh gosudarstvakh (na primere SShA, Germanii i Yaponii) / O. I. Beketov, A. D. Mayle, O. S. Goman, V. I. Surgutskov // *Yuridicheskie issledovaniya*. — 2020. — № 11. — S. 39–51. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.11.34726. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34726 (дата обращения: 29.03.2021).
2. Zhiltsov, A. V. O tselesoobraznosti usileniya gosudarstvennogo kontrolya za oborotom pnevmaticheskikh vintovok, pistoletov i revolverov, ne yavlyayushchikhsya oruzhiem / A. V. Zhiltsov, R. R. Faiskhanov // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. — 2020. — № 4 (41). — S. 159–165.
3. Kiryukhin, V. V. Amerikanskoe zakonodatelstvo o grazhdanskom ognestrelnom oruzhii: v tiskakh nasiliya i Vtoroy popravki k Konstitutsii SShA / V. V. Kiryukhin // *Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Sorokinskie chteniya (Sankt-Peterburg, 26 marta 2021 g.) / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Kaplunova ; sost.: A. I. Kaplunov, N. M. Kramarenko. — Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii. — 2021. — S. 714–719.*
4. Surgutskov, V. I. Organizatsiya deyatel'nosti territorialnykh organov MVD Rossii i Rosgvardii po realizatsii polnomochiy, svyazannykh s priemom u naseleniya oruzhiya, boepripasov i inyykh vidov vooruzheniya, nakhodyashchikhsya v nezakonnem oborote / V. I. Surgutskov, O. S. Goman // *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost*. — 2020. — № 3. — S. 40–51. DOI: 10.25136/2409-7810.2020.3.34115. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34115 (дата обращения: 29.03.2021).
5. Titov, S. D. Dobrovol'naya sdacha grazhdanskogo oruzhiya / S. D. Titov // *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2010. — № 1. — S. 381–382.
6. Shmidt, A. A. Administrativno-pravovye osnovy oborota grazhdanskogo oruzhiya v FRG / A. A. Shmidt // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. — 2019. — № 4 (50). — S. 116–124.
7. Shmidt, A. A. O perspektivnykh formakh organizatsii raboty organov vnutrennikh del po dobrovol'noy sdache nezakonno khranyashchikhsya sredstv vooruzheniya / A. A. Shmidt // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. — 2012. — № 4 (22). — S. 79–83.
8. Andrew, L. and Christine, N. (2010), Do Gun Buybacks Save Lives? Evidence from Panel Data, *American Law and Economics Review*, [Electronic], Vol. 12, no 2, pp. 509-557, available at: <https://academic.oup.com/aler/article-abstract/12/2/509/99272?redirectedFrom=fulltext> (accessed 29 Mach 2021). DOI:10.1093/aler/ahq013.
9. Baumann, L. (et al.) (2017), Suicide, guns, and buyback programs: An epidemiologic analysis of firearm-related deaths in Connecticut. *J Trauma Acute Care Surg*, [Electronic], 2017 Dec; 83 (6) pp. 1195-1199, available at: <https://europepmc.org/article/med/28538635> (accessed 29 Mach 2021). DOI:10.1097/ta.0000000000001575. PMID: 28538635.
10. Bundeslagebilder Waffenkriminalität [Electronic], available at: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/Lagebilder/Waffenkriminalitaet/waffenkriminalitaet_node.html (accessed 29 Mach 2021).
11. Callahan, C. M., Rivara, F. P. and Koepsell, T. D. (1994), Money for guns: evaluation of the Seattle Gun Buy-Back Program, *Public Health Report*, [Electronic], 1994. 109 (4). pp. 472-477, available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1403522> (accessed 29 Mach 2021).
12. Carpenter, S., Borrup, K. and Campbell, B. T. (2021), Gun Buyback Programs in the United States. In: Crandall M., Bonne S., Bronson J., Kessel W. (eds) *Why We Are Losing the War on Gun Violence in the United States*. Springer, Cham, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-55513-9_15 (accessed 29 Mach 2021).

13. Chapman, S. and Alpers, P. (2013), Gun-Related Deaths: How Australia Stepped Off “The American Path”, *Annals of Internal Medicine* [Electronic], Vol. 158, no 10, pp. 770-771, available at: <https://doi.org/10.7326/0003-4819-158-10-201305210-00624> (accessed 29 Mach 2021).
14. Crandall, M. (et al.) (2021), Why We Are Losing the War on Gun Violence in the United States [Electronic], 1st ed. 2021, XVII, 290 p., available at: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-55513-9> (accessed 29 Mach 2021). DOI:10.1007/978-3-030-55513-9
15. Deutsche Polizei macht Druck EU soll gigantische Waffen-Bestände auf dem Balkan aufkaufen [Electronic], available at: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_84329376/eu-soll-riesen-waffenlager-auf-dem-balkan-aufkaufen.html (accessed 29 Mach 2021).
16. Duquet, N. and Van Alstein, M. (2015), Firearms and Violent Deaths in Europe: An Exploratory Analysis of the Linkages between Gun Ownership, Firearms Legislation and Violent Death [Electronic], *Brussels: Flemish Peace Institute*, available at: http://www.flemishpeaceinstitute.eu/sites/vlaamsvredesinstituut.eu/files/wysiwyg/firearms_and_violent_deaths_in_europe_web.pdf (accessed 29 Mach 2021).
17. Duquet, N. and Van Alstein, M. (2016), Guns for Sale: The Belgian Illicit Gun Market in European Perspective [Electronic], *Brussels: Flemish Peace Institute*, available at: http://www.vlaamsvredesinstituut.eu/sites/vlaamsvredesinstituut.eu/files/files/hitp/report_guns_for_sale_0.pdf (accessed 29 Mach 2021).
18. Green, J. (et al.) (2017), Are “goods for guns” good for the community? An update of a community gun buyback program, *Journal of Trauma and Acute Care Surgery*, [Electronic], Vol. 83, no 2, pp. 284-288, available at: https://journals.lww.com/jtrauma/Abstract/2017/08000/Are_goods_for_guns_good_for_the_community_An.12.aspx (accessed 29 Mach 2021). DOI: 10.1097/TA.0000000000001527
19. Phillips, S. W., Kim D-Y. and Sobol. J. J. (2013), An Evaluation of a Multiyear Gun Buy-Back Programme: Re-Examining the Impact on Violent Crimes, *International Journal of Police Science & Management*, [Electronic], no 15 (3). pp. 246-261, available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1350/ijps.2013.15.3.315> DOI:10.1350/ijps.2013.15.3.315
20. Small Arms Survey Annual Report 2019 [Electronic], available at: <http://www.smallarmssurvey.org/about-us/highlights/2020/highlight-annual-report-2019.html> (accessed 29 Mach 2021).

Дата поступления статьи: 03.04.2021.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОЦЕНКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Сидоров Э. Т.

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Московский областной филиал
Московская область, Российская Федерация
E-mail: set1965@yandex.ru.*

Сидоров В. Э.

*Центр профессиональной подготовки ГИБДД ГУ МВД России
по Московской области
Московская область, Российская Федерация
E-mail: Sidorov-v@list.ru*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена оценке деятельности подразделения Госавтоинспекции МВД России по привлечению к административной ответственности лиц, виновных в совершении административных правонарушений в области безопасности дорожного движения. В статье сделана попытка по разработке критериев, которые позволяют количественно оценить эффективность административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции МВД России. Предлагаемые критерии направлены на решение задач, установленных административным законодательством, а также позволяют выявить зависимость влияния административно-юрисдикционной деятельности подразделения полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения на общий уровень аварийности на обслуживаемой территории.

Сформулированные критерии эффективности административно-юрисдикционной деятельности позволяют количественно ее оценить для проведения сравнительного анализа как с прошлым периодом деятельности, так и в сравнении с другими подразделениями.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, производство по делам об административных правонарушениях, обеспечение безопасности дорожного движения, Стратегия обеспечения безопасности дорожного движения, эффективность административно-юрисдикционной деятельности, административное законодательство, полиция, Госавтоинспекция, дорожно-транспортные происшествия.

Для цитирования: Сидоров, Э. Т. Предложения по совершенствованию оценки административно-юрисдикционной деятельности полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / Э. Т. Сидоров, В. Э. Сидоров // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 43–51.

SUGGESTIONS FOR IMPROVING THE ASSESSMENT ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES POLICE IN THE FIELD OF SECURITY ROAD TRAFFIC

E. T. Sidorov

*Moscow Regional Branch of V. Ya. Kikot
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow Region, Russian Federation
E-mail: set1965@yandex.ru.*

V. E. Sidorov

*Center for Professional Training
of the Traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Moscow region
Moscow Region, Russian Federation
E-mail: Sidorov-v@list.ru.*

Abstract. The proposed article is devoted to the evaluation of the activities of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia to bring to administrative responsibility persons guilty of committing administrative violations in the field of road safety. The article attempts to develop criteria that allow us to quantify the effectiveness of administrative and jurisdictional activities of the State Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The proposed criteria are aimed at solving the tasks established by the administrative legislation, and also allow to identify the dependence of the influence of the administrative and jurisdictional activities of the police unit in the field of road safety on the overall level of accidents in the serviced territory.

The formulated criteria for the effectiveness of administrative and jurisdictional activities allow us to quantify it for comparative analysis both with the previous period of activity, and in comparison with other divisions.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, proceedings in cases of administrative offenses, ensuring road safety, Road safety strategy, efficiency of administrative and jurisdictional activities, administrative legislation, police, State Traffic Inspectorate, road accidents.

For citation: Sidorov E. T., Sidorov V. E. Suggestions for Improving the Assessment Administrative and Jurisdictional Activities Police in the Field of Security Road Traffic. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 43–51. (In Russ.)

Введение

Деятельность полиции в области безопасности дорожного движения, как и другие виды государственной управленческой деятельности, должна иметь определенные результаты, подлежащая оценке. Задача по оценке эффективности деятельности подразделений МВД России и критериев ее оценки, всегда была востребована в практической деятельности органов внутренних дел и требовала ее теоретического обоснования.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно отмечал о необходимости разработки системы критериев оценки деятельности полиции, понятной как для самих сотрудников, так и для общества. Вот почему данной теме были посвящены исследования многих специалистов в этой области. Большой вклад в ее развитие внесли работы известных ученых: Ю. Е. Аврутина, А. Е. Андриевского,

А. И. Алексеева, К. К. Горяинова, С. Е. Вицина, В. Ф. Сухарева, Н. Д. Шелякина и многих других. Позже к ней обратились: Б. Е. Власов, Р. Г. Гусев, И. Ю. Захватов, М. Н. Никитин, Р. А. Софьин [1; 3; 5; 7; 9].

Проводимые научные работы являются ответом на возникающие потребности в практической деятельности, результатом которых являются изменения в нормативной правовой базе, регулирующие правоотношения в сфере оценки эффективности деятельности ОВД. Так с 2001 года в нормативные правовые акты МВД России, направленные на совершенствование оценки деятельности органов внутренних дел вносились девять раз соответствующие изменения.

Целью исследования является проведение анализа критериев оценки административно-юрисдикционной деятельности подразделений Госавтоинспекции МВД России.

Описание проводимого исследования

Одним из важных направлений в деятельности полиции является обеспечение безопасности дорожного движения (далее — ОБДД), в результате которого должно снижаться количество дорожно-транспортных происшествий с погибшими и пострадавшими (далее — ДТП). В Министерстве внутренних дел России данная задача решается, преимущественно, подразделениями Госавтоинспекции МВД России.

Органами государственной власти на всех ее уровнях проблеме ОБДД уделяется огромное значение. В настоящее время Правительством России принята Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы (далее — Стратегия), в соответствии с которой безопасность дорожного движения является важнейшим направлением государственной политики и неотъемлемым условием устойчивого социально-экономического и демографического развития страны¹.

Как показывают многочисленные исследования, безопасность дорожного движения может быть обеспечена при решении следующих задач:

1. Улучшение качества подготовки людей к участию в дорожном движении и, в первую очередь, водительского состава, а также повышение дорожно-транспортной дисциплины.
2. Повышение активной, пассивной и послеаварийной безопасности эксплуатируемых на дорогах транспортных средств.
3. Улучшение дорожных условий (качества проезжей части, элементов обустройства автомобильных дорог и др.).

В этих условиях административно-юрисдикционная деятельность имеет важное значение для ОБДД как инструмента достижения цели, определенной в Стратегии, в виде снижения уровня социального риска к 2024 году до 4-х погибших на 100 тыс. населения, а к 2030 — к нулевой смертности на дорогах. Только повседневная деятельность судей, органов и уполномоченных должностных лиц по привлечению лиц, совершающих административные правонарушения в области БДД способна обеспечить соблюдение участниками дорожного движения установленных правил и нормативов.

При этом Госавтоинспекция играет важную роль в этой работе. Ее сотрудники обладают как

полномочиями по выявлению и рассмотрению административных правонарушений, так и по проведению административных процедур с целью документирования обстоятельств, входящих в предмет доказывания правонарушений с целью последующей передачи материалов в суд. От эффективности деятельности Госавтоинспекции по привлечению виновных лиц к административной ответственности в области безопасности дорожного движения, во многом, и зависит уровень ОБДД на данной территории.

Сложность решения этой проблемы заключается в том, что безопасности дорожного движения не имеет прямой зависимости от количества выявленных нарушений в области БДД. Как правильно отмечается в ряде исследований, что повышение интенсивности деятельности по выявлению административных правонарушений нередко создает лишь видимость улучшения ситуации [13, с. 57–60]. При этом, приведение общего количества выявляемых правонарушений к сравнительным показателям средней нагрузки на одного сотрудника подразделения полиции за определенный период создает «мнимое представление о реальном положении дел в защищенности граждан от противоправных посягательств на обслуживаемой территории, и, как следствие, не реализуются основные цели производства по делам об административных правонарушениях» [5, с. 11–18].

По нашему мнению, в этих условиях возникает проблема разработки необходимых и достаточных критериев оценки административно-юрисдикционной деятельности подразделений Госавтоинспекции.

Сложность решения этой задачи заключается в том, что с одной стороны, достоверность результатов оценки должна обеспечиваться большим количеством показателей, объективно и полно характеризующие исследуемый объект. С другой стороны, стремление охватить все аспекты административно-юрисдикционной деятельности, зачастую, размывают ее оценку и дают возможность для манипуляций.

Также многочисленные статистические данные, содержащиеся в отчетах подразделений Госавтоинспекции, с одной стороны не отражают все административные правонарушения, являющиеся причиной совершения ДТП. С другой стороны, используемая статистика не позволяет определить вклад конкретного показателя в общий уровень ОБДД.

Используемая в настоящее время «Методика ведомственной оценки деятельности территориальных органов МВД России на

¹ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 5. — Ст. 774.

региональном уровне по обеспечению безопасности дорожного движения», утвержденная Распоряжением МВД России от 31.08.2018 № 1/10064 не содержит комплексной оценки административно-юрисдикционной деятельности подразделения Госавтоинспекции. Кроме того, показатели, используемые в методике, не в полной мере отражают связь между данной деятельностью и состоянием аварийности в регионе.

Для разработки методики оценки административно-юрисдикционной деятельности подразделения Госавтоинспекции, которая была бы свободна от указанных недостатков, важной задачей является формулирование критериев и показателей их оценивающих. С целью решения этой задачи необходимо выбрать системы критериев, собрать исходную информацию для расчета критериев, определить алгоритм, по которым они будут рассчитаны.

Для проведения количественной оценки административно-юрисдикционной деятельности ГИБДД необходимо определить ее критерии и методику их расчета. Ряд критериев оценки деятельности ГИБДД по привлечению лиц, виновных в совершении административных правонарушений, на наш взгляд должны быть сформулированы с требованиями, которые установлены в соответствии с правовыми нормами, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹. В частности, в ст. 24.1 КоАП РФ «Задачи производства по делам об административных правонарушениях», законодателем определены такие задачи производства, как: 1) разрешение его в соответствии с законом; 2) всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела; 3) выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений; 4) обеспечение исполнения вынесенного постановления.

Ряд авторов, в том числе и П. П. Серков совершенно обоснованно данные задачи дополняет такой задачей, как воспитание правонарушителя и общество в целом [12, с. 107].

Поэтому для оценки административно-юрисдикционной деятельности должны быть сформулированы такие критерии, как: законности ($Kэ1$); обоснованности ($Kэ2$); исполнения ($Kэ3$), предупреждения ($Kэ4$).

Рассмотрим методику определения критериев, характеризующих состояние административно-юрисдикционной деятельности в подразделении Госавтоинспекции.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

Состояние законности ($Kэ1$)

Законность является важнейшим принципом в деятельности полиции по привлечению виновных в совершении административных правонарушений лиц. Нарушения законности могут выражаться как в неправильном применении материальных норм, так и в несоблюдении процессуальных. Так, нарушение материальных норм, содержащихся в административном законодательстве может заключаться, например, в неправильной квалификации состава административного правонарушения. Примером несоблюдения требований процессуальных норм является проведение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях без понятых, когда их участие является обязательным. Так же, как показывает проведенное исследование, нарушение процессуальных норм может выражаться в составлении процессуальных документов с неустранимыми недостатками.

В соответствии со ст. 30.1–30.7 КоАП РФ процессуальные нарушения по делам об административных правонарушениях, допущенные в своих решениях должностными лицами ГИБДД, вскрываются вышестоящим должностным лицом или судом. При, например, недоказанности административного правонарушения или обнаружении хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных ст. 2.9 или 24.5 КоАП РФ в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания будет отменено. Поэтому данный критерий и будет определяться по формуле (1):

$$Kэ1 = \frac{Побщ - Потм}{Побщ} \quad (1)$$

где: $Kэ1$ — коэффициент эффективности законности вынесенных постановлений; $Побщ$ — сведения об общем количестве постановлений, вынесенных в подразделении ГИБДД о назначении административных наказаний и о прекращении производства по делу об административных правонарушениях, вынесенных должностными лицами подразделения Госавтоинспекции; $Потм$ — сведения о количестве отмененных в подразделении ГИБДД постановлений как незаконных, отмененных вышестоящими должностными лицами или судьями.

Соответственно, при отсутствии отмененных постановлений ($Потм = 0$), коэффициент состояния законности будет равен единице ($Kэ1 = 1$). При увеличении количества отмененных постановлений коэффициент законности будет снижаться и составлять значение меньше единицы ($Kэ1 < 1$).

Критерий обоснованности при вынесении решений (Кэ2)

Назначенное сотрудником полиции административное наказание будет обоснованным при соблюдении таких требований как: соразмерность установленных правонарушителю правоограничений, соблюдение социальной справедливости. Вынося постановление, сотрудник Госавтоинспекции должен учитывать множество обстоятельств, имеющих значение при рассмотрении дела: характер совершенного правонарушения, обстоятельства, отягчающие административную ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ); обстоятельства, смягчающие ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ); личность лица, привлекаемого к административной ответственности; имущественное положение и др.

При определении обоснованности вынесенного постановления необходимо учитывать, что строгость и мягкость административных наказаний урегулирована в законе их видами и размерами. Право лица, привлеченного к административной ответственности и потерпевшего на подачу жалобы, дает возможность оценить вынесенное должностным лицом решение на соблюдение как публичных интересов, так и частных.

Принятие необоснованных решений в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ влечет отмену постановлений по делу об административных правонарушениях и возвращение дел на новое рассмотрение. При этом как показывает судебная практика основанием для этого является наличие в деле существенных процессуальных нарушений, к которым можно отнести следующие:

- рассмотрение дела должностным лицом, которое подлежало отводу или самоотводу;
- отсутствие лица, привлеченного к административной ответственности или потерпевшего при рассмотрении дела вследствие их ненадлежащего оповещения;
- необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства или оставление ходатайства без удовлетворения, заявленное лицом, привлеченным к административной ответственности, о рассмотрении дела по месту жительства;
- несоблюдение при рассмотрении дела требований, установленных в ст. 24.4 КоАП РФ об обязательном рассмотрении ходатайств;
- нарушение правил о языке, на котором ведется производство.

Решение по отмене постановления *может* быть принято и при таких нарушениях, как:

- немотивированный отказ в удовлетворении ходатайства о вызове свидетелей;
- нарушение административно-процессуальных норм при применении мер обеспечения

производства по делу об административном правонарушении и др. [10, с. 425–426].

Возможность пересмотра постановления является одним из способов достижения в административно-юрисдикционной деятельности справедливости и достижения соразмерности объема правоограничений, предусмотренных административных наказаний содеянному правонарушению (2):

$$K_{э2} = \frac{Пок - Пизм}{Пок} \quad (2)$$

где: *Пок* — сведения об общем количестве вынесенных постановлений о назначении административных наказаний; *Пизм* — сведения о количестве измененных постановлений, ввиду их необоснованности.

При значении $K_{э2} = 1$ эффективность данного критерия будет максимальной. Если значение $K_{э2}$ будет стремиться к нулю, то эффективность административно-юрисдикционной деятельности по данному критерию можно считать низкой.

Критерий исполнения решения (Кэ3)

Конечной целью производства по делам об административных правонарушениях является исполнение назначенного административного наказания. Должностные лица Госавтоинспекции вправе назначать два вида административных наказаний, содержащихся в составах административных правонарушений в области дорожного движения — предупреждение и административный штраф.

Исполнение административного наказания в виде предупреждения должно быть исполнено на основании ст. 32.1 КоАП РФ путем вручения или направления лицу, привлеченному к административной ответственности копии постановления о назначении административного наказания.

Постановление о назначении административного штрафа исполняется в соответствии с ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ путем уплаты в полном размере, которая может быть внесена как добровольно, так и взыскана принудительно в соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве»¹. Соответственно эффективность исполнения постановлений о назначении наказаний, будет определяться по двум следующим двум формулам (3) и (4), где *Пок* — сведения об общем количестве вынесенных постановлений

¹ Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.

о назначении административных наказаний; *Ппред* — сведения о количестве неисполненных постановлений о назначении административного наказания в виде предупреждения; *Паш*) — сведения о количестве неисполненных постановлений о назначении административного наказания в виде административного штрафа:

$$K_{э3.1} = \frac{Пок - Ппред}{Пок} \quad (3)$$

$$K_{э3.2} = \frac{Пок - Паш}{Пок} \quad (4)$$

Критерий предупреждения совершения новых правонарушений (Кэ4)

В соответствие с ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ целью назначения административного наказания, и, соответственно одной из определяющих задач производства, является предупреждение совершения новых правонарушений, как лицом, привлеченным к ответственности (частная превенция), так и окружающими (общая превенция). Эта важная задача производства по делам об административных правонарушениях, которая прямо не сформулирована в ч. 1 ст. 24.1 КоАП РФ, но вытекает из содержания административно-правовых норм.

П. П. Серков в своей монографии правильно отмечает, что предупреждение административных правонарушений «не поддается какому-либо измерению по отношению к конкретному случаю административной ответственности» [12, с. 119].

В то же время без данного критерия нельзя всесторонне рассматривать как сам институт административной ответственности, так и эффективность административно-юрисдикционной деятельности подразделения Госавтоинспекции. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях задача по предупреждению административных правонарушений реализуется следующим образом. Либо в статье КоАП РФ установлен квалифицированный состав, в санкции которой законодателем усилена строгость административного наказания. Например, за правонарушения, предусмотренные ч. 4 ст. 12.15 КоАП срок лишения права управления транспортным средством составляет от четырех до шести месяцев, а при совершении квалифицированного состава, предусмотренного ч. 5 ст. 12.5 КоАП РФ повышен до одного года. Если по данному составу административного правонарушения не предусмотрен квалифицированный состав, на основании п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ повторность

совершения однородного деяния является обстоятельством, отягчающим административную ответственность, при котором может быть назначено самое строгое административное наказание, предусмотренное санкцией статьи.

Оценку данного критерия (*Кэ4* «Предупреждение») необходимо рассчитывать по следующим формулам:

$$K_{э4.1} = \frac{Пок - Ппов}{Пок} \quad (5)$$

$$K_{э4.2} = \frac{Пок - Пкв}{Пок} \quad (6)$$

где: *Пок* — сведения об общем количестве вынесенных постановлений о назначении административных наказаний; *Ппов* — сведения о количестве вынесенных постановлений за повторное совершение административного правонарушения; *Пкв* — сведения о количестве вынесенных постановлений за квалифицированный состав административного правонарушения.

В случае, когда *Кэ4* будет равен единице, можно признать деятельность подразделения Госавтоинспекции в области предупреждения совершения новых правонарушений как максимально эффективную. При снижении значения данного критерия, можно говорить о снижении эффективности.

Для того, чтобы оценивать влияние административно-юрисдикционной деятельности подразделения Госавтоинспекции на его конечную цель — снижение аварийности на обслуживаемом участке, необходимо, чтобы ряд критериев отражал количество ДТП с погибшими и пострадавшими, с учетом причин их совершения.

Статистические данные за 9 месяцев 2020 г. свидетельствуют, что вследствие нарушения водителями правил в сфере ОБДД произошло девять из десяти ДТП, что составило 88,7 %. При этом каждый четвертый смертельный случай в ДТП, произошел из-за участия водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения (26,5 %) ¹.

Наиболее существенными проблемами в подсистеме «Автомобиль» является увеличение количества транспортных средств, которые эксплуатируются с техническими неисправностями. В то же время надо учитывать, что установление в качестве причины ДТП

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2020 года. Информационно-аналитический обзор. — Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России». — 2020. — С. 13.

«техническая неисправность транспортного средства» требует высокого профессионализма со стороны сотрудников органов внутренних дел и наличия необходимого технического обеспечения при проведении расследования. Не всегда очевидно, например, что поломка детали или агрегата автомобиля явилась причиной, а не следствием ДТП. При расследовании такого вида ДТП, зачастую, необходимо проведения автотехнической экспертизы, а также привлечения при осмотре места ДТП специалиста-автотехника. К сожалению, как показывают исследования, использование специальных автотехнических познаний в расследовании ДТП до сих пор не получило должного распространения. Все это свидетельствует о наличии существенной латентности в данной категории ДТП.

При этом по данным статистики за 9 месяцев 2020 года доля погибших в ДТП вследствие этой причины возросла и составила 9,1 %.

Наиболее распространенными причинами ДТП явились: установка на одну ось транспортного средства шин различных размеров, конструкций, моделей, с различными рисунками протектора (21,8 %); наличие несогласованных конструктивных изменений (24,3 %); неисправность внешних световых приборов (13,1 %)¹.

Серьезную лепту в статистику аварийности внесла и подсистема «Дорога». За 9 месяцев 2020 года из-за неудовлетворительного состояния улично-дорожной сети произошло более третьей части всех ДТП, что составило в удельных показателях 35,5 %. Наиболее частыми нарушениями явились такие, как: отсутствие дорожных знаков в необходимых местах (21,6 %); плохая различимость вертикальной разметки (29,5 %); недостатки зимнего содержания (9,6 %)².

При этом следует отметить, большую латентность неудовлетворительного состояния автодорог как основной причины ДТП, так и одной из сопутствующих. Этот тезис можно аргументировать следующим примером. Так в ряде европейских стран, обладающих гораздо лучшими автомобильными дорогами (и по их состоянию, и по оборудованию), удельный вес ДТП, совершаемых вследствие плохих дорожных условий, значительно превышает, чем в России. Объяснение данному факту очевидно и логично. В России виновниками в совершении

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2020 года. Информационно-аналитический обзор. — Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2020. — С. 6–7.

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2020 года. Информационно-аналитический обзор. — Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2020. — С. 13.

таких ДТП были бы названы водители, которые не справились с управлением в конкретной дорожной обстановке [11, с. 15–16].

В пятую группу критериев, определяющих эффективность административно-юрисдикционной деятельности подразделений Госавтоинспекции, должны быть включены такие, которые характеризуют взаимосвязь данной деятельности с совершенными на обслуживаемой территории ДТП. С этой целью были учтены результаты исследования, представленного на основе большого массива статистических данных в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы, а также сведения за 9 месяцев 2020 года. Проведенный сравнительный анализ этих данных показывают, что они коррелируют друг с другом.

Критерии, показывающие зависимость административно-юрисдикционной деятельности с совершаемыми ДТП и их видами, будут определены как «Критерии 5 Причины».

Как показывает анализ статистических данных, произведенных специалистами Научного центра БДД МВД России наиболее существенными административными правонарушениями, повлекшими ДТП с погибшими, являются следующие:

- несоблюдение очередности проезда перекрестка;
- неправильный выбор дистанции;
- нарушение правил проезда пешеходных переходов;
- выезд на полосу встречного движения;
- несоблюдение скорости конкретным условиям движения.

При этом их следует разделить на две группы. Одна группа должна характеризовать уровень ДТП, совершенных из-за конкретных видов правонарушений (аварийные критерии).

Во вторую группу входят критерии, характеризующие деятельность подразделения ГИБДД по пресечению административных правонарушений, представляющую наибольшую опасность и которые *могут* повлечь совершение ДТП (неаварийные критерии).

Численные значения этих критериев должны исчисляться по следующим формулам:

$$K_{э5.1a} = \frac{K_{дтп_общ} - K_{дтп_нс}}{K_{дтп_общ}} \quad (7)$$

$$K_{э5.2a} = \frac{K_{дтп_общ} - K_{дтп_жд}}{K_{дтп_общ}} \quad (8)$$

$$K_{э5.3a} = \frac{K_{дтп_общ} - K_{дтп_ск}}{K_{дтп_общ}} \quad (9)$$

$$K_{\text{э}5.4a} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_тн}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (10)$$

$$K_{\text{э}5.5a} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_дор}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (11)$$

$$K_{\text{э}5.1} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_нс}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (12)$$

$$K_{\text{э}5.2} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_жд}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (13)$$

$$K_{\text{э}5.3} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_ск}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (14)$$

$$K_{\text{э}5.4} = \frac{K_{\text{дтп_общ}} - K_{\text{дтп_тн}}}{K_{\text{дтп_общ}}} \quad (15)$$

где: $K_{\text{э}5.1a}$ – $K_{\text{э}5.5a}$ — аварийные критерии, $K_{\text{э}5.1}$ – $K_{\text{э}5.4}$ — неаварийные критерии, $K_{\text{дтп_общ}}$ — сведения об общем количестве совершенных дорожно-транспортных происшествий; вынесенных постановлений о назначении административных наказаний; $K_{\text{дтп_нс}}$ — сведения о количестве ДТП, совершенных по вине нетрезвого водителя; $K_{\text{дтп_жд}}$ — сведения о количестве ДТП, совершенных из-за нарушений при проезде железнодорожных переездов; $K_{\text{дтп_ск}}$ — сведения о количестве ДТП, совершенных вследствие превышения установленного скоростного

режима; $K_{\text{дтп_тн}}$ — сведения о количестве ДТП, совершенных вследствие технической неисправности транспортного средства; $K_{\text{дтп_дор}}$ — сведения о количестве ДТП, совершенных из-за неудовлетворительного состояния дороги.

$K_{\text{нс}}$ — сведения о количестве административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ; $K_{\text{жд}}$ — сведения о количестве нарушений правил движения через железнодорожные пути (ст. 12.10 КоАП РФ); $K_{\text{ск}}$ — сведения о превышениях установленной скорости движения (ст. 12.9 КоАП РФ); $K_{\text{тн}}$ — сведения о количестве правонарушений в виде эксплуатации технически неисправного транспортного средства.

Заключение и вывод

Выбор критериев определялся требованиями согласованности, адресности, количественной соизмеримости, информационной обеспеченности. Также согласованность критериев заключается в том, что они выражаются в удельных показателях, которые позволяют их сравнить во временном и пространственном отрезках, то есть деятельность подразделения ГИБДД может быть оценена за различные периоды времени (прошлый и настоящий), а также возможно провести сравнительную оценку разных подразделений ГИБДД.

Таким образом, предлагаемые критерии позволяют количественно оценить деятельность подразделения ГИБДД по привлечению виновных лиц в совершении административных правонарушений.

Список литературы

1. Аврутин, Ю. Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (опыт системного исследования) : монография / Ю. Е. Аврутин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петерб. академия МВД РФ, 1998. — 470 с.
2. Антонов, С. Н. Проблемы реализации административной ответственности юридических лиц за нарушения в области дорожного движения / С. Н. Антонов, С. В. Жбанов, А. Б. Клименко, П. В. Молчанов // Безопасность дорожного движения : сб. науч. трудов. Вып. 12. — Москва : ФКУ НИЦ БДЦ МВД России, 2012. — С. 18–29.
3. Веремеенко, И. И. Административно-правовые санкции / И. И. Веремеенко. — Москва : Юрид. лит., 1975. — 192 с.
4. Власов, Б. Е. Разработка программы правоохранительной и антикриминальной направленности в деятельности ОВД : монография / Б. Е. Власов. — Москва : Академия управления МВД России, 2014. — 127 с.
5. Губарева, Т. И. Значение принципа законности в деятельности органов административной юрисдикции / Т. И. Губарева // Материалы методологических аспирантских и магистерских семинаров кафедры финансового, предпринимательского и информационного права. Вып. III. — Ставрополь : Ставропольское издательство «Параграф», 2012.
6. Гусев, Р. Г. Концептуальные подходы к оценке эффективности деятельности полиции : монография / Р. Г. Гусев. — Москва : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2012. — 172 с.
7. Захватов, И. Ю. Проблемы формирования системы оценки деятельности территориальных органов МВД России / И. Ю. Захватов // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России) (Москва, 18 апреля 2013 г.). В 2 ч. Ч. I. — Москва : Академия управления МВД России, 2013.

8. Майоров, В. И. Оценка эффективности административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел в области дорожного движения / В. И. Майоров // *Полицейское право*. — 2007. — № 2. — С. 113–116.

9. Никитин, М. Н. Проблемные вопросы реализации требований по оценке деятельности органов внутренних дел / М. Н. Никитин, Р. А. Софьин // *Обеспечение управленческой деятельности руководителя территориального органа МВД России: проблемы и пути их решения : материалы научно-практической конференции (Москва, 28 апреля 2014 г.)*. — Москва : Акад. управл. МВД России, 2014.

10. Панкова, О. В. Практика применения КоАП РФ о правонарушениях в области дорожного движения : практическое пособие / О. В. Панкова. — Москва : Издательство Юрайт, 2012. — 478 с.

11. Россинский, Б. В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте / Б. В. Россинский // *Административное право и процесс*. — 2014. — № 5. — С. 8–17.

12. Серков, П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография / П. П. Серков. — Москва : Норма, Инфра-М, 2012. — 480 с.

13. Трусов, А. И. Административно-юрисдикционная деятельность полиции: проблемы теории и практики / А. И. Трусов, Ю. Н. Кочеров, А. Н. Димитров // *Российская юстиция*. — 2017. — № 10. — С. 57–60.

14. Хусьяйнова, С. Г. О состоянии законности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / С. Г. Хусьяйнова // *Российская юстиция*. — 2020. — № 11. — С. 64–67.

References

1. Avrutin, Yu. Ye. *Effektivnost deyatelnosti organov vnutrennikh del (opyt sistemnogo issledovaniya) : monografiya* / Yu. Ye. Avrutin. — Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1998. — 470 s.

2. Antonov, S. N. *Problemy realizatsii administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits za narusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya* / S. N. Antonov, S. V. Zhbanov, A. B. Klimenko, P. V. Molchanov // *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya : sb. nauch. trudov. Vyp. 12*. — Moskva : FKU NITs BDTs MVD Rossii, 2012. — S. 18–29.

3. Veremeenko, I. I. *Administrativno-pravovye sanktsii* / I. I. Veremeenko. — Moskva : Yurid. lit., 1975. — 192 s.

4. Vlasov, B. Ye. *Razrabotka programmy pravookhranitel'noy i antikriminal'noy napravlenosti v deyatelnosti OVD : monografiya* / B. Ye. Vlasov. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2014. — 127 s.

5. Gubareva, T. I. *Znachenie printsipa zakonnosti v deyatelnosti organov administrativnoy yurisdiktsii* / T. I. Gubareva // *Materialy metodologicheskikh aspirantskikh i masterskikh seminarov kafedry finansovogo, predprinimatelskogo i informatsionnogo prava. Vyp. III*. — Stavropol : Stavropolskoe izdatel'stvo «Paragraf», 2012.

6. Gusev, R. G. *Kontseptualnye podkhody k otsenke effektivnosti deyatelnosti politzii : monografiya* / R. G. Gusev. — Moskva : IMPE im. A. S. Griboedova, 2012. — 172 s.

7. Zakhvatov, I. Yu. *Problemy formirovaniya sistemy otsenki deyatelnosti territorialnykh organov MVD Rossii* / I. Yu. Zakhvatov // *Organy predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii: istoriya, sovremennost, perspektivy : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Akademii upravleniya MVD Rossii (k 50-letiyu so dnya obrazovaniya sledstvennogo apparata v sisteme MVD Rossii) (Moskva, 18 aprelya 2013 g.)*. V 2 ch. Ch. I. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013.

8. Mayorov, V. I. *Otsenka effektivnosti administrativno-yurisdiktsionnoy deyatelnosti organov vnutrennikh del v oblasti dorozhnogo dvizheniya* / V. I. Mayorov // *Politseyskoe pravo*. — 2007. — № 2. — S. 113–116.

9. Nikitin, M. N. *Problemy realizatsii trebovaniy po otsenke deyatelnosti organov vnutrennikh del* / M. N. Nikitin, R. A. Sofin // *Obespechenie upravlencheskoy deyatelnosti rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii: problemy i puti ikh resheniya : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 28 aprelya 2014 g.)*. — Moskva : Akad. upravl. MVD Rossii, 2014.

10. Pankova, O. V. *Praktika primeneniya KoAP RF o pravonarusheniyakh v oblasti dorozhnogo dvizheniya : prakticheskoe posobie* / O. V. Pankova. — Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2012. — 478 s.

11. Rossinskiy, B. V. *Administrativnye nakazaniya v sfere dorozhnogo dvizheniya i aviarnost na avtomobilnom transporte* / B. V. Rossinskiy // *Administrativnoe pravo i protsess*. — 2014. — № 5. — S. 8–17.

12. Serkov, P. P. *Administrativnaya otvetstvennost v rossiyskom prave: sovremennoe osmyslenie i novye podkhody: monografiya* / P. P. Serkov. — Moskva : Norma, Infra-M, 2012. — 480 s.

13. Trusov, A. I. *Administrativno-yurisdiktsionnaya deyatelnost politzii: problemy teorii i praktiki* / A. I. Trusov, Yu. N. Kocherov, A. N. Dimitrov // *Rossiyskaya yustitsiya*. — 2017. — № 10. — S. 57–60.

14. Khusyaynova, S. G. *O sostoyanii zakonnosti v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya* / S. G. Khusyaynova // *Rossiyskaya yustitsiya*. — 2020. — № 11. — S. 64–67.

Дата поступления статьи: 22.04.2021.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ

Пестов Р. А.

*Ростовский юридический институт МВД России
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: 79185927828@ya.ru.*

Новичкова Е. Е.

*Восточно-Сибирский институт МВД России
г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru.*

Копыл Д. В.

*Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: kadovod@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу различных аспектов взаимодействия средств массовой информации с органами внутренних дел в Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Узбекистан.

В рамках деятельностного подхода взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации рассматривается как особый вид профессиональной деятельности представителей правоохранительных органов и средств массовой информации. В рамках нормативного подхода взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации рассматривается как вид должного поведения.

Выявлены проблемы взаимодействия деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан по осуществлению взаимодействия со средствами массовой информации, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, позволяющие нивелировать пробелы.

Сделаны выводы о необходимости разработки единой стратегии (концепции) сотрудничества силовых ведомств со средствами массовой информации и гражданским обществом, что позволит достичь общественного доверия и поддержки населения.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, взаимодействие, средства массовой информации, масс-медиа, журналистика, открытость, общественное доверие, общественный контроль, концепция развития.

Для цитирования: Пестов, Р. А. Историко-правовой анализ взаимодействия средств массовой информации с органами внутренних дел в странах Содружества Независимых Государств и России / Р. А. Пестов, Е. Е. Новичкова, Д. В. Копыл // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 52–62.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE INTERACTION OF THE MASS MEDIA WITH THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AND RUSSIA

R. A. Pestov

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: 79185927828@ya.ru.*

Ye. Ye. Novichkova

*East-Siberian Institute of MIA of Russia
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru.*

D. V. Kopyl

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: kadovod@yandex.ru.*

Abstract. The article is devoted to the historical and legal analysis of various aspects of the interaction of the mass media with the internal affairs bodies in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan.

Within the framework of the activity approach, the interaction of internal affairs bodies with the mass media is considered as a special type of professional activity of representatives of law enforcement agencies and the mass media. Within the framework of the normative approach, the interaction of internal affairs bodies with the mass media is considered as a type of proper behavior.

The problems of interaction between the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Uzbekistan in the implementation of interaction with the mass media are identified, and proposals for improving the legislation are formulated to eliminate gaps.

Conclusions are drawn about the need to develop a unified strategy (concept) of cooperation between law enforcement agencies with the media and civil society, which will allow achieving public trust and support of the population.

Keywords: internal Affairs bodies, police, interaction, mass media, mass media, journalism, openness, public trust, public control, development concept.

For citation: Pestov R. A., Novichkova Ye. Ye., Kopyl D. V. Historical and Legal Analysis of the Interaction of the Mass Media with the Internal Affairs Bodies in the Countries of the Commonwealth of Independent States and Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 52–62. (In Russ.)

Введение

Построение гражданского общества и демократической государственности [7], формирование международных отношений и связанная с этим интеграция Российской Федерации в международное сотрудничество с другими странами требует гармонизации правовых систем. В этом целеполагании возникает необходимость построения методологического единства к пониманию процесса регулирования отношений государства со средствами массовой информации (далее — СМИ).

Социальная актуальность исследования связана, с тем, что СМИ выступают в качестве основных источников информации по разъяснению особенностей функционирования правозащитных механизмов с целью формирования и опосредованного воздействия на институты государственной власти.

Практическая актуальность темы определяется особой ролью, которую выполняют СМИ при освещении деятельности правоохранительных органов.

Научная актуальность темы обусловлена тем, что за последнее время существенно трансформировались методы и приемы использования СМИ, в том числе в целях оказания деструктивного воздействия [12, с. 6].

Опыт изучения отечественных и зарубежных средств массовой информации представлен, с одной стороны, в рамках социологических исследований (Л. Н. Белоножко, И. В. Ерофеевой, Е. И. Юрченко), с другой стороны — на основе анализа особенностей печатных и электронных изданий (Е. А. Воробьевой, Е. Г. Калугиной, Л. С. Саламгареевой, В. Е. Соломина, А. С. Юферевой).

Различные аспекты функционирования правоохранительных органов исследованы в работах Л. В. Густовой, С. В. Гунич, И. А. Коваленко, И. П. Шулекина, взаимодействию СМИ с органами внутренних дел (далее — ОВД) посвящены работы отечественных ученых Ю. Ю. Комлева, А. Н. Колюжного, Э. В. Намруевой, Л. Г. Носковой, причем проблемы взаимодействия ОВД и СМИ изучаются преимущественно в работах социологов и журналистов, как правило, в рамках одного государства.

В этой связи возникает необходимость проведения анализа основ деятельности ОВД, а также выделения отличительных особенностей законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан по осуществлению взаимодействия со СМИ.

Материал и методы

Нормативной основой исследования является административное законодательство, регламентирующее проблемы, возникающие при взаимодействии органов внутренних дел со средствами массовой информации.

Методологической основой исследования представляет сочетание таких принципов научного исследования, которые позволяют рассматривать взаимодействие средствами массовой информации с органами внутренних дел в качестве целостного явления. Сравнительно-правовой метод позволил выявить общее, особенное и единичное в административном законодательстве, регламентирующем проблемы, возникающие при взаимодействии органов внутренних дел со средствами массовой информации.

Постановка проблемы

Деятельность ОВД строится на определенных концепциях и стратегиях, так согласно рекомендациям ОБСЕ по эффективной оценке работы полиции к критериям оценки должен относиться анализ сообщений в СМИ, а также информация о совместных действиях

правоохранительных органов и гражданского общества. Деятельность СМИ является инструментом для построения правового государства и значительной мере формирующей сознание граждан [7], в том числе о работе правоохранительных органов и состоянии общественной безопасности. Роль взаимодействия СМИ и правоохранительных будет только возрастать [8]. СМИ могут принимать посильную роль в профилактике деликтов, пропагандируя законопослушный образ или разъясняя формы самозащиты. Вместе с тем манипулирование общественным мнением с помощью негативных оценок, драматизации, медианасилия и оценочных стереотипов в отношении сотрудников правоохранительных органов указывает на проблематику темы исследования.

Отметим, что свобода распространения информации является питательным элементом для любой демократии, однако у представленных в исследовании государств имеется единая основа, возникшая на основе длительного исторического развития (накопленный опыт СССР), позволяющая выделить достоинства и недостатки правового регулирования свободы слова, освещения деятельности органов правопорядка, анализ которых поможет оптимизировать взаимодействие СМИ с ОВД в будущем.

Пути решения проблемы

Ученые отмечают, что деятельность СМИ может трактоваться в виде процесса по распространению различной информации, направленной на образ или действия различных субъектов [3]. При этом процесс может быть направлен, во-первых, на создание новых социальных представлений, во-вторых, на упрочнение сформировавшегося общественного мнения, в-третьих, на изменение социальных установок.

В свете этого представляет интерес государственная политика по взаимодействию со СМИ в период становления советской власти, а также опыт борьбы с идейным плюрализмом и позднее противопоставление коммунистической идеологии.

Так в 1918 году приступил к работе такой юрисдикционный орган, как Революционный трибунал печати¹, который обладал правом налагать административные взыскания. На государственном уровне впервые вводилась ответственность за проступки, связанные с использованием печатной продукции — книги, газеты, листовки, прокламации, агитационные

¹ О Революционном трибунале печати: Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 18.12.1917 // Собрание узаконений РСФСР. — 1917. — № 10. — Ст. 156.

плакаты, которые, по мнению органов власти, несли в себе контрреволюционную направленность и были против существующей власти и вредны для граждан.

Такие меры были продиктованы необходимостью подавления контрреволюционных посягательств. Так Революционный трибунал печати, был наделен правом налагать следующие виды наказаний: денежный штраф; выражение общественного порицания, о котором привлеченное произведение печати доводится до всеобщего сведения способами, определяемые трибуналом; помещение на видном месте или же специальное издание опровержения ложных сведений; временная или навсегда приостановка издания или изъятия его из обращения; конфискация в общенародную собственность типографии и имущества для издания печати, если они принадлежала привлекаемого к суду. Как мы видим некоторые приведённые виды наказаний впоследствии нашли свое отражение в административном законодательстве рассматриваемых стран.

Очевидно, что цензура в тот период времени была вызвана прямыми угрозами еще не окрепшей советской власти, соответственно лозунги о свободе мысли и печати признавались буржуазными, а частные типографии предлагалось запретить.

В 1918 году впервые выходят в свет еженедельный журнал «Вестник НКВД», затем и «Пожарное дело», а в 1922 году журнал «Рабоче-крестьянская милиция», в 1923 году — газета «Милиционер и пожарный», а Циркуляром НКВД РСФСР № 347 от 1928 года подчеркивалась необходимость непрерывного использования СМИ в целях привлечения населения к деятельности по предупреждению преступлений [15].

В 1930 году в Узбекской ССР, в 1933 году в Казахской АССР начали издаваться ведомственные газеты «На посту», «Страж», в дальнейшем носившая названия «Казахстанская милиция», «На страже», «Сақшы» — «На страже».

Анализ публикаций СМИ в период с 1917 по 1930 годы, проведенный Ю. Д. Зайцевой, указывает на двунаправленный характер освещения деятельности ОВД — информационный и пропагандистский, критические высказывания в СМИ были связаны с конкретными проступками представителей закона, в частности пьянством, грубостью, волокитой или злоупотреблением полномочий [4].

Страна менялась, за последующие пятнадцать лет после полного поражения белого движения (по состоянию на 1940 год) количество выпускаемых печатных изданий составляло

порядка девяти тысяч, вместе с тем центральной функцией СМИ являлось идеологическое воспитание трудящихся, это касалось не только печатных изданий, но и радиовещания, основным недостатком освещения деятельности ОВД можно считать гиперболизацию позитивных качеств главных персонажей.

В послевоенное время министерство столкнулось с проблемой кадрового голода, так как многие милиционеры погибли встав на защиту Родины. Необходимо было агитировать демобилизованных, в том числе путем создания положительного образа профессии в средствах массовой информации.

Распоряжением МВД СССР от 10.05.1954 № 143 предписывалось сотрудникам милиции проводить информирование граждан о раскрытых преступлениях, наиболее активно такие встречи проводились на территории Таджикской, Узбекской ССР, Молотовской и Сталинградской областях [9]. Такого рода встречи повышали авторитет милиции и способствовали нетерпимости недостойного поведения. Вместе с тем не все сотрудники оказались готовы к публичным выступлениям, в связи с этим в 1955 году были выпущены методические рекомендации, в этом же году в свет вышло ежемесячное издание — журнал «Советская милиция», став преемником журнала «Рабоче-крестьянская милиция»¹, всего в тот период издавалась 61 ведомственная газета.

Что касается методов воздействия при формировании положительного образа, исследователями отмечается использование визуального образа, способствующего доверию, например фотографии сотрудников беседующих с гражданами в непринужденной обстановке или вне службы, так называемое «очеловечивание» милиции [11, с. 182—183].

Необходимо отметить, что наряду с печатными средствами массовой информации использовались радио и телевидение, так были экранизированы литературные персонажи — «Дядя Степа — милиционер» 1954 г. или произведения «Дело Румянцева» 1955 г., «Дело № 306» 1956 г., «Ночной патруль» 1957 г., «Дело “пестрых”» 1958 г. [11, с. 186] Художественная литература также учитывалась в качестве средства воздействия, являясь примером для поведения или отражая негативное поведение, что для самих сотрудников служило образцом воспитания профессиональных качеств [11, с. 191].

В 1956 году МВД СССР был выпущен в свет «Сборник материалов по перевоспитанию

¹ Исторический формуляр УОС МВД России // Официальный сайт МВД РФ. — URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS (дата обращения: 05.02.2021).

осужденных», а затем в 1960 году преобразован в журнал «К новой жизни», позже (с 1981 по 1992 годы) изменивший название на «Воспитание и правопорядок», затем на «Преступление и наказание»¹, необходимо отметить, что его аудитория — это персонал исправительных учреждений (т. к. содержание включало три направления: кадровая работа, организация воспитательного процесса с осужденными и производственная деятельность), однако в названии не было отражено правоохранительной направленности, в связи с чем и произошла смена названия. Нельзя не отметить спецвыпуски журнала, целевой аудиторией которого уже были лица, отбывавшие наказание.

Историографический анализ последующих периодов «оттепели» — второй половины 50-х гг. показывает, что ситуация кардинально не менялась, оставались табуированные темы, в том числе деятельность органов внутренних в структуру которых наряду с милицией входили исправительно-трудовые учреждения и пожарная охрана. Освещение правоохранительной проблематики происходило за счет научных исследований, в том числе касающихся взаимодействию с другими органами (судами, прокуратурой) [11, с. 9] или выпускаемых ОВД печатных изданиях, что ограничивало читательский круг, да и развитие самой науки находилось в прямой зависимости от решений партийных органов. В качестве достоинства освещения деятельности органов правопорядка этого периода можно назвать освещение передового опыта и отсутствия негативного влияния СМИ, что согласно стимуляционной теории влияет на показатели совершаемых деликтов [2].

Постановлением ЦК КПСС от 18.09.1962 «О повышении действенности выступлений советской печати»² был создан правовой задел для повышения эффективности сотрудничества, вместе с тем необходимо отметить, что одной из особенностей освещения в СМИ работы ОВД в 60-х годах двадцатого века, стало представление о преступности как о рудименте царизма или о внешнем происке со стороны стран запада и США, в связи с чем превалировали идеи со стороны руководства партии, что преступность в социалистическом обществе должна сойти на нет, что за собой повлекло

реорганизацию системы ОВД с ослаблением межреспубликанского обмена опытом.

Как отмечает М. В. Леус, смещение Н. С. Хрущева в 1964 году со всех занимаемых им постов привело к критическому освещению в СМИ и научной литературе ранее проведенных преобразований [6, с. 19], однако в СМИ по прежнему отсутствовал анализ внутриведомственных проблем и доминировала положительная сторона рассмотрения деятельности ОВД (это же касалось и художественной литературы, которая несла в себе позитивно-просветительский элемент работы ОВД).

В Постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.11.1968 № 902-316 «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» наряду с одобрением проекта по переименованию МООП СССР в МВД СССР в связи с не отражением всех задач и функций, выполняемых в системе органов Советского социалистического государства, содержался п. 4, который предусматривал для представителей СМИ обязанность освещать работу милиции в целях укрепления ее связи с народом и повышения авторитета среди трудящихся³.

В дальнейшем совместным приказом МВД СССР и Комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР от 14.11.1969 № 452/382, указанием МВД СССР от 15.03.1972 № 27 и приказом МВД СССР от 22.04.1975 № 119 [2] предусматривалось усиление пропаганды средствами СМИ по укреплению социалистического порядка, а также на оперативное и правильное реагирование на критику органов внутренних дел, принятие мер к устранению выявленных недостатков.

Как отмечалось планом мероприятий Координационно-методического Совета МВД СССР по правовой пропаганде на 1973 год — сотрудничество со СМИ должно проводится в рамках правового воспитания населения и побуждения населения к оказанию помощи в раскрытии преступлений.

В учебном пособии, посвященного исследованию проблем взаимодействия ОВД со СМИ, подготовленного в Горьковской высшей школе МВД СССР в 1976 году предлагались различные уровни этого взаимодействия, актуальные и в настоящее время: во-первых, стимулирование лиц, владеющих сведениями для доведения информации правоохранительным

¹ Исторический формуляр УОС МВД России // Официальный сайт МВД РФ. — URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS (дата обращения: 05.02.2021).

² О повышении действенности выступлений советской печати : Постановление ЦК КПСС от 18.09.1962 // Партийная жизнь. — 1962. — № 19.

³ О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.11.1968 № 902-316 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.01.2021).

органам, во-вторых, формирование устойчивого позитивного социально-психологического климата среди граждан, создающий необходимые условия для деятельности ОВД, в-третьих, импульс адресатов СМИ к принятию мер по ликвидации обстоятельств, послуживших совершению правонарушения, в-четвертых, доведение информации о состоянии правопорядка в рамках опровержения или предотвращения слухов, в-пятых, социальный контроль за ОВД, в-шестых, оптимизация правового воспитания [2].

Масштабные изменения, происходившие на рубеже 80-годов, связаны с кризисами экономики и советской элиты, процессами «перестройки», с одной стороны, дали толчок для политики гласности, однако одновременно с этим обнажили проблемы советской демократии. Вместе с этими процессами в 1983 году в структуре центрального аппарата МВД СССР было сформировано новое подразделение Пресс-бюро, в задачи которого входила пропаганда деятельности министерства, а также взаимодействие со СМИ и творческими организациями.

С конца 80-х годов СМИ, освободившись от идеологических клише, начинают активно рассматривать деятельность ОВД в различных аспектах, при этом критический материал в СМИ о милиции в 1987 году составил 37 процентов¹, а опрос ВЦИОМ, проведенный в 1990, показал, что работу милиции на оценку хорошо оценивают 2,7 процента респондентов [10]. Закон СССР от 1.08.1990 г. «О печати и других средствах массовой информации»² провозгласил свободу слова и печати, становятся востребованными сенсационные темы, связанные с событийной базой, а также специальное искажение информации, так в качестве примера приведем газету «Ташкентская правда» от февраля 1989 года, в которой приведенная должностным лицом МВД Узбекской ССР информация о борьбе с вооружёнными организованными преступными группами, другими СМИ была интерпретирована в негативном ключе нагнетания обстановки³.

¹ Исторический формуляр УОС МВД России // Официальный сайт МВД РФ. — URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS (дата обращения: 05.02.2021).

² О печати и других средствах массовой информации : Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 (фактически утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств», ратифицированного Постановлением ВС РСФСР от 12.12.1991 № 2014-1).

³ Сидорчик А. Ад в солнечном Узбекистане. Как «дружба народов» обернулась кровавой бойней // aif.ru : [сайт]. — https://aif.ru/society/history/ad_v_solnechnom

Принятые на смену Закону СССР от 1990 года Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁴ (далее — Закон РФ № 2124-1) в ст. 3 указал на недопустимость цензуры, Закон Казахской ССР от 28.06.1991 г. «О печати и других средствах массовой информации»⁵ в ст. 1 гарантировал плюрализм и свободу печати, Закон Республики Узбекистан от 14.06.1991 № 283-XII «О средствах массовой информации»⁶ в ст. 2 декларировал недопустимость цензуры и свободе СМИ, что в совокупности со сменой ценностных ориентиров в уже независимых государствах привело к эффекту, когда главным героем становится нарушитель (преступник, коррупционер и т. п.), а следовательно происходит массовизация медианасилия, так как СМИ вынуждены отвечать запросам своих потребителей.

Такие изменения в сторону либерализации запросов общества, а также необходимость улучшения взаимодействия ОВД со СМИ стали поводом принятия в 1992 году приказов МВД России № 59⁷ и № 479⁸ в которых предписывалось обеспечивать содействие в подготовке материалов по направлениям деятельности, повысить позитивное мнения о работе МВД России, а также перейти к квалифицированному администрированию информационными процессами в ОВД, в этом же году в ведомственной печати стал издаваться популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал».

В переходном периоде в каждом из рассматриваемых государств происходили значительные общественные трансформации, в зависимости от вовлеченности в мировые uzbekistane_kak_druzhba_narodov_obernulas_krovavoy_boyney (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 // Рос. газ. — 1992. — 8 февр. (№ 32).

⁵ О печати и других средствах массовой информации : Закон Казахской ССР от 28.06.1991 № 735-XII (утратил силу в соответствии с Законом РК 23 июля 1999 г. № 452-1).

⁶ О средствах массовой информации : Закон Республики Узбекистан от 14.06.1991 № 283-XII (Закон утратил силу в соответствии с постановлением Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 26 декабря 1997 года № 542-1 «О введении в действие Закона Республики Узбекистан «О средствах массовой информации»).

⁷ О Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации» и улучшении взаимодействия органов внутренних дел с печатью, радио, телевидением : Приказ МВД России от 26.02.1992 № 59 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 06.09.2011 № 995).

⁸ Об организации работы пресс-служб органов внутренних дел : Приказ МВД России от 28.12.1992 № 479 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 16.04.1997 № 231).

геополитические изменения и национальных факторов, которые и сформировали модели регуляторных принципов.

Отличительной особенностью деятельности МВД России двухтысячных годов становится направленность на взаимодействие с институтами гражданского общества и СМИ, формирование положительного имиджа о министерстве, об этом свидетельствуют Концепции 2005–2008¹, Концепции 2009–2014², а также появление такого органа, как Информационный совет МВД России³.

Итогом реализации концепций и реформирования ОВД стало принятие общественного мнения в качестве критерия оценки деятельности ОВД и укрепление доверия населения к органам внутренних дел. Согласно опросам общественного мнения (проводимыми ФОМ, ВЦИОМ, ФГБОУ ВПО РГСУ, ФГКУ «ВНИИ МВД России») показатель положительного отношения к органам внутренних дел вырос 52 % в 2010 году до 67 % в 2015 году, а уровень доверия с 2015 по 2020 годы близок к 50 %⁴.

Реформирование правоохранительных органов Республики Узбекистан, начатое в 2017 году, также идет по пути взаимодействия с институтами гражданского общества и СМИ, а введение рейтинговой системы для сотрудников, мониторинга и управления действиями сотрудников правоохранительных органов позволили, согласно рейтингу Law and Order Index, повысить уровень доверия граждан республики к правоохранительным органам⁵.

¹ Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2005–2008 годы : Приказ МВД России от 05.09.2005 № 718 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 31.12.2008 № 1200).

² Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009–2014 годы : Приказ МВД России от 01.01.2009 № 1 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 23.01.2016 № 34).

³ Об Информационном совете Министерства внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 05.12.2005 № 992 (утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 02.10.2012 № 907).

⁴ Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. // Официальный сайт МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 22.01.2021).

⁵ Реформы полиции в Узбекистане повысили безопасность и доверие к правоохранительным органам // Каравансарай : [сайт]. — URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/11/19/feature-01 (дата обращения: 22.01.2021).

Степень доверия населения полиции в Республике Казахстан в 2019 году составляла 38,3 %⁶.

Таким образом, если, в России и Республике Казахстан в качестве критерия оценки деятельности ОВД являются социологические опросы общественного мнения, то в Республике Узбекистан в качестве такого критерия выступает, рейтинговая система сотрудников, а также мониторинг управления действиями сотрудников. Интересным примером является опыт Республики Узбекистан, где сотрудникам ДПС ГСБДД при признании ежеквартальной работы не удовлетворительной удерживается половина должностного оклада, при этом данная мера не является дисциплинарным наказанием⁷.

Как мы видим в системе оценки эффективности деятельности ОВД все большее внимание уделяется общественному мнению, которое складывается из множества частей, в том числе из публикаций в СМИ. Однако, при взаимодействии ОВД со СМИ имеется ряд ограничений при предоставлении информации о работе ОВД.

Так, так в статье 4 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка отмечается, что «Сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного»⁸.

Закон РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» не позволяет использование СМИ для передачи сведений составляющих охраняемую законом тайну, а уголовно-процессуальный кодекс запрещает использование

⁶ Уровень доверия населения к правоохранительным органам за 2019 год // Zakon.kz : [сайт]. — URL: <https://www.zakon.kz/5010763-uroven-doveriya-naseleniya-k.html> (дата обращения: 22.01.2021).

⁷ Положение о порядке и критериях оценки результатов служебной деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной службы безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Республики Узбекистан (Приложение к Постановлению КМ РУз от 26.12.2018 г. № 1044) // Buxgalter.uz : [сайт]. — URL: [https://buxgalter.uz/doc?id=573757_polojenie_o_poryadke_i_kriteriyah_ocenki_rezultatov_sluzhebnoy_deyatelnosti_sotrudnikov_dorojno-patrujnoy_sluzby_gosudarstvennoy_sluzby_bezопасности_dorojnogo_dvijeniya_ministerstva_vnutrennih_del_respubliki_uzbekistan_\(prilozhenie_k_postanovleniyu_km_ruz_ot_26_12_2018_g_n_1044\)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://buxgalter.uz/doc?id=573757_polojenie_o_poryadke_i_kriteriyah_ocenki_rezultatov_sluzhebnoy_deyatelnosti_sotrudnikov_dorojno-patrujnoy_sluzby_gosudarstvennoy_sluzby_bezопасности_dorojnogo_dvijeniya_ministerstva_vnutrennih_del_respubliki_uzbekistan_(prilozhenie_k_postanovleniyu_km_ruz_ot_26_12_2018_g_n_1044)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (дата обращения: 22.01.2021).

⁸ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. — Москва : Юридическая литература, 1990. — С. 319–325.

данных собранных в ходе дознания и предварительного расследования.

Законы Республики Казахстан № 451-І¹ и Республики Узбекистан № 541-І² «О средствах массовой информации», аналогично российскому законодательству не позволяют разглашать сведения, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну. В этих законах также содержатся дополнительные запреты распространения вредоносной по своему характеру информации в целях защиты личности, общества и государства. Отношения, складывающиеся в области информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов и средств массовой информации, являются ярко выраженными правовыми отношениями, урегулированные определенными правовыми нормами, имеют для их участников правовые последствия и в силу этого находятся под охраной государства.

Анализ законов позволяет сделать вывод, что процесс взаимодействия СМИ с органами внутренних дел подлежит в силу своих особенностей определенному государственному воздействию, которое должно быть основано на уяснении предназначения, целей, задач и методов выполнения, а также координации субъектов, реализующих эти направления деятельности.

Это взаимодействие должно опираться на базовые постулаты, предусматривающие его содержательную характеристику. Это объясняется тем, что любой деятельности предшествует анализ принципов, исходя из которых определяются цели и задачи, свойства и виды мер, круг субъектов и объектов этой деятельности. Эти постулаты закреплены в законодательной форме.

В каждом из рассматриваемых государств действует свой закон, регламентирующий деятельность органов внутренних дел. В Российской Федерации — Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции»³, в Казахстане Закон РК № 199-V «Об органах внутренних дел

Республики Казахстан»⁴, в Узбекистане Закон РУ № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел»⁵.

Для практической деятельности органов внутренних дел чрезвычайно важно доверие общества, понимание друг друга через компромисс общих целей, выраженный в механизме реализации прав и свобод граждан. Эта задача возложена на все органы исполнительной власти. Особенность органов внутренних дел определяется их назначением.

Так, Федеральный закон «О полиции» в качестве основных направлений деятельности указывает на защиту жизни, здоровья, прав и свобод, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности, а в качестве принципа отражена открытость, публичность и общественное доверие.

Закон РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» называет защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Закон не детализирует принципы деятельности, указывая на соответствие с принципами государственной службы и специальными принципами правоохранительной службы. Стоит отметить, что одним из специальных принципов, согласно Закону РК № 380-IV «О правоохранительной службе» является сотрудничество с институтами гражданского общества.

В статье 13 Закона РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» в качестве повышения доверия населения к деятельности органов внутренних дел предусматривается осуществление взаимодействия с институтами гражданского общества и применение системы общественного контроля.

Закон РУ «Об органах внутренних дел» к задачам относит защиту прав, свобод и законных интересов граждан, собственности физических и юридических лиц, конституционного строя, обеспечение верховенства закона, безопасности личности, общества и государства, а также предупреждение и профилактика правонарушений, а в качестве принципов отражена открытость и прозрачность.

⁴ Об органах внутренних дел Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 23.04.2014 № 199 (в ред. 15.11.2020) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2014. — № 8. — Ст. 48; Казахстанская правда. — 2014. — 25 апр.

⁵ Об органах внутренних дел : Закон Республики Узбекистан от 16.09.2016 №ЗРУ-407 (в ред. 24.11.2019) // Законодательство стран СНГ : [сайт]. — URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=89064 (дата обращения: 22.01.2021).

¹ О средствах массовой информации : Закон Республики Казахстан от 23.06.1999 № 451-І (ред. от 25.05.2020) // Юрист — Параграф Online : [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013966#pos=541 (дата обращения: 22.01.2021).

² О средствах массовой информации Закон Республики Узбекистан от 26.12.1997 № 541-І (ред. от 18.04.2018) // Юрист — Параграф Online : [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31045543 (дата обращения: 22.01.2021).

³ О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. Ст. 900.

Статья 8 закона указывает, что органы внутренних дел осуществляют свою деятельность во взаимодействии с государственными органами, органами самоуправления граждан, другими организациями и гражданами, а также со средствами массовой информации. В частности, Стратегия действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан в 2017–2021 годах¹, определяет в качестве элементов совершенствования государственного и общественного развития — реализацию механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и СМИ. В 2018 году в Узбекистане был принят закон «Об общественном контроле», в качестве одного из субъектов, осуществляющих контроль, названы СМИ. Аналогичный Федеральный закон² был принят ранее и в Российской Федерации, однако деятельность правоохранительных органов выведена из компетенции этих актов. В Казахстане аналогичный закон отсутствует, вместе с тем в 4 главе принятого в 2015 году закона Республики Казахстан № 383-V «Об общественных советах» детализируется порядок полномочий общественного совета в сфере общественного контроля. Необходимо отметить, что закон не распространяет свое действие на специальные государственные органы Республики Казахстан.

Сравнивая содержание и отмечая общность и дифференциацию законов рассматриваемых государств мы приходим к выводам, что на законодательном уровне сформирована база по взаимодействию ОВД со СМИ. Анализ назначения и задач вышеуказанных правоохранительных органов показывает, что роль органов внутренних дел в защите и охране прав человека является, бесспорно, значимой для государств и требует эффективного обеспечения, тем более, что в настоящее время к числу факторов, влияющих на СМИ в странах СНГ можно отнести глобализационные экономические процессы, развитие цифровых технологий, параллельные социодинамики, которые приводят к трансформации социальных стратификаций, поведенческих стереотипов, соответственно и в предпочтении соответствующего медиаповедения. При этом происходит девальвация традиционных социальных ориентиров при навязывании либеральных западных

¹ О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан : проект указа Президента Республики Узбекистан от 7.02.2017 № УП-4947 // Проект указа Президента Республики Узбекистан : [сайт]. — URL: <http://strategy.regulation.gov.uz> (дата обращения: 22.01.2021).

² Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Российская газета. — 2014. 23 июля (№ 163).

ценностей, а также переход от информативной к развлекательной функции с использованием искажением языка. В связи с этим учёными предлагаются изменения в законодательство с целью запрета на использование жаргонизмов и ненормативной лексики [1, с. 11].

СМИ, являясь продуктом исторического развития масс-медиа могут быть периодизированы, так выделяют: газетную, радио, теле и цифровые эпохи, особенность последней в возможности получения информации на происходящие события из нескольких источников на основе любой из технологий (газета, радио, телевидение, интернет), а масс-медиа стали не столько институтом, представляющим общественное мнение, сколько силой воздействия, которая направлена на его формирование, это особенно характерно для цифровых масс-медиа.

Более того в контексте публикации информации в социальных сетях, блогах, мессенджерах и т. п. возрастает опасность вседозволенности, что предопределило необходимость поиска результативной стратегии взаимодействия ОВД с электронными социальными медиа в контексте противодействия протестных движений.

ФГКУ «ВНИИ МВД России» представлены следующие варианты деструктивного воздействия на сознание россиян, во-первых, формирование образа антисоциального государства и вездесущей несправедливости, во-вторых, раздутие недостатков в деятельности госслужащих и религиозных деятелей³. Эти же варианты деструктивного воздействия применяются на всем постсоветском пространстве.

Для успешного выполнения назначения и задач правоохранительных органов необходимо использовать накопленный опыт работы со СМИ, определить направления для совершенствования, как в рамках общей стратегии, так и конкретных направлений взаимодействия правоохранительных органов со СМИ, сопоставляя с потребностями гражданского общества представленных государств. Некоторые специалисты предлагают включать ряд компонентов при учете взаимодействия ОВД со СМИ, во-первых создание эффективных механизмов взаимодействия с населением, СМИ и общественными объединениями, обеспечивающих успешное выполнение задач, возложенных на органы внутренних дел, во-вторых проведение в органах внутренних дел согласованной политики в области формирования у населения объективной оценки деятельности и создание положительного образа сотрудников органов

³ Караяни А. Г. Информационно-психологическое противоборство в виртуальных сетях мессенджеров // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.01.2021).

внутренних дел, в-третьих, распространение достоверной информации о деятельности органов внутренних дел, разъяснение государственной политики в сфере внутренних дел, в четвертых, повышение уровня взаимного доверия и партнерства между населением и органами внутренних дел [2].

Несмотря на выстроенную модель партнерства, некоторые СМИ публикуют непроверенные данные или материал, содержащий негативные факты в отношении сотрудников правоохранительных органов. А. Т. Кабжанов, Н. О. Дулатбеков. отмечают, что негативный стереотип восприятия правоохранительных органов должен быть изменен, одним из элементов создания положительного имиджа является создание «сервисной модели» [5, с. 136]. На этом пути предпринимаются различные шаги, одним из которых в РК является расширение компетенции акимов и депутатов

маслихата в вопросах деятельности органов внутренних дел, что делает прозрачным работу органов правопорядка [13].

Вывод

В заключение необходимо отметить, что в решении проблем взаимодействия органов внутренних дел средств массовой информации должен быть учтен многогранный опыт Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, на основе которого необходима разработка единой стратегии (концепции) сотрудничества силовых ведомств со СМИ и гражданским обществом, знаменателем которого может выступить единое информационное пространство на основе русского языка, тем более, что Концепция развития сотрудничества МВД (полиции) государств — участников СНГ была предусмотрена на период до 2020 года.

Список литературы

1. Бондаренко, О. А. Отражение и формирование ценностей в молодежной печати : на примере изданий Краснодарского края, Ростовской области, Республики Адыгея : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Бондаренко Ольга Александровна. — Москва, 2014. — 27 с.
2. Боровикова, В. В. Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Боровикова Виктория Валерьевна. — Москва, 2002. — 222 с.
3. Георгадзе, М. С. Теоретические и прикладные положения психологического обеспечения информационно-пропагандистской деятельности / М. С. Георгадзе // Юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 12–17.
4. Зайцева, Ю. Д. Советская печать в системе осуществления общественного контроля над советской милицией в 1917–1930 гг. / Ю. Д. Зайцева // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 3. — С. 153–155.
5. Кабжанов, А. Т. Сервисная модель полиции в Казахстане / А. Т. Кабжанов, Н. О. Дулатбеков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2019. — № 19-2. — С. 135–138.
6. Леус, М. В. Реформирование правоохранительных органов СССР в 1953–1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дис. ... канд. ист. наук / Леус Марианна Владимировна. — Москва, 2008. — 201 с.
7. Лубский, А. В. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе / А. В. Лубский, Р. А. Лубский, Р. А. Пестов // Философия права. — 2019. — № 1 (88). — С. 54–59.
8. Маматова, Я. М. Правовая журналистика Узбекистана как фактор устойчивого правового просвещения граждан / Я. М. Маматова // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века : материалы 18-й Международной научной конференции (Минск, 17–18 мая 2018 г.) : в 3 ч. Ч. 1 / под ред. д-ра физ.-мат. наук проф. С. А. Маскевича, д-ра с.-х. наук проф. С. С. Позняка. — Минск : ИВЦ Минфина, 2018. — С. 79–81.
9. Попова, А. Д. Формирование образа советской милиции в общественном сознании в годы «оттепели» / А. Д. Попова // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 1. — С. 178–194.
10. Рахматуллин, А. Ф. Правовой статус сотрудников органов внутренних дел СССР в 1985–1990 годах / А. Ф. Рахматуллин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 3 (27). — С. 270–273.
11. Ремнева, С. В. Борьба с преступностью в Ленинграде и Ленинградской области во II половине 1950-х — I половине 1960-х годов : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Ремнева Светлана Владимировна. — Санкт-Петербург, 2016. — 24 с.

12. Сизьмин, М. А. СМИ в обеспечении национальной безопасности России : задачи, методы, приемы : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Сизьмин Михаил Алексеевич. — Москва, 2016. — 30 с.
13. Сулейманов, А. Ф. Проблемы совершенствования и развития общественного контроля в Республике Казахстан на современном этапе / А. Ф. Сулейманов // Учёные записки Академии экономики и права. — 2011. — № 1 (20). — С. 53–57.
14. Томин, В. Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью : учеб. пособие / В. Т. Томин. — Горький : Горьк. высш. школа МВД СССР, 1976. — 96 с.
15. Хабекирова, З. С. Философия средств массовой информации / З. С. Хабекирова, А. Р. Шхумишхова, З. К. Хачецукова, А. А. Калашаова // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 4-9 (73). — С. 55–58.

References

1. Bondarenko, O. A. Otrazhenie i formirovanie tsennostey v molodezhnoy pechati : na primere izdaniy Krasnodarskogo kraya, Rostovskoy oblasti, Respubliki Adygeya : spetsialnost 10.01.10 «Zhurnalistika» : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk / Bondarenko Olga Aleksandrovna. — Moskva, 2014. — 27 s.
2. Borovikova, V. V. Problemy osveshcheniya prestupnosti v sredstvakh massovoy informatsii i profilakticheskaya deyatelnost organov vnutrennikh del : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : dis. ... kand. yurid. nauk / Borovikova Viktoriya Valerevna. — Moskva, 2002. — 222 s.
3. Georgadze, M. S. Teoreticheskie i prikladnye polozheniya psikhologicheskogo obespecheniya informatsionno-propagandistskoy deyatelnosti / M. S. Georgadze // Yuridicheskaya psikhologiya. — 2012. — № 1. — С. 12–17.
4. Zaytseva, Yu. D. Sovetskaya pechat v sisteme osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya nad sovetskoymi militsiyey v 1917–1930 gg. / Yu. D. Zaytseva // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. — 2016. — № 3. — С. 153–155.
5. Kabzhanov, A. T. Servisnaya model politicii v Kazakhstane / A. T. Kabzhanov, N. O. Dulatbekov // Aktualnye problemy borby s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. — 2019. — № 19-2. — С. 135–138.
6. Leus, M. V. Reformirovanie pravookhranitelnykh organov SSSR v 1953–1964 gg. : spetsialnost 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya» : dis. ... kand. ist. nauk / Leus Marianna Vladimirovna. — Moskva, 2008. — 201 s.
7. Lubskiy, A. V. Osobennosti refleksivnykh i nerefleksivnykh struktur pravovogo povedeniya v sovremennoy rossiysskom obshchestve / A. V. Lubskiy, R. A. Lubskiy, R. A. Pestov // Filosofiya prava. — 2019. — № 1 (88). — С. 54–59.
8. Mamatova, Ya. M. Pravovaya zhurnalistika Uzbekistana kak faktor ustoychivogo pravovogo prosveshcheniya grazhdan / Ya. M. Mamatova // Sakharovskie chteniya 2018 goda: ekologicheskie problemy XXI veka : materialy 18-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Minsk, 17–18 maya 2018 g.) : v 3 ch. Ch. 1 / pod red. d-ra fiz.-mat. nauk prof. S. A. Maskevicha, d-ra s.-kh. nauk prof. S. S. Poznyaka. — Minsk : IVTs Minfina, 2018. — С. 79–81.
9. Popova, A. D. Formirovanie obraza sovetskoymi militsiyey v obshchestvennom soznanii v gody «ottepeli» / A. D. Popova // Noveyshaya istoriya Rossii. — 2018. — T. 8, № 1. — С. 178–194.
10. Rakhmatullin, A. F. Pravovoy status sotrudnikov organov vnutrennikh del SSSR v 1985–1990 godakh / A. F. Rakhmatullin // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2014. — № 3 (27). — С. 270–273.
11. Remneva, S. V. Borba s prestupnostyuy v Leningrade i Leningradskoy oblasti vo II polovine 1950-kh — I polovine 1960-kh godov : spetsialnost 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya» : avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk / Remneva Svetlana Vladimirovna. — Sankt-Peterburg, 2016. — 24 s.
12. Sizmin, M. A. СМИ в обеспечении национальной безопасности России : задачи, методы, приемы : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Sizmin Mikhail Alekseevich. — Moskva, 2016. — 30 с.
13. Suleymanov, A. F. Problemy sovershenstvovaniya i razvitiya obshchestvennogo kontrolya v Respublike Kazakhstan na sovremennoy etape / A. F. Suleymanov // Uchenye zapiski Akademii ekonomiki i prava. — 2011. — № 1 (20). — С. 53–57.
14. Tomin, V. T. Ispolzovanie sredstv massovoy informatsii v borbe s prestupnostyuy : ucheb. posobie / V. T. Tomin. — Gorkiy : Gork. vyssh. shkola MVD SSSR, 1976. — 96 s.
15. Khabekirova, Z. S. Filosofiya sredstv massovoy informatsii / Z. S. Khabekirova, A. R. Shkhumishkhova, Z. K. Khachetsukova, A. A. Kalashaova // Yevraziyskiy soyuz uchenykh. — 2020. — № 4-9 (73). — С. 55–58.

Дата поступления статьи: 12.03.2021.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Числов А. И.

*Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
г. Тюмень, Российская Федерация
E-mail: 944343@gmail.com.*

Аннотация. Статья посвящена особенностям одного из видов юридической ответственности — дисциплинарной ответственности. Автором изучены определения дисциплинарной ответственности, ее карательная сущность, особенность и результативность. В качестве критериев дисциплинарной ответственности выделены: регулирование дисциплинарной ответственности в законодательстве; наличие фактических оснований дисциплинарной ответственности; процесс государственного принуждения; неблагоприятные последствия в виде лишения и ограничений их прав; осуществление в законодательно установленных процессуальных формах, соответствующим уполномоченным должностным лицом в пределах предоставленных ему прав; результативность. Дисциплинарная ответственность зависит от таких критериев как объективность, справедливость и соразмерность и должна применяться в комплексе с прочими мерами. Автором отмечается отсутствие четких алгоритмов привлечения к административной ответственности сотрудников ОВД, в том числе при совершении административного правонарушения.

Ключевые слова: служебная дисциплина, вина, дисциплинарная ответственность, юридическая ответственность, дисциплинарное производство, сотрудник органов внутренних дел.

Для цитирования: Числов, А. И. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел / А. И. Числов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 63–66.

DISCIPLINARY LIABILITY OF THE INTERNAL AFFAIRS

A. I. Chislov

*Tyumen Institute for Advanced Studies
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Tyumen, Russian Federation
E-mail: 944343@gmail.com.*

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of one of the types of legal liability — disciplinary liability. The author has studied the definitions of disciplinary responsibility, its punitive nature, features and effectiveness. As the criteria for disciplinary responsibility, the following were identified: regulation of disciplinary responsibility in legislation; existence of factual grounds for disciplinary responsibility; the process of state coercion; adverse consequences in the form of deprivation and restrictions on their rights; implementation in legally established procedural forms; by an appropriate authorized official within the limits of the rights granted to him. Effectiveness Disciplinary responsibility depends on criteria such as objectivity, fairness and proportionality and must be applied in conjunction with other measures. The author notes the lack of clear algorithms for bringing police officers to administrative responsibility, including when committing an administrative offense.

Keywords: official discipline, wines, disciplinary liability, legal liability, disciplinary proceedings, officer of the internal affairs

For citation: Chislov A. I. Disciplinary Liability of the Internal Affairs. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 63–66. (In Russ.)

Введение

Сотрудники органов внутренних дел (далее — ОВД) обладают статусом государственного служащего и являются субъектами специальной дисциплинарной ответственности. Возможность и порядок привлечения сотрудников органов внутренних дел за совершение дисциплинарных проступков регламентированы Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе)¹.

По мнению С. В. Калинина под дисциплинарной ответственностью понимают одну из форм принуждения (мера ответственности), которая применяется уполномоченным должностным лицом к лицу, которое совершило дисциплинарное правонарушение, за которые для него предусмотрены неблагоприятные последствия [5, с. 34]. По мнению других ученых, дисциплинарная ответственность — вид юридической ответственности, которая представляет установленную законом обязанность субъекта служебных правоотношений по соблюдению и исполнению принятых на себя обязательств, а в ситуации противоправного неисполнения, либо ненадлежащего исполнения имеющихся предписаний предусмотрена возможность применения мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных трудовым (служебным) законодательством [4, с. 14–15]. Следовательно, применение дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел должно базироваться на общем представлении о сути дисциплинарной ответственности и учитывать специфику работы органов внутренних дел, а также статус их сотрудников.

Описание исследования

В качестве одного из вариантов карательной сущности дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел следует выделить наличие обязанности ее субъектов претерпевать лишения наказательного государственно-властного характера за совершенный дисциплинарный проступок, которые выражаются в ограничениях личного или организационного характера, выраженных в санкциях правовых норм [6, с. 252].

Другой дефиницией, которая заслуживает внимания, является уяснение сути дисциплинарной ответственности в органах внутренних

дел как формы юридической ответственности, заключающийся в ответственности сотрудника органов внутренних дел, который допустил нарушение установленного законодательством порядка — как в служебное, так и в неслужебное время, при условии, что его виновность установлена, а именно претерпевать неблагоприятные последствия, которые возникнут в результате возложения на него непосредственным или прямым руководителем воспитательных и превентивных мер воздействия.

К числу критериев дисциплинарной ответственности относят [1, с. 45—46]:

1. Регулирование дисциплинарной ответственности в законодательстве. В ст. 15 Закона о службе предусмотрено наступление дисциплинарной ответственности за совершение сотрудниками органов внутренних дел административных правонарушений (за исключением административной ответственности на общей основе); нарушений служебной дисциплины; за несоблюдение ограничений и запретов и по иным основаниям. Особенность дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел, также заключается в нормативном урегулировании отдельных ее вопросов на различных уровнях. Значительная часть норм, регламентирующих реализацию мер дисциплинарной ответственности предусмотрена в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел, который утвержден Указом Президента России от 14 октября 2012 г. № 1377 (далее — Дисциплинарный устав ОВД)².

2. Наличие фактических оснований дисциплинарной ответственности за совершения правонарушений, которыми выступают, прежде всего, дисциплинарные проступки, а также административные правонарушения, которые перечислены в ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, и иные основания. Согласно Дисциплинарному уставу ОВД при установлении вида дисциплинарного взыскания требуется принимать во внимание: характер проступков, обстоятельств, при которых он был осуществлен, особенности поведения сотрудника, который совершил проступок, осознание им собственной вины, отношение к службе и прочие обстоятельства.

3. Дисциплинарная ответственность, как и в целом юридическая ответственность, связаны с процессом государственного принуждения. Проявляется подобная связь, в первую очередь, в том, что юридическую ответственность устанавливает государство, во вторую, что она является особым способом внешнего

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342 // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 49. — Ст. 7020.

² О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 43. — Ст. 5808.

принудительного воздействия на лиц, умышленно отступивших от властного требования, выраженного в юридической норме.

4. Юридическая ответственность для правонарушителей заключается в конкретных неблагоприятных последствиях в виде лишений и ограничений их прав. Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел включает применение дисциплинарного взыскания, которое несет неблагоприятные последствия имущественного, социального и служебного характера.

5. Дисциплинарная ответственность осуществляется в процессуальных формах, установленных в законодательстве. Основные правила и принцип привлечения сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности закрепляется в ст. 50 Закона о службе. В совокупности с Дисциплинарным уставом ОВД (глава 6) они образуют нормативно-правовую основу дисциплинарного производства в органах внутренних дел, включая вопросы служебных расследований, применения дисциплинарного взыскания, исполнение дисциплинарного взыскания и их обжалование.

6. Осуществляется уполномоченным должностным лицом в пределах предоставленных ему прав. Данный признак юридической ответственности основан на положении Закона о службе, в котором установлено, что наложение дисциплинарного взыскания осуществляется Министром внутренних дел Российской Федерации, либо уполномоченным руководством, в пределах представленных ему прав (ч. 2 ст. 47, ч. 3 ст. 51). При этом в Законе о службе и Дисциплинарном уставе ОВД предусмотрен особый порядок наложения дисциплинарного взыскания, которое не входит в компетенцию соответствующих руководителей.

Отличием дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел от иных видов юридической ответственности, является ее направленность на обеспечение дисциплины главным образом в рамках служебного подчинения [7, с. 64].

Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел представляет собой одно из результативных правовых методов обеспечения служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел [2, с. 56]. Ее результативность связана как минимум с двумя критериями.

Во-первых, дисциплинарная ответственность — это элемент сложной структуры обеспечения служебной дисциплины и закона, она должна быть применена в комплексе с прочими мерами [3, с. 86]. Пренебрежение способами воспитания (обучения, личные примеры и пр.) и убеждение, применение только одного дисциплинарного взыскания и (или) поощрения,

что часто происходит в практике работы органов внутренних дел, не приводит, как правило, к желаемому результату. При этом доминирование дисциплинарной ответственности над другими мерами воспитательного воздействия может привести к снижению ее влияния на сотрудников и безразличию к служебным интересам. В конечном результате это может быть усугублено снижением уровня служебной дисциплины и законности.

Второе условие касается именно мер дисциплинарной ответственности. Результативность применения дисциплинарных наказаний находится в зависимости от таких показателей, как объективность, справедливость и соразмерность [3, с. 86]. В обратной ситуации стоит ожидать отрицательной динамики изменений служебной дисциплины и законности.

Заключение

Повышению дисциплинарной ответственности способствует понимание сути, значения и цели дисциплинарной ответственности, имеющееся представление о структуре мер дисциплинарной ответственности и итогов их применения, знания порядка и критериев привлечения к дисциплинарной ответственности, наложения дисциплинарных взысканий.

Порядок реализации дисциплинарной ответственности в ОВД определяется соответствующим видом юрисдикционных производств, выделяемых в административно-процессуальном праве — дисциплинарным производством. Фактическим основанием его осуществления является совершение дисциплинарного проступка, процессуальным — поступление сведений о допущенных нарушениях соответствующему руководителю, имеющими право на возбуждение дисциплинарного производства, который в свою очередь обязан принять решение либо о необходимости изучения обстоятельств совершения дисциплинарного проступка (процесса возбуждения дисциплинарного производства) в обычном порядке без осуществления служебной проверки, либо о проведении служебной проверки. Хотя следует отметить, что четкого алгоритма действий не регламентировано. В связи с чем, руководителями ОВД широко применяются дискреционные полномочия, что может отразиться на принципах реализации дисциплинарной ответственности. В частности требует законодательного решения вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, в случае совершения административного правонарушения и признания в порядке ст. 2.5 КоАП РФ особым субъектом, поскольку административное законодательство не классифицирует административные правонарушения

по степени тяжести, соответственно сложно определить соразмерность назначаемого дисциплинарного наказания. Соответственно сотрудник может быть привлечен к одинаковому виду ответственности и за умышленное деяние, например, побои, и за неосторожное — утрата паспорта.

Таким образом, можно резюмировать то, что для дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел, с одной стороны, характерны общие критерии юридической ответственности, с другой — особенности, в которых отражается специфика служебных взаимоотношений в органах внутренних дел.

Список литературы

1. Административная деятельность ОВД : учебник для вузов / М. В. Костенников [и др.] ; под редакцией М. В. Костенникова, А. В. Куракина. — Москва : Издательство Юрайт, 2014. — 521 с.
2. Боуш, К. С. Проведение служебных проверок при увольнении со службы в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с грубым нарушением служебной дисциплины / К. С. Боуш // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2017. — № 1 (8). — С. 55–59.
3. Ванюшин, Я. Л. Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел Российской Федерации (с учетом требований нормативных актов в редакции 2014 г.) : учебное пособие / Я. Л. Ванюшин, И. Н. Ванюшина. — Тюмень : ТИПК МВД России, 2014. — 99 с.
4. Ванюшин, Я. Л. Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел: некоторые вопросы теории и практики : методические рекомендации / Я. Л. Ванюшин, М. М. Пронина. — Челябинск : Челябинский юридический ин-т МВД России, 2010. — 125 с.
5. Калинина, С. В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / С. В. Калинина [и др.]. — Москва : Юнити-Дана, 2016. — 191 с.
6. Кученин, Е. С. Характерные черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД / Е. С. Кученин // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 8. — С. 249–252.
7. Мальцев, Е. П. Отдельные материально-правовые и процессуальные аспекты проведения служебной проверки в органах внутренних дел / Е. П. Мальцев // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. — С. 61–66.

References

1. Administrativnaya deyatelnost OVD : uchebnik dlya vuzov / M. V. Kostennikov [i dr.] ; pod redaktsiyei M. V. Kostennikova, A. V. Kurakina. — Moskva : Izdatelstvo Yurayt, 2014. — 521 s.
2. Boush, K. S. Provedenie sluzhebnykh proverok pri uvolnenii so sluzhby v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v svyazi s grubym narusheniem sluzhebnoy distsipliny / K. S. Boush // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. — 2017. — № 1 (8). — S. 55–59.
3. Vanyushin, Ya. L. Distiplinarnaya otvetstvennost v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (s uchetom trebovaniy normativnykh aktov v redaktsii 2014 g.) : uchebnoe posobie / Ya. L. Vanyushin, I. N. Vanyushina. — Tyumen : TIPK MVD Rossii, 2014. — 99 s.
4. Vanyushin, Ya. L. Distiplinarnaya otvetstvennost v organakh vnutrennikh del: nekotorye voprosy teorii i praktiki : metodicheskie rekomendatsii / Ya. L. Vanyushin, M. M. Pronina. — Chelyabinsk : Chelyabinskiiy yuridicheskiy in-t MVD Rossii, 2010. — 125 s.
5. Kalinina, S. V. Administrativno-yurisdiktsionnaya deyatelnost organov vnutrennikh del : ucheb. posobie / S. V. Kalinina [i dr.]. — Moskva : Yuniti-Dana, 2016. — 191 s.
6. Kuchenin, Ye. S. Kharakternye cherty distsiplinarnoy otvetstvennosti sotrudnikov OVD / Ye. S. Kuchenin // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2011. — № 8. — S. 249–252.
7. Maltsev, Ye. P. Otdelnye materialno-pravovye i protsessualnye aspekty provedeniya sluzhebnoy proverki v organakh vnutrennikh del / Ye. P. Maltsev // Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava : materialy ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii V. D. Sorokina : v 2-kh ch. Ch. 1. — Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2011. — S. 61–66.

Дата поступления статьи: 12.03.2021.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (ст. 138¹ УК РФ)

Безуглый С. Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: bezugly@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3160>

Аннотация. В настоящей статье исследуются вопросы, связанные с судебным толкованием объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ. Данная уголовно-правовая норма охраняет общественные отношения, обеспечивающие законный порядок производства и оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Предметом рассматриваемого преступления являются специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации. Использование технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не только способно нарушить конституционные права и свободы граждан. Приобретение или производство специальных технических средств может выступать в качестве подготовительного этапа к совершению преступлений, которые не посягают на конституционные права граждан. Исследуя объективную сторону рассматриваемого состава преступления, автор признает излишним указание в приговорах возможных последствий незаконного оборота специальных технических средств.

Особое внимание автор уделяет исследованию вопросов установления вины и цели преступления. На основании анализа материалов судебной практики судов общей юрисдикции автор исследует проблемы установления вины в ходе судебного разбирательства. Новизной обладает научное обоснование необходимости закрепления в диспозиции уголовно-правовой нормы цели преступления. Автор изучает различные точки зрения на целесообразность уточнения цели совершаемого посягательства и перспективы введения в диспозицию признака «цели» в качестве конститутивного признака рассматриваемого состава преступления. До включения признака цели уголовно-правовую норму автор считает необходимым обсудить подобный проект с представителями научной общественности.

В заключении статьи автор делает вывод о соответствии действующей редакции уголовно-правовой нормы принципам уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, специальные технические средства, конституционные права, корыстные побуждения, цель преступления.

Для цитирования: Безуглый, С. Н. Судебное толкование нормы об ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) / С. Н. Безуглый // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 67–73.

JUDICIAL INTERPRETATION OF THE LIABILITY RULE FOR ILLEGAL TRAFFICKING OF SPECIAL TECHNICAL MEANS INTENDED FOR SECRET OBTAINING OF INFORMATION (ART. 138¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

S. N. Bezuglyy

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russian Federation

E-mail: bezuglyy@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3160>.

Abstract. This article examines issues related to the judicial interpretation of objective and subjective signs of the corpus delicti under Art. 138¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. This criminal law rule protects public relations that ensure the legal procedure for the production and circulation of special technical means intended for secretly obtaining information. The subject of the crime under consideration is special technical means designed to secretly obtain information. The use of technical means designed to secretly obtain information is not only likely to violate the constitutional rights and freedoms of citizens. The acquisition or production of special equipment may serve as a preparatory stage for the commission of crimes that do not infringe on the constitutional rights of citizens. When examining the objective side of the crime in question, the author considers it superfluous to indicate in the sentences the possible consequences of illegal trafficking in special equipment.

The author pays special attention to the study of the issues of establishing guilt and the purpose of the crime. Based on an analysis of the jurisprudence of the courts of general jurisdiction, the author investigates the problems of establishing guilt during the trial. The scientific justification for the need to establish the purpose of the crime in the disposition of the criminal law norm is novelty. The author examines various views on the desirability of clarifying the purpose of the attack and the prospect of introducing the “purpose” attribute into the disposition as a constitutional sign of the crime in question. Prior to the inclusion of the objective of the criminal law norm, the author considers it necessary to discuss such a project with representatives of the scientific community.

In the conclusion of the article, the author concludes that the current version of the criminal law norm complies with the principles of criminal law.

Keywords: criminal law, special equipment, constitutional rights, self-serving motives, target of a crime.

For citation: Bezuglyy S. N. Judicial Interpretation of the Liability Rule for Illegal Trafficking of Special Technical Means Intended for Secret Obtaining of Information (Art. 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 67–73. (In Russ.)

Введение

Гарантированные Конституцией РФ¹ права и свободы человека и гражданина признаются важным объектом уголовно-правовой охраны [8, с. 35]. В теории уголовного права подчеркивается, что «состав преступления как юридическое понятие преступного поведения выступает весомой юридической

гарантией привлечения к уголовной ответственности лишь при наличии оснований, зафиксированных в уголовном законодательстве» [14, с. 20].

В действующем уголовном законе содержится целый комплекс статей, направленных на защиту конституционных прав и свобод [1, с. 3]. Одним из составов преступлений, посягающих на конституционные права граждан, является ст. 138¹ УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Напомним, что действующая в настоящий

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

момент ст. 138¹ УК РФ ранее в 2011 году была выведена из ч. 3 ст. 138 УК РФ¹.

Интерес широкой общественности к теме «шпионских устройств» возник в 2017 году после вопроса, заданного Президенту РФ на ежегодной пресс-конференции². Конкретные нормативные и разъяснительные положения, которые смогли бы скорректировать практику по ст. 138¹ УК РФ, появились несколько позже. Их исследованию и посвящена настоящая статья.

Материал и методы

Автор представляет систематический обзор литературы, в которой исследуется ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Для поиска соответствующих исследований опубликованная литература была идентифицирована из электронных библиотек (Научная электронная библиотека, КиберЛенинка, Google Scholar).

Методологию исследования составляют общенаучные способы познания и специальные юридические методы: формально-юридический; сравнение, анализ, синтез, а также формально-логический и другие частнонаучные методы, включая исторический.

Результаты

Не ослабевает внимание к рассматриваемой уголовно-правовой норме и в научной среде [7, с. 155–157]. Прежде всего, обращает на себя внимание целый ряд дискуссионных вопросов, касающихся определения отдельных объективных признаков состава преступления [2, с. 760–766]. Во-первых, подвергается сомнению определение объекта исследуемого состава преступления и целесообразность размещения уголовно-правовой нормы в главе 19 УК РФ [6, с. 106; 13, с. 165]. Во-вторых, обсуждается предмет преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ [5, с. 17] (этот вопрос нашел частичное разрешение после введения двух примечаний к статье³). В-третьих, с позиции

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения: 15.03.2021).

² Путин изучит, какая статья запрещает покупку маячка для слежки за животным // РИА Новости : [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20171214/1510948249.html> (дата обращения: 15.03.2021).

³ О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 02.08.2019 № 308-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 31. — Ст. 4467.

смыслового единства терминов уголовного законодательства отмечается недостаточность объективных и субъективных признаков, используемых в диспозиции ст. 138¹ УК РФ [10, с. 65].

Состав преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ, является формальным, а встречающиеся в судебной практике указания на возможные последствия, которые затрагивают конституционные права, являются, на наш взгляд, излишними. Однако в судебной практике встречаются случаи указания на последствия в виде нарушения конституционных прав граждан⁴.

Представляется, что сам по себе незаконный оборот специальных технических средств не может свидетельствовать даже о возможной постановке в опасность конституционных прав граждан, ввиду хотя бы того, что такие средства могут использоваться для получения широкого круга сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Так, в 2019 году законодатель уточнил, что специальными техническими средствами будут признаваться и такие средства, которым «приданы новые свойства, позволяющие с их помощью получать и (или) накапливать информацию, составляющую личную, семейную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, без ведома ее обладателя» (примечание 2 к ст. 138¹ УК РФ).

Более того, приобретение или производство специальных технических средств может выступать в качестве подготовительного этапа к совершению преступлений, которые не посягают на конституционные права граждан. Пример подобной ситуации мы находим в судебной практике. Так, З. планировал реализовать свой преступный умысел из личной корыстной заинтересованности в целях совершения последующих краж чужого имущества, используя незаконно полученные сведения, охраняемые законом. Осуществляя приготовление к совершению краж, З. заранее приобрел устройства, которые относятся к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации⁵.

Не умаляя важности объективных признаков, образующих состав преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ, которые неоднократно рассматривались на страницах ведущих юридических журналов [11, с. 35–40; 12, с. 43–47], в рамках настоящей

⁴ См.: Дело № 1-1370/2018 // Архив Якутского городского суда Республики Саха (Якутия); Дело № 1-243/2018 // Архив Алапаевского городского суда Свердловской области.

⁵ См.: Дело № 1-876/2016 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области.

статьи остановимся подробнее на дискуссии, которая ведется относительно субъективных признаков интересующего нас состава преступления.

Обсуждение результатов

Субъективная сторона незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, определяется виной в форме умысла. Указанный признак признал «составообразующим» Конституционный Суд РФ, исключив возможность привлечения к уголовной ответственности за данное преступление (в тот период времени оно еще было предусмотрено ч. 3 ст. 138 УК РФ), «если соответствующее деяние совершено по неосторожности»¹.

Далее обратимся к разъяснениям высшей судебной инстанции. Разрешив многие возникавшие на практике вопросы по поводу незаконности оборота специальных технических средств², Постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит некоторые разъяснения, способные усложнить правоприменительную деятельность. Так, в п. 9 Постановление Пленума упоминает о том, что виновность лица отсутствует при добросовестном заблуждении «относительно его фактического предназначения»³. Такие случаи встречаются в судебной практике. Так, гражданин А. неоднократно видел в сети Интернет и СМИ рекламу гаджетов,

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других : Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2191.

² В частности, Верховный Суд РФ разъяснил, что не могут быть квалифицированы по ст. 138.1 УК РФ «действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан». См.: Пленум Верховного Суда РФ разъяснил особенности приобретения «шпионской» аппаратуры для личной безопасности, напомнил о последствиях опубликования чужих СМС, предупредил от невыплаты заработной платы работнику, работавшему без трудового договора // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56257.html/> (дата обращения: 15.03.2021).

³ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2. С. 8–11.

выполняющих функции GPS-трекеров, с помощью которых можно определить местонахождение того или иного объекта. Тогда же он решил приобрести такой гаджет для установки в своем автомобиле в качестве противоугонного средства⁴. Полагаем, что правоприменителю будет весьма проблематично установить умысел лица, выступающего в незаконном обороте специальных технических средств на стороне спроса, так как виновное лицо всегда может заявить о том, что оно заблуждалось относительно характеристик приобретенного устройства. Другое дело, если речь идет о стороне предложения, когда виновное лицо реализует подобные устройства, не имея соответствующего разрешения в нарушение лицензионных и таможенных правил. Здесь установить умысел лица легче.

Революционным является разъяснение высшей судебной инстанции в том же п. 9 Постановления, исключаящее уголовную ответственность покупателя подобных устройств, действующего «с намерением использовать... в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан»⁵. Представленное положение характеризуется двумя обязательными элементами: наличие положительных целей, перечень которых подлежит расширительному толкованию (к примеру, обеспечение сохранности имущества); отсутствие отрицательной цели, которая выражается в предположении применить специальные технические средства для посягательства на конституционные права граждан. Только при сочетании вышеуказанных признаков следует говорить о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 138¹ УК РФ.

Однако в судебной практике встречаются ситуации, при которых виновное лицо намеренно использовало техническое средство для обеспечения безопасности членов семьи, нарушая при этом конституционные права других граждан. К примеру, «подсудимая А., признав вину, пояснила, что захотела купить прослушивающее устройство с целью использования его (подложив племяннице) для выяснения обстоятельств появления синяков на ее теле, так как

⁴ Дело № 1-79/2018 // Архив Рубцовского городского суда Алтайского края.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса РФ).

она ходит в частный детский сад»¹. Следует отметить, что в подобных ситуациях человек, нарушая права граждан, преследует положительные цели. Этот момент представляется нам весьма актуальным и применительно к данному составу недостаточно проработанным. Конечно, обеспечивать безопасность себя, своей семьи нужно законными способами. Но, к сожалению, нередко ситуации, когда существующие способы самозащиты просто неэффективны [4, с. 131–134]. Полагаем, что в данном случае должны оцениваться все обстоятельства дела, а особое внимание следует уделять определению именно реальной, а не формальной возможности обеспечения безопасности законным способом.

Обращает на себя внимание указание на то, что должна отсутствовать только одна цель — применить специальные технические средства для посягательства на конституционные права граждан. Но данное преступление может посягать и на широкий круг сведений, составляющих один из видов охраняемых законом тайн.

В этой связи в науке уголовного права часто отмечается, что цели должны быть конструктивным признаком ст. 138¹ УК РФ. Однако полагаем, что это должны быть не те цели, определяемые только видовым объектом, который искусственно создан для рассматриваемого состава включением его в главу 19 УК РФ. Цели, подлежащие включению в состав преступления, предусмотренный ст. 138¹ УК РФ, могут быть разнообразными. Данное обстоятельство обусловлено характеристиками специальных технических средств, выступающих предметом преступления [9, с. 109–112].

Так, А. Н. Шагланова предлагает выделить квалифицированный состав ст. 138¹ УК РФ, указав в нем «корыстные побуждения» [15, с. 118]. В практике суды отмечают то обстоятельство, что человек сбывает специальные технические средства «с целью извлечения материальной выгоды для себя»². Также автор предлагает предусмотреть цель приобретения в виде «дальнейшего незаконного использования» [15, с. 118]. Следует отметить универсальность такой цели.

Другие авторы предлагают включить в ст. 138¹ УК РФ специальную цель приобретения, как совершенного с целью получения: сведений о частной жизни человека; сведений, составляющих коммерческую или

банковскую тайну; сведений о нарушении тайны голосования; сведений, составляющих медицинскую тайну и иные виды тайн [10, с. 61–66].

А. В. Земцова отмечает, что «установление цели, при наличии которой будет исключаться ответственность за приобретение специальных технических средств, повлечет признание легитимным приобретение, например, радиоаппаратуры, предназначенной для негласного получения и регистрации акустической информации, без установленной на момент приобретения цели сбора информации, ограниченной в доступе федеральным законом» [3, с. 14]. Автор отмечает, что противоправная цель может возникнуть в период владения специальным техническим средством. Доводы кажутся вполне логичными. Но как быть, если специальное техническое средство уже находится во владении человека? Как определить цели его использования, которые могут измениться с момента приобретения? Следуя такой логике, необходимо изъять все оружие у населения — ведь даже приобретя на законном основании оружие, владелец может изменить цель его владения и использования (чему мы можем найти многочисленные примеры на практике).

Выводы

Важным шагом урегулирования проблем правоприменения стало признание возможности пользоваться специальными средствами в целях, которые не затрагивают права других граждан. Полагаем, что специальные цели должны быть детализированы в диспозиции ст. 138¹ УК РФ. Но какие это будут цели? Их содержание должно пройти обстоятельный теоретический анализ и быть хорошо выверено.

Очень ценно признание возможности добросовестно заблуждаться в предназначении специальных средств, что в полной мере реализует положения о недопустимости объективного вменения. Хотя понятие специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, появилось в УК РФ, анализ их технических характеристик требует отдельного обширного исследования.

Заключение

В настоящей статье мы не затронули всех проблем, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования, судьи и адвокаты. Но одно можно утверждать точно — после последних изменений уголовного закона и их судебного толкования практика по ст. 138¹ УК РФ приходит в то состояние, которое отвечает основным принципам уголовного права.

¹ Дело № 1-51/2018 // Архив Октябрьского районного суда г. Грозный Чеченской Республики.

² Дело № 1-366/2018 // Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Бастрыкин, А. И. Защита конституционных прав граждан как основополагающая функция Следственного Комитета Российской Федерации / А. И. Бастрыкин // Российский следователь. — 2015. — № 11. — С. 3–6.
2. Безуглый, С. Н. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ): старые проблемы — новые решения / С. Н. Безуглый // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. — Москва : РГ-Пресс, 2020. — С. 760–766.
3. Земцова, А. В. К вопросу о перспективах совершенствования механизма противодействия незаконному обороту специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / А. В. Земцова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2018. — № 4 (48). — С. 9–16.
4. Меркурьев, В. В. Сущность уголовной ответственности и ее соотношение с гражданской самозащитой / В. В. Меркурьев, С. С. Тихонова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2008. — № 2 (2). — С. 131–134.
5. Милютин, Д. В. Проблемы правоприменения статьи 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» / Д. В. Милютин, Д. А. Панин // Научный портал МВД России. — 2019. — № 1(45). — С. 16–21.
6. Новиков, В. А. Дискуссионные аспекты определения границ видового объекта преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ / В. А. Новиков // Журнал российского права. — 2016. — № 4 (232). — С. 101–108.
7. Петроченков, С. Д. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: законодательный подход и судебная практика / С. Д. Петроченков // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 3. — С. 155–157.
8. Рахманова, Е. Н. О целях и задачах уголовного закона / Е. Н. Рахманова // Адвокатская практика. — 2015. — № 1. — С. 34–39.
9. Решняк, М. Г. Современные проблемы уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / М. Г. Решняк // Пробелы в российском законодательстве. — 2019. — № 6. — С. 109–112.
10. Родивилина, В. А. Особенности квалификации преступлений в сфере незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / В. А. Родивилина, И. П. Родивилин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2013. — № 3 (66). — С. 61–66.
11. Рязанов, Н. Ю. Способы нарушения тайны связи в уголовном праве России / Н. Ю. Рязанов // Российский следователь. — 2016. — № 9. — С. 35–40.
12. Семенов, В. Р. Сложные вопросы определения предмета преступного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / В. Р. Семенов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2019. — № 3 (22). — С. 43–47.
13. Тарасова, Л. Я. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Проблемы правоприменения / Л. Я. Тарасова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2019. — № 1(36). — С. 165–167.
14. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — 547 с.
15. Шагланова, А. Н. Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / А. Н. Шагланова // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 11 мая 2018 г.). — Омск : Омская юридическая академия, 2018. — С. 116–118.

References

1. Bastrykin, A. I. Zashchita konstitutsionnykh prav grazhdan kak osnovopolagayushchaya funktsiya sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii / A. I. Bastrykin // Rossiyskiy sledovatel. — 2015. — № 11. — С. 3–6.
2. Bezuglyy, S. N. Nezakonnyy oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii (st. 138.1 UK RF): starye problemy — novye resheniya / S. N. Bezuglyy //

Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Moskva : RG-Press, 2020. — S 760–766.

3. Zemtsova, A. V. K voprosu o perspektivakh sovershenstvovaniya mekhanizma protivodeystviya nezakonnomu oborotu spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii / A. V. Zemtsova // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. — 2018. — № 4 (48). — S. 9–16.

4. Merkurev, V. V. Sushchnost ugolovnoy otvetstvennosti i ee sootnoshenie s grazhdanskoy samozashchitoy / V. V. Merkurev, S. S. Tikhonova // Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2008. — № 2 (2). — S. 131–134.

5. Milyutin, D. V. Problemy pravoprimeneniya stati 138.1 UK RF «Nezakonnny oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii» / D. V. Milyutin, D. A. Panin // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2019. — № 1(45). — S. 16–21.

6. Novikov, V. A. Diskussionnye aspekty opredeleniya granits vidovogo obekta prestupleniy, predusmotrennykh glavnoy 19 UK RF / V. A. Novikov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 4 (232). — S. 101–108.

7. Petrochenkov, S. D. Nezakonnny oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii: zakonodatelnyy podkhod i sudebnaya praktika / S. D. Petrochenkov // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2012. — № 3. — S. 155–157.

8. Rakhmanova, Ye. N. O tselyakh i zadachakh ugolovnogo zakona / Ye. N. Rakhmanova // Advokatskaya praktika. — 2015. — № 1. — S. 34–39.

9. Reshnyak, M. G. Sovremennyye problemy ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnny oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii / M. G. Reshnyak // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2019. — № 6. — S. 109–112.

10. Rodivilina, V. A. Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii / V. A. Rodivilina, I. P. Rodivilin // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. — 2013. — № (66). — S. 61–66.

11. Ryazanov, N. Yu. Sposoby narusheniya tayny svyazi v ugolovnom prave Rossii / N. Yu. Ryazanov // Rossiyskiy sledovatel. — 2016. — № 9. — S. 35–40.

12. Semenov, V. R. Slozhnye voprosy opredeleniya predmeta prestupnogo oborota spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii / V. R. Semenov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. — 2019. — № 3 (22). — S. 43–47.

13. Tarasova, L. Ya. Nezakonnny oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii. Problemy pravoprimeneniya / L. Ya. Tarasova // Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 1(36). — S. 165–167.

14. Uchenie o sostave prestupleniya v ugolovnom prave Rossii i Kitaya: sravnitelno-pravovoe issledovanie / pod red. prof. V. S. Komissarova, A. I. Korobeeva, Khe Binsuna. — Sankt-Peterburg : Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2009. — 547 s.

15. Shaglanova, A. N. Problemy kvalifikatsii nezakonnogo oborota spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii / A. N. Shaglanova // Aktualnye problemy ugolovnoy i ugolovno-protsessualnoy politiki Rossiyskoy Federatsii : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 11 maya 2018 g.). — Omsk : Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2018. — S. 116–118.

Дата поступления статьи: 22.03.2021.

ПОДСИСТЕМА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ВИДОВ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ*

Закомолдин Р. В.

Институт права Тольяттинского государственного университета

г. Тольятти, Российская Федерация

E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8829-0211>

Аннотация. Статья посвящена анализу специальных воинских видов уголовного наказания, представляющих собой подсистему в системе уголовного наказания по УК РФ. Формулируется определение специальных воинских видов уголовного наказания, анализируются критерии и содержание их классификации. Делается вывод, что специальные воинские уголовные наказания позволяют реализовать идею справедливости, а также дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и уголовного наказания военнослужащих, поскольку учитывают специфику их статуса и особенности выполняемой ими служебной деятельности. Критикуются предложения об исключении специальных воинских видов уголовного наказания из УК РФ. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного закона в части уголовно-правового воздействия на военнослужащих. В частности, предлагается выделить в Общей части УК отдельный раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих», что позволит относительно обособить, систематизировать и упорядочить соответствующие специальные нормы и положения действующего военно-уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие на военнослужащих, эффективность уголовно-правового воздействия на военнослужащих, уголовная ответственность военнослужащих, дифференциация уголовной ответственности военнослужащих, специальные воинские уголовные наказания, подсистема воинских уголовных наказаний, военно-уголовное законодательство.

Для цитирования: Закомолдин, Р. В. Подсистема специальных воинских видов уголовного наказания / Р. В. Закомолдин // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 74–80.

SUBSYSTEM OF SPECIAL MILITARY TYPES OF CRIMINAL PUNISHMENT

R. V. Zakomoldin

Institute of Law of Togliatti State University

Togliatti, Russian Federation

E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8829-0211>

Abstract. The article is devoted to the analysis of special military types of criminal punishment, which are a subsystem in the system of criminal punishment under the Criminal Code of the Russian Federation. The definition of special military types of criminal punishment is formulated, the criteria and the content of their classification are analyzed. It is concluded that special military criminal punishments make it possible to realize the idea of justice, as well as differentiation and individualization of criminal responsibility and criminal punishment of servicemen, since they take into account the specifics of their status and the characteristics of their service activities.

* Статья выполнена в рамках гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

Proposals to exclude special military types of criminal punishment from the Criminal Code of the Russian Federation are criticized. Proposals are being formulated to improve the criminal law in terms of criminal-legal impact on military personnel. In particular, it is proposed to single out in the General Part of the Criminal Code a separate section “Criminal liability of servicemen” and the chapter “Features of criminal liability and punishment of servicemen”, which will make it possible to relatively separate, systematize and streamline the relevant special norms and provisions of the current military criminal legislation.

Keywords: criminal law impact on military personnel, effectiveness of criminal law impact on military personnel, criminal responsibility of military personnel, differentiation of criminal responsibility of military personnel, special military criminal penalties, military criminal penalties subsystem, military criminal legislation.

For citation: Zakomoldin R. V. Subsystem of Special Military Types of Criminal Punishment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 74–80. (In Russ.)

Введение

Общие положения об уголовном наказании являются универсальными и не отражают специфики общественных отношений в целом и их отдельных структурных элементов. Данная проблема решается посредством специальных норм и положений, которые, имея единый с общими предписаниями объект регулирования, учитывают его специфику [3; 7]. При этом, если общие установления уголовного закона способствуют процессу унификации уголовно-правового воздействия, то специальные обеспечивают его дифференциацию [12]. В свою очередь, дифференциация уголовной ответственности есть проявление идеи справедливости [13], надлежащую реализацию которой невозможно обеспечить лишь общими нормативными установлениями. Так, согласно ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (*курсив наш — Р.З.*). Реализация данного положения является одновременно и целью и принципом уголовно-правового воздействия [6]. В связи с этим справедливость, дифференциация и индивидуализация уголовного наказания являются взаимосвязанными и взаимообусловленными категориями [18].

Представленные в УК РФ виды уголовных наказаний различаются, помимо прочего, и по кругу субъектов, в отношении которых они применяются. Этот критерий позволяет подразделять уголовные наказания на общие и специальные. Общими являются уголовные наказания, которые могут быть назначены любым лицам, а специальными — только определенному кругу лиц в связи с их специальным правовым статусом.

В предусмотренном в ст. 44 УК РФ перечне видов уголовных наказаний традиционно принято выделять такую специальную группу как воинские уголовные наказания [1; 4; 19]. Отдельные авторы предлагают рассматривать их в виде усеченной системы [23], однако нам такая позиция представляется неточной. Полагаем, если уголовные наказания в целом рассматривать как систему, то природу и место воинских видов уголовного наказания более точно отражает термин «подсистема».

УК РФ, придерживаясь в целом универсального способа уголовно-правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих, тем не менее предусматривает целый спектр специальных норм и положений, касающихся уголовного наказания военнослужащих [2]. Такой подход не является новым или оригинальным ни для отечественного законодателя, ни для зарубежных правопорядков [21].

Результаты и их обсуждение

Наличие специальных воинских видов уголовного наказания необходимо в связи с обеспечением эффективного уголовно-правового воздействия на такую специфическую категорию осужденных как военнослужащие. Действующее уголовное законодательство предусматривает разнообразный набор средств такого воздействия, однако многие виды уголовных наказаний к военнослужащим либо не могут применяться вообще (например, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы), либо применяются со значительными ограничениями (например, обязательные работы), в связи с чем требуются специальные уголовно-правовые средства и меры воздействия, учитывающие их специальный правовой статус и особенности основного вида их деятельности — прохождения военной службы.

Под специальными воинскими видами уголовного наказания принято понимать меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда только военнослужащим, признанным виновными в совершении преступлений, и заключающиеся в предусмотренных УК РФ лишениях и ограничениях прав и свобод военнослужащих в специфических условиях прохождения военной службы [4; 5]. Соответственно, специфика этих уголовных наказаний заключается в том, что они ориентированы, во-первых, на назначение только осужденным военнослужащим, а, во-вторых, на исполнение в условиях дальнейшего прохождения осужденными военнослужащими военной службы.

К данной группе уголовных наказаний относятся, в частности, лишение воинского звания (ст. 48 УК РФ), ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ), арест с отбыванием на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ). Учитывая данный перечень конкретных видов специальных воинских наказаний, сложившееся определение понятия данной разновидности наказаний требует уточнения, поскольку оно отражает характерные черты и ключевые особенности только основных воинских уголовных наказаний. Соответственно, из приведенной выше формулировки выпадает такое дополнительное воинское наказание как лишение воинского звания, поскольку его назначение влечет изъятие военнослужащего из сферы воинских правоотношений с прекращением соответствующего статуса [19].

В связи с этим мы предлагаем определять **специальные воинские уголовные наказания** как меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда военнослужащим, признанным виновными в совершении преступлений, и заключающиеся в предусмотренных УК РФ изъятиях и ограничениях прав и свобод военнослужащих в специфических условиях прохождения военной службы либо в полном лишении статуса военнослужащего с потерей связанных с ним преимуществ [10].

В целом же в связи с фактическим выделением отдельной разновидности специальных воинских уголовных наказаний уместно и их относительное нормативное обособление. Мы не являемся сторонниками принятия отдельного специального военно-уголовного закона, как это сделано в некоторых зарубежных правовых порядках [21] и предлагается некоторыми отечественными специалистами [17], поскольку это противоречит положениям УК РФ о том, что УК является единственным источником уголовного законодательства (ч. 1 ст. 1) и единственным правовым

основанием преступности и наказуемости деяний (ч. 1 ст. 3 УК РФ) [16]. Однако определенная обособленность таких специальных уголовно-правовых норм и положений в УК должна присутствовать в целях обеспечения их системности и упорядоченности. В связи с этим, как мы уже неоднократно писали, целесообразно, как минимум, выделение в Общей части УК РФ отдельной нормы, которая содержала бы перечень таких видов уголовного наказания, назначаемых военнослужащим, и стала бы неотъемлемой частью совокупности специальных норм, условно именуемой военно-уголовным законодательством [8; 10]. Отчасти такая идея имеет место и в предлагаемых научных проектах УК РФ [14]. Если же говорить о данной проблеме в более широком аспекте, как в целом об уголовно-правовом воздействии в отношении военнослужащих, институционализации дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания данной категории субъектов, то, на наш взгляд, уместно в Общей части УК РФ выделить отдельный раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих», которые включали бы, в том числе, нормы и положения статей 44, 48, 51, 54 и 55 УК, касающиеся специальных воинских видов уголовного наказания, и стали бы наряду с нормами и положениями раздела XI и главы 33 Особенной части УК элементами специального уголовно-правового института — военно-уголовного законодательства [11].

Специальные воинские уголовные наказания обладают рядом общих отличительных признаков:

— во-первых, они являются мерами государственного принуждения и частью системы уголовных наказаний, предусмотренных действующим УК РФ;

— во-вторых, они назначаются субъектам со специальным правовым статусом — военнослужащим;

— в-третьих, они выражаются в определенных лишениях и ограничениях прав и свобод осужденных военнослужащих, обусловленных прохождением ими военной службы;

— в-четвертых, они исполняются в условиях дальнейшего прохождения военной службы (за исключением лишения воинского звания);

— в-пятых, они преследуют специальную цель воинского воспитания осужденных военнослужащих в условиях воинского коллектива и дальнейшего прохождения военной службы (за исключением лишения воинского звания) в духе формирования и развития таких необходимых навыков и качеств как осознание

и соблюдение воинской дисциплины, воинского долга, порядка прохождения военной службы;

— в-шестых, они назначаются специализированными военными судами.

Учитывая разнообразие видов специальных воинских уголовных наказаний, их уместно классифицировать на виды по различным основаниям.

Прежде всего, воинские уголовные наказания с учетом их природы целесообразно подразделять на *относительно воинские*, то есть которые могут применяться и к иным категориям осужденных, но при применении их к военнослужащим имеют определенную специфику (арест; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград), и *абсолютно воинские*, то есть применение которых ориентировано исключительно на военнослужащих (ограничение по военной службе; содержание в дисциплинарной воинской части) [15; 20; 23].

В зависимости от степени репрессивности данные наказания законодательно подразделяются на *основные* (ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, арест с содержанием на гауптвахте) и *дополнительные* (лишение воинского звания), что однозначно вытекает из положений ст. 45 УК РФ и не оспаривается доктриной уголовного права [5]. При этом важным фактором является то, что для данных наказаний исключается смешанный характер, то есть они могут быть либо только основными (ч. 1 ст. 45 УК РФ), либо только дополнительными (ч. 3 ст. 45 УК РФ). Данное обстоятельство особо отмечается и в теории уголовного права [19].

В зависимости от условий и порядка применения данные наказания также подразделяются на связанные с изоляцией от общества (содержание в дисциплинарной воинской части, арест с отбыванием на гауптвахте) и *не связанные с изоляцией от общества* (ограничение по военной службе, лишение воинских званий), что вытекает из положений уголовно-исполнительного законодательства¹ и обосновывается в доктрине уголовного права. То есть, как мы уже отмечали ранее, военнослужащие, признанные виновными в совершении преступлений,

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198; Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утв. Приказом Минюста РФ от 20.05.2009 г. № 142 // Российская газета. — 2009. — 14 августа; Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утв. Приказом Минобороны РФ от 20.10.2016 г. № 680 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2016. — № 49.

по замыслу законодателя, при определенных условиях могут оставаться участниками общественных отношений и членами воинского коллектива, не утрачивая социальных и иных связей с обществом [9].

Кроме того, в связи с реализацией такой специальной цели воинских уголовных наказаний как воинское воспитание, данные наказания уместно подразделять на:

а) *наказания, связанные с ограничением статуса военнослужащего* (арест с отбыванием на гауптвахте, содержание в дисциплинарной воинской части, ограничение по военной службе), при применении которых военнослужащие не утрачивают своего статуса, остаются членами воинского коллектива и продолжают нести военную службу;

б) *наказания, связанные с лишением специального статуса военнослужащего* (лишение воинского звания), при применении которых военнослужащие увольняются с военной службы и утрачивают статус военнослужащего.

Следует также учитывать, что данные виды уголовных наказаний предполагают различный круг субъектов, которым они назначаются, то есть специальный субъект — военнослужащие подразделяются на категории в связи с конкретными видами наказаний. При этом при категоризации самих военнослужащих уместно исходить из оснований прохождения ими военной службы — по призыву, либо по контракту. В связи с этим воинские уголовные наказания по кругу субъектов подразделяются на:

а) *назначаемые всем категориям военнослужащих* (лишение воинского звания, арест с отбыванием на гауптвахте);

б) *назначаемые только военнослужащим, проходящим военную службу по контракту* (ограничение по военной службе);

в) *назначаемые только военнослужащим, проходящим военную службу по призыву* (содержание в дисциплинарной воинской части) [4].

В зависимости от содержания ограничений и лишений, в которых выражаются данные виды наказания, они условно подразделяются на: *физические* (содержание в дисциплинарной воинской части, арест с отбыванием на гауптвахте), *моральные* (лишение воинских званий) и *смешанные* (ограничение по военной службе). Вместе с тем, уместно заметить, что данная классификация является весьма условной, поскольку уголовно-правовое воздействие на военнослужащих всегда имеет комплексный характер и осуществляется одновременно в нескольких направлениях, в связи с чем осужденные военнослужащие одновременно претерпевают различные по содержанию и характеру лишения

и ограничения (физические, материальные, моральные и пр.).

В зависимости от срока специальные воинские наказания можно подразделить на *срочные*, которые имеют законодательное измерение и назначаются на определенный срок (содержание в дисциплинарной воинской части, арест с отбытием на гауптвахте, ограничение по военной службе), и бессрочные, которые не имеют определенного срока измерения и назначаются без его указания (лишение воинского звания).

Выводы

Специальные воинские уголовные наказания нуждаются в пристальном внимании представителей науки уголовного права. Одновременно от законодателя требуется принятие последовательных шагов, направленных на должное нормативное обособление и закрепление подсистемы специальных воинских уголовных наказаний и порядка их назначения. Прежде всего, целесообразно в Общей части УК РФ сформировать отдельные раздел «Уголовная ответственность военнослужащих» и главу «Особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих». Далее, следует более четко прописать в нормах УК РФ соотношение общих и специальных воинских видов уголовного наказания, а также порядка их взаимозаменяемости. Помимо этого, для активизации и единообразия судебной практики применения специальных воинских видов уголовного наказания необходимы подробные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о порядке и условиях их назначения. Действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ с этой задачей явно не справляется, поскольку не содержит рекомендаций и разъяснений для судов по многим сложным и спорным практическим вопросам, касающимся как общей характеристики данной группы наказаний, так и отдельных их видов. Необходимо подготовить и принять отдельное

постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации специальных (воинских) видов уголовного наказания». Кроме того, подразделениям Верховного Суда РФ по делам военнослужащих следует регулярно готовить аналитические обзоры судебной практики по наиболее сложным и спорным вопросам назначения уголовного наказания военнослужащим, в том числе его специальных воинских видов.

Заключение

Необходимо констатировать, что отдельные виды специальных воинских наказаний, безусловно, имеют свои недостатки как законодательной регламентации, так и практики применения. Однако мы категорически не согласны с теми инициативами, которые направлены на их исключение из действующего уголовного законодательства в связи с тем, что они якобы изжили себя и не соответствуют современной организации и задачам армии [22]. Во-первых, в современных геополитических условиях роль армии существенно возрастает. Во-вторых, несмотря на благоприятные прогнозы, преступность в армии стабильно высока. В-третьих, тенденции уголовной политики последнего времени в данной сфере не вызывают оптимизма: вместо выявления причин неприменения отдельных видов уголовного наказания и попыток их устранения, принимается курс на устранения самих уголовных наказаний. Такой подход исключает провозглашенное многообразие мер уголовно-правового воздействия и видов уголовного наказания осужденных, а применительно к военнослужащим не позволяет учитывать специфики их статуса, что в целом отнюдь не способствует индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности и уголовного наказания военнослужащих и в целом уголовно-правового воздействия на данную категорию субъектов и на воинскую преступность. Кроме того, такой подход препятствует установлению необходимого баланса между карательной, восстановительной и воспитательно-исправительной функциями уголовного наказания.

¹ Российская газета. — 2015. — 29 декабря.

Список литературы

1. Ахметшин, Х. М. Специальные виды уголовного наказания, применяемые к военнослужащим / Х. М. Ахметшин. — Москва : Изд. ВПА, 1973. — 45 с.
2. Бодаевский, В. П. Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих / В. П. Бодаевский // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 88–95.
3. Бордакова, А. Г. Специальные нормы: междисциплинарный подход к исследованию / А. Г. Бордакова // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 212–216.

4. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации : науч.-практ. коммент. / Х. М. Ахметшин [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Петухова. — Москва : За права военнослужащих, 2004. — 303 с.
5. Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования / Я. Н. Ермолович [и др.] ; ред. Тюрина О. А. — Москва : За права военнослужащих, 2010. — 447 с.
6. Глазков, В. А. Применение справедливого наказания как цель и принцип уголовно-правового воздействия / В. А. Глазков // Государственно-правовые исследования. — 2018. — № 1. — С. 46–49.
7. Дуюнов, В. К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9, № 11-1. — С. 201–214.
8. Закомолдин, Р. В. О некоторых вопросах уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих и приравненных к ним лиц / Р. В. Закомолдин // Право. Законодательство. Личность. — 2015. — № 2 (21). — С. 96–101.
9. Закомолдин, Р. В. Проблемы регламентации и применения к военнослужащим уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества / Р. В. Закомолдин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной науч.-практ. конф. — Москва : РГ-Пресс, 2019. — С. 480–485.
10. Закомолдин, Р. В. Специальные воинские уголовные наказания: состояние и перспективы / Р. В. Закомолдин // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 4 (91). — С. 67–71.
11. Закомолдин, Р. В. Уголовно-правовое воздействие на военнослужащих в механизме обеспечения военной безопасности / Р. В. Закомолдин // Военно-юридический журнал. — 2021. — № 3. — С. 7–10.
12. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. — Санкт-Петербург : Изд. «Юридический центр Пресс», 2003. — 300 с.
13. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : НОРМА, 2000. — 400 с.
14. Малинин, В. Б. Проект нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Общая часть. Глава VIII. Уголовная ответственность и наказание / В. Б. Малинин // Журнал правовых и экономических исследований. — 2019. — № 2. — С. 95–108.
15. Новокшенов, Д. В. Понятие и характеристика преступления против военной службы / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях : сборник материалов Международной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 мая 2011 г.). — Санкт-Петербург, 2011. — С. 268–278.
16. Ображиев, К. В. О кодификации военно-уголовного законодательства / К. В. Ображиев // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. В. Ф. Лапшина (Рязань, 24 мая 2016 г.). — Рязань : АПиУ ФСИН России, 2016. — С. 274–280.
17. Петухов, Н. К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации / Н. Петухов, А. Толкаченко // Уголовное право. — 2002. — № 2. — С. 55–57.
18. Раков, А. В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Раков Андрей Владимирович. — Москва, 2004. — 26 с.
19. Сивов, В. В. Специальные виды уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : монография / В. В. Сивов. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 192 с.
20. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил : монография / колл. авт.: В. К. Андрианов, В. Б. Боровиков, О. А. Мотин [и др.] ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. — Москва : РГУП, 2018. — 458 с.
21. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10-ти томах. Т. 2. Виды уголовного наказания: дополнительные, специальные, не применяющиеся / под ред. Н. А. Лопашенко. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 736 с.
22. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов ; под ред. Н. А. Лопашенко. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 320 с.
23. Шилов, А. И. Проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в отношении военнослужащих / А. И. Шилов // Уголовно-исполнительное право. — 2006. — № 2 (2). — С. 22–26.

References

1. Akhmetshin, Kh. M. Spetsialnye vidy ugovolnogo nakazaniya, primenyaemye k voennosluzhashchim / Kh. M. Akhmetshin. — Moskva : Izd. VPA, 1973. — 45 s.

2. Bodaevskiy, V. P. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak kriteriy, determiniruyushchiy osobennosti pravovogo regulirovaniya ugolovnoy otvetstvennosti voennosluzhashchikh / V. P. Bodaevskiy // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2019. — T. 5, № 3. — S. 88–95.
3. Bordakova, A. G. Spetsialnye normy: mezhdistsiplinarnyy podkhod k issledovaniyu / A. G. Bordakova // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. — 2020. — № 3. — S. 212–216.
4. Voенно-ugolovnoe zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii : nauch.-prakt. komment. / Kh. M. Akhmetshin [i dr.] ; pod obshch. red. N. A. Petukhova. — Moskva : Za prava voennosluzhashchikh, 2004. — 303 s.
5. Voенно-ugolovnoe pravo: istoriya, teoriya, sovremennyye problemy i metodologiya issledovaniya / Ya. N. Yermolovich [i dr.] ; red. Tyurina O. A. — Moskva : Za prava voennosluzhashchikh, 2010. — 447 s.
6. Glazkov, V. A. Primenenie spravedlivogo nakazaniya kak tsel i printsip ugolovno-pravovogo vozdeystviya / V. A. Glazkov // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. — 2018. — № 1. — S. 46–49.
7. Duyunov, V. K. O differentsiatsii otvetstvennosti v rossiyskom prave i v ugolovnom zakonodatelstve: ponyatie, priroda, status i znachenie / V. K. Duyunov, S. V. Kondratyuk // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2019. — T. 9, № 11-1. — S. 201–214.
8. Zakomoldin, R. V. O nekotorykh voprosakh ugolovno-pravovogo vozdeystviya v otnoshenii voennosluzhashchikh i priravnennykh k nim lits / R. V. Zakomoldin // Pravo. Zakonodatelstvo. Lichnost. — 2015. — № 2 (21). — S. 96–101.
9. Zakomoldin, R. V. Problemy reglamentatsii i primeneniya k voennosluzhashchim ugolovnykh nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiyey ot obshchestva / R. V. Zakomoldin // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy XVI Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. — Moskva : RG-Press, 2019. — S. 480–485.
10. Zakomoldin, R. V. Spetsialnye voinskie ugolovnye nakazaniya: sostoyanie i perspektivy / R. V. Zakomoldin // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2020. — № 4 (91). — S. 67–71.
11. Zakomoldin, R. V. Ugolovno-pravovoe vozdeystvie na voennosluzhashchikh v mekhanizme obespecheniya voennoy bezopasnosti / R. V. Zakomoldin // Voенно-yuridicheskiy zhurnal. — 2021. — № 3. — S. 7–10.
12. Kruglikov, L. L. Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave / L. L. Kruglikov, A. V. Vasilevskiy. — Sankt-Peterburg : Izd. «Yuridicheskiy tsentr Press», 2003. — 300 s.
13. Lesnievski-Kostareva, T. A. Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika / T. A. Lesnievski-Kostareva. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : NORMA, 2000. — 400 s.
14. Malinin, V. B. Proekt novogo Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast. Glava VIII. Ugolovnaya otvetstvennost i nakazanie / V. B. Malinin // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. — 2019. — № 2. — S. 95–108.
15. Novokshonov, D. V. Ponyatie i kharakteristika prestupleniya protiv voennoy sluzhby / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov // Sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatelstva v sovremennykh usloviyakh : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 23–24 maya 2011 g.). — Sankt-Peterburg, 2011. — S. 268–278.
16. Obrazhiev, K. V. O kodifikatsii voенно-ugolovnogo zakonodatelstva / K. V. Obrazhiev // Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugolovnogo prava Rossiyskoy Federatsii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty : materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. / pod red. V. F. Lapshina (Ryazan, 24 maya 2016 g.). — Ryazan : APIU FSIN Rossii, 2016. — S. 274–280.
17. Petukhov, N. K voprosu o sovershenstvovanii voенно-ugolovnogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii / N. Petukhov, A. Tolkachenko // Ugolovnoe pravo. — 2002. — № 2. — S. 55–57.
18. Rakov, A. V. Primenenie voennymi sudami ugolovnykh nakazaniy v otnoshenii voennosluzhashchikh : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Rakov Andrey Vladimirovich. — Moskva, 2004. — 26 s.
19. Sivov, V. V. Spetsialnye vidy ugolovnykh nakazaniy, primenyaemykh k voennosluzhashchim: ugolovno-pravovoy i ugolovno-ispolnitelnyy aspekty : monografiya / V. V. Sivov. — Moskva : Yurlitinform, 2013. — 192 s.
20. Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya, svyazannye s narusheniem spetsialnykh pravil : monografiya / koll. avt.: V. K. Andrianov, V. B. Borovikov, O. A. Motin [i dr.] ; pod. red. Yu. Ye. Pudovochkina. — Moskva : RGUP, 2018. — 458 s.
21. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Nakazanie. Akademicheskii kurs v 10-ti tomakh. T. 2. Vidy ugolovnogo nakazaniya: dopolnitelnye, spetsialnye, ne primenyayushchiesya / pod red. N. A. Lopashenko. — Moskva : Yurlitinform, 2020. — 736 s.
22. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (nauchnyy proekt) / N. A. Lopashenko, R. O. Dolotov, Ye. V. Kobzeva, K. M. Khutov ; pod red. N. A. Lopashenko. — Moskva : Yurlitinform, 2019. — 320 s.
23. Shilov, A. I. Problemy realizatsii ugolovno-ispolnitelnoy politiki v otnoshenii voennosluzhashchikh / A. I. Shilov // Ugolovno-ispolnitelnoe pravo. — 2006. — № 2 (2). — S. 22–26.

Дата поступления статьи: 12.03.2021.

НОРМЫ МОРАЛИ В СИСТЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ

Касимов Д. Р.

Удмуртский государственный университет

г. Ижевск, Российская Федерация

E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается функциональная роль морально-нравственных норм в процессе толкования уголовно-правовых оценочных понятий. Указывается, что морально-нравственные (в том числе коррелирующие им этические и эстетические) нормы и ценности, будучи неотъемлемой частью правовой действительности, являются, с одной стороны, внеправовым основанием интерпретационной оценки, содержащим и одновременно обосновывающим характер и, в особенности, степень фактически выраженного состояния означаемого оценочным понятием объекта (предмета, явления, обстоятельств и т. п.), а с другой — объективно существующим верификатором результатов интерпретации (правоприменения) такого понятия. Помимо этого, акцентируется внимание на морально-аксиологической разновидности оценочных понятий, для которых конкретизируется характер познания их содержательно-аксиологической стороны, в результате чего выделяются виды интерпретационного сравнения: морально-содержательное соответствие и деривация. Делается вывод о том, что присутствие морально-нравственного компонента в уголовном законе является сущностно необходимым и функционально оправданным, в особенности для морально-аксиологических оценочных понятий, интерпретация которых попросту невозможна без данного смыслоориентирующего компонента.

Ключевые слова: оценочные понятия, толкование оценочных понятий, морально-нравственные категории, моральные убеждения, субъективность интерпретатора, морально-правовая когерентность.

Для цитирования: Касимов, Д. Р. Нормы морали в системе интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий / Д. Р. Касимов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 81–86.

NORMS OF MORALITY IN THE SYSTEM OF INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW EVALUATIVE CONCEPTS

D. R. Kasimov

Udmurt State University

Izhevsk, Russian Federation

E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

Abstract. The article considers the functional role of moral norms in the process of interpretation of criminal law evaluative concepts. It is indicated that moral and ethical (including ethic and aesthetic correlating to them) norms and values, being an integral part of legal reality, are, on the one hand, an extra-legal basis for interpretive assessment, containing and simultaneously substantiating the nature and, in particular, the degree of actually expressed the state of the object (object, phenomenon, circumstance, etc.) signified by the evaluative concept, and on the other, by an objectively existing verifier of the results of interpretation (law enforcement) of such a concept. In addition, attention is focused on the moral-axiological variety of evaluative concepts, for which the nature of cognition of their content-axiological side is concretized, as a result of which the types of interpretive comparison are distinguished: moral-content correspondence and derivation. It is concluded that the presence of a moral and ethical component in criminal law is essentially necessary and functionally justified, especially for moral and axiological evaluative concepts, the interpretation of which is simply impossible without this sense-orienting component.

Keywords: evaluative concepts, interpretation of evaluative concepts, moral and ethical categories, moral convictions, interpreter subjectivity, moral and legal coherence.

For citation: Kasimov D. R. Norms of Morality in the System of Interpretation of Criminal Law Evaluative Concepts. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 81–86. (In Russ.)

Введение

Интерпретация оценочных понятий представляет из себя многогранный познавательный процесс, опирающийся на различные аспекты государственно-правового и человеческого бытия, окружающей действительности. Поэтому интерпретационно-правовое познание опирается не только на правовой фундамент, но и на внешние условия содержательно-функционального существования оценочного понятия в системе действующих аксиолого-прагматических стандартов, среди которых можно выделить, в частности, нормы морали и нравственности (в том числе коррелирующие им этические и эстетические нормы).

Методы

Методологическую основу исследования составили системный анализ, синтез, обобщение, индуктивный и дедуктивный методы, метод контент-анализа.

Описание исследования

Необходимо заметить, что в уголовно-правовой сфере, призванной урегулировать наиболее важные с точки зрения человеческого общежития общественные отношения, нормы морали занимают особое место, поскольку интерпретация и применение положений Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) неразрывно связаны с морально-аксиологическими аспектами (к тому же именно «...мораль устанавливает нравственные границы в законе...» [1, с. 14], причём независимо от его отраслевой принадлежности), что обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, совершённое лицом преступление в определённой степени нарушает нормы морали и (или) нравственности, иначе оно бы не обладало социально негативным характером, равно как и регулируемое уголовным законом постпреступное поведение лица всегда коррелирует к такого рода нормам, а иногда также способно нарушить их. Это связано с тем, что правовые понятия и категории должно и дозволенного так или иначе базируются на морально-нравственных категориях.

Во-вторых, надлежащее восприятие «буквы и духа» уголовного закона, равно как и его применение, невозможны без учёта морально-аксиологического компонента, о чём свидетельствуют, в частности, принципы справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ), равенства граждан и иных лиц перед законом (ст. 4 УК РФ), а также применительно к морально-аксиологическим оценочным понятиям (например, «справедливое наказание» (части 1 статей 6 и 60 УК РФ), «развратные действия» (ч. 1 ст. 135 УК РФ) и т. п.) об этом индицирует как основание их интерпретационной оценки (морально-нравственные (в том числе этические и эстетические) стандарты, идеалы и др.), так и сущность названных понятий. Указывая как на взаимодействие права и морали, так и на их системную самостоятельность (суверенность), С. С. Алексеев справедливо отмечает, что «...право по своей органике... явление глубоко морального порядка и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в ткань права моральных критериев и оценок» [2, с. 64]. Более того, мораль, как указывает О. И. Цыбулевская, является необходимым подспорьем, предопределяющим «...появление, осуществление и изменение норм права» [3, с. 127].

Вместе с тем оценочные понятия, обладая в определённой мере законодательно-содержательной вариативностью, не имеют точных и закреплённых в уголовном законе условий своей (а значит и правовой нормы) семантической применимости к конкретным ситуациям. Именно поэтому им свойственно в известной степени зависеть от внеправовых источников содержательно-аксиологической информации.

Следует указать, что морально-аксиологические основания оценки проявляются в двух наиболее общих формах: общепринятые морально-нравственные (в том числе коррелирующие им этические и эстетические) нормы и принципы, а также выстраиваемые на их основе моральные убеждения (взгляды) интерпретатора. Между тем важно обратить внимание на то, что данные формы оснований оценки не являются содержательно и структурно инвариантными (неизменными), потому как моральные, нравственные, этические, эстетические нормы и принципы изменяются с развитием институтов общества и государства. Ведь именно поэтому, в частности,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

нормам морали, как и оценочным понятиям, также «...в значительной степени *свойственны неопределенность и расплывчатость...*» [4, с. 51].

Говоря об общепринятых морально-нравственных, этических и эстетических нормах и принципах (стандартах), надлежит указать, что именно они являются как объективно выраженной основой моральных убеждений интерпретатора, так и внешним по отношению к убеждениям (а значит доступным третьим лицам) верификатором полученных интерпретационных (в том числе правоприменительных) результатов. В дополнение следует подчеркнуть, что неизбежность детерминации (определения) и генерализации (обобщения) содержания правовых категорий через морально-аксиологические категории (причём разного порядка), исторически сформировавшиеся у конкретно взятого общества, очевидна не только вследствие взаимообусловленности права и морали, но из-за наличия в нормах морали незыблемых оценочных оснований, разграничивающих социально позитивное и социально негативное виды поведения людей в таком обществе.

В свою очередь моральные убеждения (взгляды), основываясь на общепринятой системе морально-нравственных ценностей, являются преимущественно субъективной категорией (так как напрямую зависят от субъективности интерпретатора, то есть его личностных и профессионально-квалификационных качеств), определяющей, во-первых, занимаемую интерпретатором мировоззренческую позицию, непосредственно детерминирующую аксиолого-прагматические аспекты интерпретационной деятельности, а во-вторых, степень содержательной индивидуализации (как следствие, и аксиологического понимания) толкуемого оценочного понятия. Надлежит также заметить, что на возникновение тех или иных моральных убеждений оказывают влияние в первую очередь социальное взаимодействие субъекта и общества, объективные условия их сосуществования (социальное бытие), поскольку мораль основывается прежде всего на признанных обществом эталонах должного социально-личностного поведения. Как верно отмечает Р. С. Джинджолия, моральные требования «...являются отображением жизненно-практического и культурно-исторического опыта» [5, с. 278].

Помимо этого, интерпретатор, истолковывая любое оценочное понятие, в той или иной мере прибегает к корреляции (соотношению) умозаключений, касающихся сущности толкуемого понятия и морали, обосновывающей

не только морально-нравственный аспект интерпретационной деятельности (справедливость и гуманность принимаемого решения и т. п.), но и контекстно-смысловой потенциал (возможности) оценочного понятия с позиций морально-нравственных категорий. Именно в такой корреляции проявляется признак морально-правовой когерентности (от лат. «*cohaerens*» — связанный, находящийся в связи), иными словами, признак взаимосвязи морально-нравственных категорий с нормативно-лингвистическим содержанием оценочного понятия (в том числе синтаксическими особенностями, исходящими от уголовно-правовой нормы).

Признак морально-правовой когерентности проявляется прежде всего во взаимообусловленности уголовно-правового контекста, в котором содержится оценочное понятие, и общепринятых морально-нравственных ценностей. От того, насколько детально в уголовно-правовой норме охарактеризован контекст семантико-функционального использования оценочного понятия и от того, насколько однозначно он (контекст) был раскрыт фактическими обстоятельствами, зависит степень влияния морально-нравственной оценки на экспликацию семантики оценочного понятия. Однако степень производности оценочного понятия от моральных, нравственных, эстетических и этических стандартов в большей мере зависит от полноты нормативного раскрытия законодателем понятийных атрибутов (содержания и объёма) оценочного понятия, так как нормативный контекст, будучи одним из способов конкретизации такого понятия, задаёт последнему инвариантные (неизменяемые) параметры его смыслового восприятия в юридическом дискурсе. Вместе с тем перечисленные стандарты и моральные убеждения, формируя в определённой степени аксиолого-прагматическую интенцию (направленность сознания) субъекта-интерпретатора, обладают немаловажным интерпретационным значением, так как позволяют формально задать смысловой вектор толковательной мысли (в части морально-аксиологических аспектов), соотнести между собой морально-нравственные и юридические категории.

Опираясь на совокупность объективно существующих и субъективно господствующих (превалирующих для конкретного лица) норм морали и нравственности, интерпретатор осуществляет экспликацию (опосредованное выражение) нормативно заложенной сущности оценочных понятий применительно к обстоятельствам конкретного деяния. При этом экспликация смысловых значений

любого оценочного понятия уголовного закона через морально-аксиологические основания оценок (этические и эстетические нормы, нормы морали и нравственности, личностные моральные убеждения и т. п.) позволяет (в зависимости от вида и контекстного окружения оценочного понятия): во-первых, при вынесении конкретного правоприменительного решения по уголовному делу соблюсти принципы гуманности, справедливости, равенства граждан и иных лиц перед законом, позволяющими, к примеру, индивидуализировать уголовную ответственность; во-вторых, определить возможную морально-семантическую предельность толкуемого оценочного понятия (то есть его допустимые с точки зрения морали и нравственности содержательные границы), поскольку законодателем они не установлены вследствие различного рода причин.

Помимо всего прочего, наибольший интерес в рамках данной статьи вызывают непосредственные выразители морально-нравственной стороны уголовного закона — морально-аксиологические оценочные понятия. Данные понятия характеризуют как морально-нравственные признаки состава преступления (например, «тяжкое оскорбление» [ч. 1 ст. 107 и ст. 113 УК РФ], «жестокое обращение» [части 1 статей 110 и 356, ст. 156 УК РФ] и т. п.), так и пенологические и иные уголовно-правовые обстоятельства (например, «справедливая иная мера уголовно-правового характера» [ч. 1 ст. 6 УК РФ], «безупречное поведение осуждённого после отбытия наказания» [ч. 5 ст. 86 УК РФ] и т. п.). В то же время надлежит заметить, что в подобного рода составах преступления признак общественной опасности детерминируется в том числе и через названные оценочные понятия, которые по своей сущностной природе производны (зависят) от принятой в обществе системы морально-нравственных, эстетических и этических норм и ценностей.

Кроме того, проблема интерпретации морально-аксиологических оценочных понятий, являющихся качественными либо смешанными (количественно-качественными) по характеру неопределённости понятиями, заключается прежде всего в том, что сложно либо вообще невозможно формализовать (превратить в численный диапазон) семантические значения аксиологического компонента таких понятий, то есть значения морально-нравственных (также коррелирующих им этических и эстетических) ценностей. Так, например, невозможно полностью формализовать оценочное понятие «грубое нарушение общественного порядка» (ч. 1 ст. 213 УК РФ),

можно лишь указать, в частности, на темпоральный аспект такого поведения (что, к слову, крайне ограничит сферу действия данной уголовно-правовой нормы), причём как с точки зрения времени суток, в котором может проявляться поведение, нарушающее общественный порядок (например, с 23:00 до 06:00), так и продолжительности проявления названного поведения (например, свыше одного часа). Или же, например, не поддаётся полной формализации и оценочное понятие «особая жестокость» (по смыслу п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), для него (но только для некоторых форм проявления такой жестокости) также можно формализовать отдельные аксиологические аспекты (например, указать на необходимые для правовой квалификации количество ударов, наносимых потерпевшему, и прилагаемую силу, с которой наносятся эти удары). Поэтому семантический диапазон морально-аксиологических оценочных понятий выражается в неформализованном виде, однако численные значения в зависимости от фактических обстоятельств также могут характеризовать соответствующий признак означаемого данным понятием объекта (предмета, явления, процесса и т. п.).

Одновременно с этим важно указать, что в процессе толкования морально-аксиологических оценочных понятий интерпретатор производит сравнение имеющихся в его распоряжении ситуационных фактов с преобладающими в его сознании и обществе морально-нравственными, этическими и (или) эстетическими стандартами (идеалами). Причём основной целью данного сравнения является выявление степени морально-содержательного соответствия или деривации конкретной формы проявления обстоятельств по отношению к их идеализированной в стандартах (идеалах) форме.

Применительно к морально-содержательному соответствию, надлежит указать следующее. Во-первых, такое соответствие характерно в большей мере для оценочных понятий Общей части УК РФ, как правило, характеризующих пенологические обстоятельства (например, «справедливая иная мера уголовно-правового характера» [ч. 1 ст. 6 УК РФ], «социальная справедливость» [ч. 2 ст. 43 УК РФ] и т. п.). Однако установление соответствия не исключается и для признаков составов преступлений (например, установление морально-содержательного соответствия оценочного понятия «выполнение общественного долга / общественный долг» [к примеру, в ч. 2 ст. 119 УК РФ] морально-нравственной категории долга). Во-вторых, в нормативно-функциональном плане морально-содержательное соответствие подразумевает

в большинстве случаев индивидуализацию уголовной ответственности через уголовно-правовые принципы (прежде всего справедливости [ст. 6 УК РФ] и гуманизма [ст. 7 УК РФ]), а также через присущий для соответствующего оценочного понятия морально-аксиологический потенциал, номинативно (то есть в назывательном аспекте) обозначенный законодателем в уголовно-правовой норме.

В то же время следует заметить, что для рассматриваемых оценочных понятий, интерпретируемых посредством морально-содержательного соответствия, характер морально-нравственной, этической и (или) эстетической ценности (аксиологической категории) уже обозначен в понятии (норме права) и содержится в соответствующих внеправовых основаниях оценки. Между тем юридически значимая степень таких ценностей не является нормативно установленной характеристикой (поэтому, собственно, обозначенные понятия и являются оценочными); она в обобщённом (но не в правозначимом) виде постулируется и поддерживается обществом в форме определённых требований (правил и норм) и ценностей (взглядов и принципов). Поэтому интерпретатору надлежит лишь с учётом фактических обстоятельств истолковать (конкретизировать) оценочное понятие в нормативно установленных и морально допустимых пределах. Помимо этого, надлежащим (то есть ценностно подлинным) результатом истолкования морально-аксиологических оценочных понятий будет лишь в том случае, когда интерпретатор является частью такого общества, разделяет его аксиологические ориентиры (нормы, стандарты).

Что же касается морально-содержательной деривации, то надлежит обозначить следующие её аспекты. Установление деривационной степени морально-содержательного порядка характерно для оценочных понятий, описывающих признаки составов преступлений (например, «осквернение зданий или иных сооружений» (ч. 1 ст. 214 УК РФ), «садистские методы» (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ) и т. п.). Помимо этого, аксиолого-содержательным стержнем (основанием) для данного вида сравнения также выступают те или иные морально-нравственные, этические или эстетические категории (например, категория толерантности [«унижение достоинства человека либо группы лиц» (ст. 282 УК РФ)], прекрасного [«неизглядимое обезображивание лица» (ч. 1 ст. 111 УК РФ)] и т. д.), а в некоторых случаях и морально-правовые категории и принципы (например, принцип гуманизма [«особая жестокость» (к примеру, в п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ)] и т. д.). Сравнивая фактические характер проявления и степень выраженности состояния понятийно

означаемого объекта с подобного рода категориями, интерпретатор выявляет степень правозначимости морально-аксиологических отклонений от соответствующих стандартов (идеалов). От того, какой степенью юридической значимости (с точки зрения уголовного закона) обладает фактически выраженная форма проявления (конкретное состояние) объекта зависит отнесение содеянного к тому или иному преступлению либо к малозначительному деянию (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Наряду с этим закономерно возникает вопрос: по какой причине для обозначенных оценочных понятий необходимо определять степень морально-содержательной деривации (отклонения), а не соответствия? Поскольку, как отмечалось ранее, преступление всегда претупает через нормы морали и нравственности, нарушает их, то, соответственно, возникает необходимость установить степень отклонения конкретного поведения лица от общепринятых стандартов (идеалов). Вместе с тем конституирующие оценочное понятие слова указывают на характер морально-нравственной, этической и (или) эстетической ценности и в то же время на обобщённую (но содержательно определяемую внеправовыми основаниями оценки) степень деривации от названных ценностей, которым должны соответствовать фактические данные, характеризующие такое понятие.

Таким образом, обозначенные виды интерпретационного сравнения морально-аксиологических оценочных понятий позволяют детализировать характер познания содержательно-аксиологической стороны данных понятий. Между тем при выявлении степени деривации и, в особенности, степени соответствия интерпретатор обязан соизмерять получаемые результаты интерпретации не только с принципами и нормативно-функциональной системой уголовного закона, но также с общими представлениями о праве, правовыми категориями, ценностями и т. п.

Вывод

Исходя из изложенного, необходимо заключить, что в системе толкования уголовно-правовых оценочных понятий нормы морали и основывающиеся на них моральные убеждения выполняют следующие основные функции:

1. Формирование аксиолого-прагматической (ценностно-деятельностной) системы мышления интерпретатора. Позволяет субъекту познания в ходе толкования задать интенцию (центрировать своё внимание) не только на «букве и духе» закона, но также и на общепринятой системе морально-нравственных

(в том числе коррелирующих им этических и эстетических) норм и ценностей).

2. Выражение взаимосвязи моральных категорий и процесса толкования оценочных понятий. Данное выражение осуществляется посредством не только законодательного требования к прежде всего справедливому (ст. 6 УК РФ) и гуманному (ст. 7 УК РФ) применению уголовного закона, но и семантической необходимостью, которая обусловлена неотъемлемостью морально-нравственного компонента от толкования (что в особенности характерно для морально-аксиологических оценочных понятий, непосредственно определяемых только через названный смыслоориентирующий компонент).

3. Опосредованное влияние на индивидуализацию назначаемого судом наказания. Поскольку в процессе судебного разбирательства суд (судья), производя оценку обстоятельств преступления (доказательств по уголовному делу) и определяя содержание оценочного понятия применительно к рассматриваемому случаю, так или иначе апеллирует к морально-нравственным (также этическим и эстетическим) категориям и собственным

моральным убеждениям, то, соответственно, такие убеждения и основания оценки непосредственно находят своё выражение в судебном акте (его описательно-мотивировочной части).

Заключение

В заключение следует отметить, что неотъемлемость морально-нравственного компонента от права в целом и процесса толкования уголовно-правовых оценочных понятий (причём не только морально-аксиологического характера) в частности подчёркивается семантической комплементарностью (смысловой взаимодополняемостью) права и морали; можно сказать, что генезис и функционирование правой материи неразрывно связаны с морально-нравственными элементами. Более того, благодаря морально-нравственным (в том числе этическим и эстетическим) нормам положения уголовного закона способны реализовываться на практике в справедливом и гуманистическом ключе, благоприятствующем исключению фактического проявления социально негативных факторов и их последствий (например, субъективизма, коррупции и т. д.).

Список литературы

1. Михайлов, А. Е. Мораль в законодательстве современной России: некоторые проблемы соотношения, тенденции и перспективы / А. Е. Михайлов // Правовая культура. — 2017. — № 2 (29). — С. 13–19.
2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 7. Философия права и теория права / С. С. Алексеев. — Москва : Статут, 2010. — 520 с.
3. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права / О. И. Цыбулевская ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. — 220 с.
4. Кашанина, Т. В. Основы российского права : учебник для вузов / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : НОРМА, 2003. — 784 с.
5. Джинджолия, Р. С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и назначении за них наказания (анализ теории и практики) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Джинджолия Рауль Сергеевич. — Рязань, 2005. — 436 с.

References

1. Mikhaylov, A. Ye. Moral v zakonodatelstve sovremennoy Rossii: nekotorye problemy sootnosheniya, tendentsii i perspektivy / A. Ye. Mikhaylov // Pravovaya kultura. — 2017. — № 2 (29). — S. 13–19.
2. Alekseev, S. S. Sobranie sochineniy. V 10 t. Tom 7. Filosofiya prava i teoriya prava / S. S. Alekseev. — Moskva : Statut, 2010. — 520 s.
3. Tsybulevskaya, O. I. Nravstvennyye osnovaniya sovremennogo rossiyskogo prava / O. I. Tsybulevskaya ; pod red. N. I. Matuzova. — Saratov : GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2004. — 220 s.
4. Kashanina, T. V. Osnovy rossiyskogo prava : uchebnik dlya vuzov / T. V. Kashanina, A. V. Kashanin. — 3-e izd., pererab. i dop. — Moskva : NORMA, 2003. — 784 s.
5. Dzhindzholiya, R. S. Problemy sistematizatsii otsenochnykh kategoriy pri kvalifikatsii prestupleniy protiv lichnosti i naznachenii za nikh nakazaniya (analiz teorii i praktiki) : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : dis. ... d-ra yurid. nauk / Dzhindzholiya Raul Sergeevich. — Ryazan, 2005. — 436 s.

Дата поступления статьи: 06.04.2021.

ЮРИДИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Егоров О. Н.

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: yegorov@narod.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3747-5010>

Аннотация. Последние два десятилетия в нашей стране на стыке между юриспруденцией, экономикой и менеджментом бурно развивается новая отрасль знаний — наука о закупках товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Адекватное обеспечение собственных потребностей органов государственной власти и местного самоуправления, подведомственных им учреждений, а также, что особенно важно, должное снабжение указанных структур при выполнении ими их функций крайне важно не только для государства, его субъектов, муниципалитетов, но и для всего общества, для каждого человека, постоянно или временно проживающего на российской территории. При этом уровень коррупции в закупках значителен, что обуславливает необходимость принятия соответствующих мер. Намечить пути решения проблемы — цель настоящей статьи, автор которой с 2005 года занимается теорией и практикой закупок. Совершенствование контроля и надзора в рассматриваемой сфере, правильное целеполагание, расширение круга случаев общественного обсуждения закупок, упрощение условий применения национального режима, унификация и стандартизация технических заданий, в том числе описаний объекта закупки, и условий заключаемых государственных и муниципальных контрактов, увеличение доли электронных аукционов среди способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), адекватная приёмка поставляемых товаров, результатов выполненных работ и оказанных услуг — вот основной перечень предлагаемых автором мер.

Ключевые слова: закупки, противодействие коррупции, совершенствование системы прокьюремента.

Для цитирования: Егоров, О. Н. Юридические, экономические и организационные пути противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок / О. Н. Егоров // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 87–91.

JURIDICAL, ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL WAYS OF COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

O. N. Yegorov

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: yegorov@narod.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3747-5010>

Abstract. Over the past two decades, a new branch of knowledge — the science of procurement of goods, works and services for state and municipal needs-has been rapidly developing in our country at the junction between law, economics and management. Adequate provision for the own needs of state and local government bodies and their subordinate institutions, as well as, most importantly, proper supply of these structures in the performance of their functions is extremely important not only for the state, its subjects, municipalities, but also for the entire society, for

every person permanently or temporarily residing in the Russian territory. At the same time, the level of corruption in procurement is significant, which makes it necessary to take appropriate measures. The purpose of this article, the author of which has been engaged in the theory and practice of procurement since 2005, is to outline ways to solve the problem. Improving control and supervision in the area under consideration, correct goal setting, expanding the range of cases of public discussion of procurement, simplifying the conditions for applying the national regime, unifying and standardizing technical specifications, including descriptions of the object of purchase, and the conditions of concluded state and municipal contracts, increasing the share of electronic auctions among the methods for determining the supplier (contractor, contractor), adequate acceptance of delivered goods, the results of work performed and services rendered—this is the main list of measures proposed by the author.

Keywords: procurement, anti-corruption, improvement of the procurement system.

For citation: Yegorov O. N. Juridical, Economic and Organizational Ways of Combating Corruption in the Field of State and Municipal Procurement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 87–91. (In Russ.)

Введение

Последние два десятилетия в нашей стране на стыке между юриспруденцией, экономикой и менеджментом бурно развивается новая отрасль знаний — наука о закупках товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Адекватное обеспечение собственных потребностей органов государственной власти и местного самоуправления, подведомственных им учреждений, а также, что особенно важно, должное снабжение указанных структур при выполнении ими их функций крайне важно не только для государства, его субъектов, муниципалитетов, но и для всего общества, для каждого человека, постоянно или временно проживающего на российской территории. При этом уровень коррупции в закупках значителен и имеет выраженную тенденцию к росту: так, Счётная палата РФ выявила в закупках нарушений на 53,05 миллиардов рублей в 2016 году, на 118,3 миллиарда — в 2017 и на 294,6 миллиардов рублей — в 2018 году¹.

Целью настоящей работы явилась попытка наметить пути решения проблемы — юридические, экономические и организационные, что послужило бы, в свою очередь, как целям совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, так и в целом эффективности функционирования аппаратов государства, органов местного самоуправления, а также улучшению жизни общества.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты действующих нормативно-правовых актов, регулирующих соответствующую сферу,

¹ Счетная палата выявила рост нарушений в госзакупках в 5 раз за 2 года // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b/> (дата обращения: 25.05.2021).

а также наблюдения из личного опыта автора, с 2005 года трудившегося в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, результаты предыдущих авторских теоретических обобщений [1, с. 1–169], в т. ч. и монографических [2, с. 1–122]. При этом использовался всеобщий метод познания — диалектический материализм, а также комплекс общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование и т. д.) и частнонаучных (прежде всего, анализ правовых документов) методов научного знания. Объект нашего исследования — общественные отношения в области прокьюрента, а предметом являлись юридические, экономические и организационные пути противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок.

Описание исследования

В настоящее время основой регулирования сферы государственных и муниципальных закупок является Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. (с посл. изм.) № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — 44-ФЗ). В соответствии с вышеуказанным Федеральным законом, контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд — совокупность участников контрактной системы в сфере закупок и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок, действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд². Процесс государственных

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 25.05.2021).

и муниципальных закупок, начиная с «нулевой» стадии планирования и заканчивая официально предусмотренной законом стадией исполнения контрактов, характеризуется высокими показателями преступлений и других правонарушений. Явно большая часть преступлений и других правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд носит коррупционный характер и связана с неправомерными действиями должностных лиц государственных и муниципальных органов власти. При этом стоит учитывать, что незарегистрированная часть преступлений и других правонарушений заведомо больше зарегистрированной, в т. ч. при коррупционной составляющей [3, с. 60]. Учитывая сложность (чтобы не сказать — запутанность) нормативно-правового регулирования государственных и муниципальных закупок, алгоритмические нюансы проводимых при закупках процедур, а также сложности контроля и надзора, мы можем быть уверены в высокой латентности преступлений и других правонарушений в изучаемой сфере.

В свете изложенного, со всей очевидностью обозначается первый путь решения проблемы — совершенствование контроля и надзора в области закупок для государственных и муниципальных нужд.

Контроль в сфере закупок осуществляют следующие органы контроля в пределах их полномочий: федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок (Федеральная антимонопольная служба); контрольный орган в сфере государственного оборонного заказа; соответствующие органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления муниципального района и органы местного самоуправления городского округа; федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по казначейскому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации; федеральный орган исполнительной власти, определенный Правительством Российской Федерации в соответствии с частью 6 статьи 4 44-ФЗ и соответствующие финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, органы управления государственными внебюджетными фондами; органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, определенные в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации. Как можно видеть,

перечень значителен. При этом, по мнению автора, необходимо более четкое, детальное, чем на современном этапе, разделение полномочий указанных контрольных структур.

Отдельно остановимся на вопросе прокурорского надзора. Учитывая известную нам как теоретически, так и на практике значительную сложность отечественного законодательства и применимых подзаконных нормативно-правовых актов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, обилие правоприменительной практики (зачастую с противоречащими друг другу материалами), очевидна необходимость высокой квалификации в области прокьюреента работников прокуратуры, занимающихся вопросами надзора в рассматриваемой сфере. При этом такие лица должны хорошо ориентироваться в вопросах и планирования закупок, и определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в том числе с соблюдением особенностей национального режима и прав учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы, организаций инвалидов, субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций, и заключения по результатам закупочных процедур контрактов, и проведения, документального оформления процедур приёмки товаров, результатов работ, услуг, и правильной оплаты, и ведения претензионно-исковой работы по результатам исполнения государственных и муниципальных контрактов, и оформления соответствующей отчётности, а также и правильной организации всех упомянутых разделов закупочной деятельности у заказчиков (намеренно указываем перечень узловых моментов надзора). Таким образом, логически неизбежно становится должное дополнительное обучение и повышение квалификации сотрудников органов российской прокуратуры, специализирующихся в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. На наш взгляд, обучение по вопросам прокьюреента прокурорских работников, как минимум, не должно уступать таковому специалистов в сфере закупок.

С 1 октября 2019 года утратила силу статья 13 44-ФЗ, посвящённая вопросам целей осуществления закупок. При изначально достаточно невнятной (по мнению автора) формулировке указанная норма хотя бы формально задавала целеполагание прокьюрементных процедур, осуществляемых заказчиками. В настоящее время целеполагание окончательно утрачено, что представляется потенциально коррупционно опасным.

Обратимся к вопросу общественного обсуждения закупок. Правительством Российской Федерации (на соответствующем уровне — ещё и законодательством субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами) устанавливаются случаи проведения обязательного общественного обсуждения закупок и его порядок. Согласно п. 2 Правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 11 декабря 2019 г. № 1635¹, общественное обсуждение проводится в случае осуществления закупок путем проведения конкурсов и аукционов при начальной (максимальной) цене контракта, составляющей или превышающей 1 млрд рублей. При этом и из очерченного круга есть ещё и исключения, при которых общественное обсуждение не проводится. Не пытаюсь спорить с этими исключениями, тем не менее, автор предлагает понизить ценовую «планку» общественного обсуждения, расширив круг подлежащих обсуждению закупок, что обеспечило бы большую открытость контрактной системы. При этом автор видит пути упрощения процедуры обсуждения, что, впрочем, выходит за рамки настоящей статьи и заслуживает отдельного внимания.

Национальный режим при осуществлении государственных и муниципальных закупок в настоящее время крайне сложен. В целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка страны, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей обильно издаваемыми нормативными правовыми актами Правительства РФ устанавливаются запреты на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, ограничения допуска, включая минимальную обязательную долю закупок российских товаров, в том числе товаров, поставляемых при выполнении закупаемых работ, оказании закупаемых услуг (далее — минимальная доля закупок), и перечень таких товаров, для целей осуществления закупок. Установлен порядок подготовки обоснования невозможности соблюдения указанных

¹ Об утверждении Правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2019 г. № 1635 // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/73210356/> (дата обращения: 25.05.2021).

запретов или ограничений, а также требования к его содержанию. Определение страны происхождения указанных товаров осуществляется в соответствии с законом. По нашему опыту, по отзывам коллег, на практике применение условий национального режима — трудоёмкий и сложный процесс, перманентная коллизийность которого подтверждается обильной правоприменительной практикой и многочисленными комментариями по вопросу, например, на портале ZAKUPKI+². Между тем, на наш взгляд, положения национального режима можно радикально упростить, сведя подзаконные нормативные документы к одному, регулярно обновляемому, не содержащему противоречий и простому в практическом применении.

В целях профилактики коррупции крайне необходимы унификация и стандартизация технических заданий, в том числе описаний объекта закупки, и условий заключаемых государственных и муниципальных контрактов — при детальной регламентации и принципиальной открытости процедур определения поставщиков, подрядчиков и исполнителей все попытки «темнить» недобросовестных лиц в последние годы смещаются «влево» и «вправо» — к этапам подготовки закупочных процедур и исполнения контрактов.

Электронизация закупок безусловно является шагом к открытости и прозрачности расходования бюджетных средств [4, с. 125]. Осознавая определённую спорность следующего своего тезиса, автор, тем не менее, принципиально считает увеличение доли электронных аукционов среди способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) необходимым условием противодействия коррупции. По нашему мнению, при тщательном составлении технического задания, при полной добросовестности и трудолюбии представителей стороны заказчика становится возможным сравнивать предложения участников закупки исключительно по цене, в свете чего открытый аукцион в электронной форме становится максимально прозрачным и защищённым от коррупции способом определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Как уже указывалось выше, должное исполнение контактов крайне важно в аспекте исследуемой темы: адекватная приёмка поставляемых товаров, результатов выполненных работ и оказанных услуг является залогом надлежащего противодействия коррупции.

² Применение национального режима при закупке услуг и работ // Zakupki PLUS : [сайт]. URL: <https://zakupki.plus/44-fz/nac-rezhim-uslugi-raboti/> (дата обращения: 25.05.2021).

Отсутствие унифицированного подхода в части приёмки продукции способствует возникновению таких проблем, как нарушение сроков поставки, поставка продукции в нерабочее время и пр. [5, с. 1]. Рекомендуем, с одной стороны, дальнейшую законодательную регламентацию приёмочных процедур, а с другой — усиление контроля и надзора за их неуклонным соблюдением.

Заключение

Таким образом, совершенствование контроля и надзора в сфере государственных и муниципальных закупок, правильное

целесолагание таковых, расширение круга случаев общественного обсуждения закупок, упрощение условий применения национального режима, унификация и стандартизация технических заданий, в том числе описаний объекта закупки, и условий заключаемых государственных и муниципальных контрактов, увеличение доли электронных аукционов среди способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), адекватная приёмка поставляемых товаров, результатов выполненных работ и оказанных услуг — вот основной перечень предлагаемых автором мер по противодействию коррупции.

Список литературы

1. Егоров, О. Н. Правовые аспекты государственных и муниципальных закупок в России / О. Н. Егоров. — Челябинск : Издательство Челябинского государственного университета, 2018. — 169 с.
2. Лесняк, О. И. Управление государственными и муниципальными закупками : монография / О. И. Лесняк, О. Н. Егоров. — Челябинск : Центрсеминар.РФ, 2019. — 122 с.
3. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин. — Москва, 1990. — 60 с.
4. Юзвович, Л. И. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты : монография / Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исакова, Ю. В. Истомина [и др.] ; под ред. Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исаковой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 233 с.
5. Медякова, Е. М. Современные аспекты поддержки профессиональной закупочной деятельности муниципальных заказчиков в РФ / Е. М. Медякова, А. И. Морозова // Гуманитарные научные исследования. — 2017. — № 5. — URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23775> (дата обращения: 31.05.2021).

References

1. Yegorov, O. N. Pravovye aspekty gosudarstvennykh i munitsipalnykh zakupok v Rossii / O. N. Yegorov. — Chelyabinsk : Izdatelstvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. — 169 s.
2. Lesnyak, O. I. Upravlenie gosudarstvennymi i munitsipalnymi zakupkami : monografiya / O. I. Lesnyak, O. N. Yegorov. — Chelyabinsk : Tsentrseminar.RF, 2019. — 122 s.
3. Borodin, S. V. Borba s prestupnostyu: teoreticheskaya model kompleksnoy programmy / S. V. Borodin. — Moskva, 1990. — 60 s.
4. Yuzvovich, L. I. Sistema gosudarstvennykh zakupok: teoreticheskii i prakticheskii aspekty : monografiya / L. I. Yuzvovich, N. Yu. Isakova, Yu. V. Istomina [i dr.] ; pod red. L. I. Yuzvovich, N. Yu. Isakovoy. — Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2019. — 233 s.
5. Medyakova, Ye. M. Sovremennye aspekty podderzhki professionalnoy zakupochnoy deyatel'nosti munitsipalnykh zakazchikov v RF / Ye. M. Medyakova, A. I. Morozova // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. — 2017. — № 5. — URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23775> (data obrashcheniya: 31.05.2021).

Дата поступления статьи: 25.05.2021.

АЛГОРИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА

Бычков В. В.¹

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru.

Прорвич В. А.¹

E-mail: kse60@mail.ru.

¹ *Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация.*

Аннотация. Раскрытие и расследование преступлений экстремистского характера, совершаемых с использованием Интернета, усугубляется использованием при их совершении специфических технических средств — электронно-вычислительного оборудования и современных информационных технологий, адаптированных к Интернету. Кроме того, их раскрытие и расследование вызывает определенные затруднения у следователей. Решению данной проблемы будет способствовать использование следователями современных информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта. При этом искусственный интеллект определяется как сложная компьютерная программа, созданная для решения определенных задач без участия человека. В статье сформулирована необходимость создания алгоритмов взаимодействия следователей с искусственным интеллектом, на основе которых может быть создано информационное обеспечение раскрытия и расследования экстремистских преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Первая группа алгоритмов нацелена на создание научно обоснованного фундамента для всех следственных действий, нацеленных на раскрытие и расследование преступлений рассматриваемого вида, включая взаимодействие с оперативными сотрудниками, экспертами и специалистами. Вторая группа алгоритмов — для информационной поддержки важнейшей стадии практической работы следователя по надлежащей квалификации конкретного высокотехнологичного экстремистского преступления. Третья группа алгоритмов — для информационного обеспечения надлежащего применения важнейших положений криминалистической науки. Четвертая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия с оперативными сотрудниками. Пятая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия со специалистами и экспертами. Шестая группа алгоритмов нацелена на надлежащее информационное обеспечение проверки и оценки каждого из собранных доказательств по расследуемому уголовному делу. Седьмая группа алгоритмов — для надлежащего информационного обеспечения завершающего этапа расследования уголовного дела.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские преступления, расследование, следователь, алгоритм, информационное обеспечение, искусственный интеллект, интерактивные экспертные системы.

Для цитирования: Бычков, В. В. Алгоритмы взаимодействия следователей с искусственным интеллектом в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием интернета / В. В. Бычков, В. А. Прорвич // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 92–97.

ALGORITHMS OF INTERACTION OF INVESTIGATORS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED USING THE INTERNET

V. V. Bychkov¹

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru.

V. A. Prorvich¹

E-mail: kse60@mail.ru.

¹ *Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation.*

Abstract. Disclosure and investigation of extremist crimes committed using the Internet is compounded by the use of specific technology such as electronic computing equipment and modern information technologies adapted to the Internet. In addition, their disclosure and investigation cause some difficulties for investigators. The use of modern information technologies, including elements of artificial intelligence, will help to solve this problem. In this case, artificial intelligence is defined as a complex computer program, created to solve certain problems without human participation. The article formulated the need to create algorithms for the interaction of investigators with artificial intelligence, on the basis of which information can be created to provide information and investigation of extremist crimes committed using information and telecommunications networks, including the Internet. The first group of algorithms aims to create a scientifically sound foundation for all investigative actions aimed at solving and investigating crimes of the species in question, including interaction with operational staff, experts and experts. The second group of algorithms is to provide information support for the most important stage of the investigator's practical work on the proper qualification of a particular high-tech extremist crime. The third group of algorithms — to inform the proper application of the most important provisions of forensic science. The fourth group of algorithms — to inform the interaction with operational staff. The fifth group of algorithms — to inform the interaction with experts and experts. The sixth group of algorithms aims to provide proper information to verify and evaluate each of the collected evidence in the criminal case under investigation. Seventh group of algorithms — to provide proper information to the final stage of the criminal investigation.

Keywords: extremism, extremist crimes, investigation, investigator, algorithm, information support, artificial intelligence, interactive expert systems.

For citation: Bychkov V. V., Prorvich V. A. Algorithms of Interaction of Investigators with Artificial Intelligence in the Detection and Investigation of Extremist Crimes Committed Using the Internet. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 92–97. (In Russ.)

Введение

В Российской Федерации с начала 90-х годов прошлого века фиксируется рост преступлений экстремистского характера [1, с. 60–71]. В последние годы отмечается качественное изменение характера, способов совершения и субъектов таких преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» [2, с. 43–46]. Раскрытие и расследование которых усугубляется использованием при их совершении специфических технических средств — электронно-вычислительного оборудования и современных информационных

технологий, адаптированных к Интернету. К сожалению, следует признать, что раскрытие и расследование таких преступлений вызывает определенные затруднения у следователей.

Решению данной проблемы, однозначно, будет способствовать использование следователями современных информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта [3, с. 45–50]. Хотя при этом нельзя не учитывать появление новых задач. Прежде всего, необходимо акцентировать, что искусственный интеллект определяется в рамках науки информатики как сложная компьютерная программа, созданная для решения

определенных задач без участия человека [4, с. 47–52].

Но правоприменение по уголовным делам не может осуществляться в автоматизированном режиме без участия следователей. Поэтому возникает ряд принципиально новых задач организации их взаимодействия с искусственным интеллектом, а точнее такого построения алгоритмов компьютерных программ данного вида, которое полностью укладывается в рамки уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Постановка проблемы

Анализ публикаций об особенностях применения современных информационных технологий, включая использование искусственного интеллекта правоохранительными органами, показывает, что чаще всего речь идет о применении уже готовых, «фирменных» программ, разработанных крупными компьютерными фирмами. При этом во многих случаях речь идет о целевых установках, связанных с обработкой больших данных, содержащихся в специализированных базах данных правоохранительных органов.

Вместе с тем, для раскрытия и расследования экстремистских преступлений, совершаемых с использованием Интернета, с широким применением электронных документов различного вида — графических, текстовых, причем на разных языках, табличных и иных, необходимо более широкое применение самых разнообразных информационных технологий [5].

До настоящего время следователям предлагаются компьютерные программы, созданные западными фирмами. Специалистами признается, что они не только сложны, но и пишутся программистами, то есть «технарями», а не юристами. При этом хотя они и создаются с учетом мнения юристов, но специализирующихся на англосаксонском праве [6]. А это создает высокий уровень рисков совершения юридических ошибок в отечественном уголовном судопроизводстве. Особенно опасны такие ошибки при раскрытии и расследовании экстремистских преступлений, совершаемых с использованием Интернета.

Пути решения проблем

Поэтому назрела необходимость создания с участием отечественных юристов-правоприменителей алгоритмов взаимодействия следователей с искусственным интеллектом, которые могут быть положены в основу информационных технологий следственной деятельности. При этом при разработке

проблемно-ориентированных алгоритмов, предназначенных для создания информационных технологий, нацеленных на повышение качества всего комплекса средств, используемых для борьбы с современными экстремистскими преступлениями, необходимо применение всего арсенала наук уголовно-правового блока.

Предлагается создание следующих групп алгоритмов:

Первая группа алгоритмов нацелена на создание научно обоснованного фундамента для всех следственных действий, нацеленных на раскрытие и расследование преступлений рассматриваемого вида, включая взаимодействие с оперативными сотрудниками, экспертами и специалистами.

С ее использованием создается возможность формирования развернутой уголовно-правовой характеристики конкретного преступления, установления и систематизации всех его обязательных и факультативных признаков. При этом приходится учитывать, что диспозиции уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистского характера носят бланкетный характер, а при раскрытии их содержательных особенностей с применением положений гражданского и специального законодательства возникают риски выхода за рамки уголовного права. Поэтому необходимо включить в состав алгоритмов данной группы ряд процедур по контролю за данной деятельностью следователя, которые практически не отличаются от разработанных для других уголовно-правовых норм [7, с. 181–184].

На этой основе могут быть сформированы проблемно-ориентированные базы данных, содержащие информационно полные перечни обязательных признаков «основных» и «дополнительных» составов «высокотехнологичных» преступлений экстремистского характера.

С помощью алгоритмов данной группы возможно также сформировать план соответствующих следственных действий — как на стадии проверки сообщения о преступлении, так и в ходе его расследования.

Одной из важнейших особенностей первой группы алгоритмов является необходимость дифференцирования признаков тех составов преступлений, которые связаны с высокотехнологичным экстремизмом. Нередко возникает ряд юридических ошибок, связанных с неверной идентификацией состава конкретного преступления рассматриваемого вида. Чаще всего это связано с тем, что совершение экстремистских преступлений с использованием сети Интернет сопряжено с незаконным проникновением в определенные информационные системы,

взлому их систем защиты, в том числе с применением компьютерных вирусов и иных высокотехнологичных приемов. То есть, фактически в таких случаях речь идет о совершении определенных преступлений в сфере компьютерной информации, перечисленных в главе 26 УК РФ.

Вторая группа алгоритмов нацелена на информационную поддержку важнейшей стадии практической работы следователя по надлежащей квалификации конкретного высокотехнологического экстремистского преступления.

Ее структура имеет ряд особенностей, обусловленных целевой функцией, связанной с установлением взаимного соответствия полученных первоначальных сведений о совершенном деянии, а затем полученных доказательств тем признакам конкретного состава преступления, которые были формализованы по его развернутой уголовно-правовой характеристике. Для этого в параллельно-последовательном режиме формируется система юридических тождеств.

Вторая группа алгоритмов тесно связана с первой группой, поскольку при формировании системы юридических тождеств необходимо использовать результаты применения алгоритмов формирования развернутой уголовно-правовой характеристики данного преступления и формализации его обязательных и факультативных признаков. При этом может быть использовано несколько вариантов тех результатов обработки информации, которые были получены с использованием алгоритмов первой группы.

Третья группа алгоритмов нацелена на информационное обеспечение для надлежащего применения важнейших положений криминалистической науки.

Четвертая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия с оперативными сотрудниками;

Пятая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия со специалистами и экспертами.

Шестая группа алгоритмов нацелена на надлежащее информационное обеспечение проверки и оценки каждого из собранных доказательств по расследуемому уголовному делу. Их содержание обусловлено необходимостью безусловного выполнения требований ст. 87 и 88 УПК РФ. При этом используется специальный инструментарий, позволяющий привести доказательства различного виде к единому информационному формату, обеспечивая при этом контроль за сохранением их правового статуса. Кроме этого, при взаимном сопоставлении доказательств при выполнении их проверки,

а также при сопоставлении каждого из доказательств с критериями относимости, допустимости и достоверности, установленными ст. 88 УПК РФ для их оценки, используется интерактивный режим, позволяющий следователю принимать соответствующие решения самостоятельно.

Седьмая группа алгоритмов предназначена для надлежащего информационного обеспечения завершающего этапа расследования уголовного дела. Прежде всего, речь идет об установлении достаточности собранной совокупности доказательств, на что прямо указывается в требованиях ст. 88 УПК РФ. Правда, при этом содержательные особенности данного критерия в данной статье не раскрываются. Поэтому первая часть данной группы алгоритмов нацелена на формирование итогового варианта системы юридических тождеств с использованием уже рассмотренных выше алгоритмов второй группы. После этого выполняется анализ информационной полноты полученной системы — как на количественном, так и на качественном уровне.

Если выявляются информационные пробелы, а также возникают сомнения в том, что какое-либо из доказательств при дальнейшем рассмотрении уголовного дела прокурором и судом может быть исключено, что не позволит доказать наличие в расследуемом деянии состава преступления, то приходится возвращаться к предыдущему этапу расследования и принимать меры для получения недостающих доказательств. Но в том случае, когда информационные пробелы в итоговом варианте системы юридических тождеств отсутствуют, следователь может сделать вывод о наличии в расследуемом деянии состава преступления и принять обоснованное решение о достаточности собранной им совокупности доказательств. При этом он также принимает обоснованное решение о завершении предварительного следствия и переходе к завершающей стадии следственных действий — подготовке и оформлению обвинительного заключения по данному уголовному делу.

Используемое для этого информационное обеспечение основано на применении не только соответствующей части алгоритмов седьмой группы. Эта часть алгоритмов сопряжена и с другими группами алгоритмов, чтобы обеспечить возможность использования в тексте обвинительного заключения той информации, которая была получена на различных этапах расследования уголовного дела. При этом речь идет отнюдь не об «автоматической генерации» текста обвинительного заключения с помощью искусственного интеллекта.

Заключение

С использованием описанной системы алгоритмов в рамках интерактивной экспертной системы следователь получает возможность в режиме реального времени получать необходимое ему в определенный момент информационное обеспечение на всем протяжении своей работы, начиная с доследственной проверки, всех этапов предварительного следствия и заканчивая подготовкой обвинительного заключения. Следует подчеркнуть, что при возникновении необходимости сформировать и провести сопоставление нескольких вариантов плана расследования, следственных версий, а также ряда других видов нового информационного обеспечения, возникающего в ходе выполнения процессуально регламентированных действий, следователь может получить его также в режиме реального времени.

Но речь идет не только о новых возможностях существенного сокращения трудоемкости и сроков выполнения большей части следственных действий. Не менее важно обратить внимание на ряд новых возможностей для значительного повышения качества следственных действий, что достигается в результате обработки больших объемов информации, имеющей отношение к расследуемому высокотехнологичному экстремистскому преступлению, в том числе, с использованием элементов искусственного интеллекта.

Такие объемы информации в настоящее время в ходе выявления преступлений данного вида и расследования соответствующих уголовных дел ни один следователь обработать не в состоянии. Из-за этого фактически используется лишь малая часть сведений и фактах и обстоятельств, имеющих отношение к таким преступлениям. А возникающие проблемы и противоречия в собранной совокупности доказательств нередко приводят к развалу уголовного дела в суде, в результате чего преступники избегают заслуженного наказания.

Вывод

Таким образом, для создания научных основ надлежащего информационного обеспечения деятельности следователя по раскрытию и расследованию преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», необходима консолидация усилий ученых и специалистов для разработки системы алгоритмов взаимодействия следователей с искусственным интеллектом. На их основе могут быть созданы интерактивные экспертные системы, позволяющие в режиме реального времени обеспечить следователя всей необходимой информацией, что, несомненно, будет способствовать более эффективно раскрытию и расследованию преступлений данной категории.

Список литературы

1. Бычков, В. В. Динамика российского терроризма и экстремизма в XXI веке / В. В. Бычков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2018. — № 3 (21). — С. 60–71.
2. Бычков, В. В. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений экстремистской направленности / В. В. Бычков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 43–46.
3. Бычков, В. В. Искусственный интеллект: государственная политика и векторы применения / В. В. Бычков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2020. — № 4. — С. 45–50.
4. Бычков, В. В. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» / В. В. Бычков, В. А. Прорвич // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 4. — С. 47–52.
5. Волынский, А. Ф. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики : монография / А. Ф. Волынский, В. А. Прорвич. — Москва : Экономика, 2020. — 476 с.
6. Волынский, А. Ф. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты) : монография / А. Ф. Волынский, В. А. Прорвич. — Москва : Экономика, 2019. — 364 с.
7. Эриашвили, Н. Д. Новый уровень разработки проблем электронного судопроизводства по преступлениям в сфере экономики (рецензия на монографию Волынского А. Ф., Прорвича В. А.) / Н. Д. Эриашвили // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 1. — С. 181–184.

References

1. Bychkov, V. V. Dinamika rossiyskogo terrorizma i ekstremizma v XXI veke / V. V. Bychkov // Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. — 2018. — № 3 (21). — S. 60–71.

2. Bychkov, V. V. Informatsionno-telekommunikatsionnye seti kak sredstvo soversheniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti / V. V. Bychkov // Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 3. — S. 43–46.

3. Bychkov, V. V. Iskusstvennyy intellekt: gosudarstvennaya politika i vektory primeneniya / V. V. Bychkov // Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. — 2020. — № 4. — S. 45–50.

4. Bychkov, V. V. Iskusstvennyy intellekt kak sredstvo protivodeystviya prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti, sovershaemym s ispolzovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, v tom chisle seti «Internet» / V. V. Bychkov, V. A. Prorvich // Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 4. — S. 47–52.

5. Volynskiy, A. F. Kompyuternaya kriminalistika v sisteme ugovolno-pravovoy zashchity «traditsionnoy» i tsifrovoy ekonomiki : monografiya / A. F. Volynskiy, V. A. Prorvich. — Moskva : Ekonomika, 2020. — 476 s.

6. Volynskiy, A. F. Elektronnoe sudoproizvodstvo po prestupleniyam v sfere ekonomiki (nauchno-prakticheskie aspekty) : monografiya / A. F. Volynskiy, V. A. Prorvich. — Moskva : Ekonomika, 2019. — 364 s.

7. Eriashvili, N. D. Novyy uroven razrabotki problem elektronnoy sudoproizvodstva po prestupleniyam v sfere ekonomiki (retsenziya na monografiyu Volynskogo A. F., Prorvicha V. A.) / N. D. Eriashvili // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2020. — № 1. — S. 181–184.

Дата поступления статьи: 26.04.2021.

СТАДИЯ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ: ПОЗИЦИИ УЧЁНЫХ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Выскребцев Б. С.

Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

г. Орск, Российская Федерация

E-mail: mfa-orisk@mail.ru.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием у законодателя чёткого представления об объёме процессуальных полномочий суда при поступлении от прокурора предварительно расследованного уголовного дела. Данное утверждение подтверждают частая корректировка правовой базы стадии; Правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации с последующими уточнениями первоначальных редакций; отсутствие единообразия процессуальных контрольных действий суда при работе материалами уголовного дела

В связи с этим, данная статья направлена на выявление или раскрытие сущности стадии подготовки материалов к судебному заседанию, перечня решаемых судом задач при ознакомлении с материалами уголовного дела, в целом, функциональной направленности стадии.

Для получения достаточно полных и максимально достоверных результатов использовался комплексный подход с использованием методологического научного инструментария.

В статье представлены различные позиции специалистов о назначении стадии, раскрыты перечень задач, решаемых судом на этой стадии, наиболее точно определены функциональные составляющие процессуальной деятельности суда на этой стадии. По результатам исследования сформулирована авторская позиция по существу рассмотренных вопросов.

Ключевые слова: стадия, контрольная функция, существенные нарушения, судебное заседание.

Для цитирования: Выскребцев, Б. С. Междисциплинарный подход в со-временном правове-дении: математизация, стандартизация, цифровизация / Б. С. Выскребцев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 98–103.

THE STAGE OF PREPARATION OF MATERIALS FOR THE COURT HEARING: SCHOLARS' POSITIONS ON THE SUBSTANTIVE NATURE

B. S. Vyskrebtev

Moscow University of Finance and Law (MFU)

Orsk, Russian Federation

E-mail: mfa-orisk@mail.ru.

Abstract. The relevance of the study is due to the lack of a clear understanding of the scope of the court's procedural powers when a previously investigated criminal case is received from the prosecutor. This statement is confirmed by the frequent adjustment of the legal framework of the stage; the legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation with subsequent clarifications of the original versions; the lack of uniformity of the procedural control actions of the court when working with the materials of the criminal case

In this regard, this article is aimed at identifying or disclosing the essence of the stage of preparing materials for a court session, the list of tasks solved by the court when reviewing the materials of a criminal case, in general, the functional orientation of the stage.

To obtain sufficiently complete and maximally reliable results, an integrated approach was used using methodological scientific tools.

The article presents various positions of specialists on the appointment of the stage, reveals the list of tasks solved by the court at this stage, and most accurately defines the functional components of the court's procedural activity at this stage. Based on the results of the study, the author's position on the essence of the issues considered is formulated.

Keywords: stage, control function, substantial violations, court hearing.

For citation: Vyskrebtev B. S. The Stage of Preparation of Materials for the Court Hearing: Scholars' Positions on the Substantive Nature. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 98–103. (In Russ.)

Введение

В перечне основных понятий уголовно-процессуального законодательства приводятся определения стадий уголовного судопроизводства (ст. 5 УПК РФ), понятие стадии подготовки материалов к судебному заседанию не раскрывается. Такое положение объясняется отсутствием единства у специалистов по вопросам содержания: предмета правового регулирования, целей и задач стадии, принципов, определяющих особенности правового регулирования.

Изучение материалов судебной практики, анализ статистических данных; постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, постановлений и определений Конституционного суда Российской Федерации, сравнение позиций учёных и практиков по вопросам процессуальной деятельности участников данной стадии уголовного судопроизводства с очевидностью свидетельствует о наличии проблем правового регулирования стадии подготовки к судебному заседанию. К ним (проблемам) относятся:

— не вполне точно определенные процессуальные полномочия участников стадии подготовки к судебному заседанию;

— меняющийся перечень процессуальных средств разрешения судьёй вопросов, перечисленных в статье 228 УПК РФ.

— отсутствие определенности, ясности отдельных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих данную стадию, согласованности между собой [3, с. 308—309].

Недостаточный уровень правового регулирования влечёт формирование противоречивой правоприменительной практики, что существенно «ослабляет гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод»¹.

Определение назначения стадии — задача научного и практического характера.

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 27. — Ст. 2804.

Правильное её решение во многом предопределяет решение других значимых вопросов, находящихся в системном неразрывном единстве. Сложность в установлении назначения стадии проявляться уже в отсутствии устойчивости названия стадии. На современном этапе правового регулирования уголовного судопроизводства стадия называется подготовкой к судебному заседанию, сменив предшествующие название «предание обвиняемого суду»².

Материалы и методы

Устранение недостатков законодательного регулирования процессуальной деятельности участников стадии во многом зависит от методологически точного выбора способов, средств, приёмов проведения научного исследования. В процессе поиска решения столь сложной научной задачи с целью обеспечения всесторонности и полноты исследования, получения обоснованных и достоверных выводов применен комплекс общенаучных и специальных методов исследования. Так, историко-правовой метод позволил рассмотреть смену названий стадии в зависимости от изменения уголовно-процессуальной парадигмы уголовного судопроизводства. Формально-логический метод благоприятствовал более глубокому уяснению смысловой составляющей названий первой судебной стадии. Аналитический метод, системности и ранжирование направлений по правилу «общее» — «частное» способствовал выявлению и уяснению отдельных аспектов деятельности судьи, не поддающихся исследованию посредством применения других научных методов.

Результаты

Исследование мнений учёных и практиков позволило выявить отсутствие единства в перечне задач, решаемых на этой стадии судом. Систематизация мнений позволили определить следующий их (задач) перечень:

² Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР : Закон РСФСР от 27.10.1960 в ред. от 16.01.1990 // Ведомости ВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592 — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=wnrpNbSGI30ynfA34&cacheid=5F67B97893F348FB29A8F1B3054D0C7B&mode=splus&base=ESU&n=44906#y9tpNbSKOPIPI03n> (дата обращения 22.03.2021).

1) контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство (качество досудебного производства) (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, Л. В. Юрченко и др. [13, с. 85–87]);

2) обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в рамках рассмотрения и разрешения ходатайств и по инициативе суда (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, С. В. Лупанова, Е. О. Никулочкин, Е. Н. Осипков, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский и др. [14, с. 3–7]);

3) выявление препятствий для назначения судебного разбирательства (П. Л. Ишимов, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков);

4) наличие оснований для проведения предварительного слушания (С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков и др. [8, с. 77–79; 10]);

5) Проверка обоснованности обвинения (С. В. Лупанова, Т. К. Рябинина и др.);

6) осуществление предусмотренных законом подготовительных действий к предстоящему судебному разбирательству [5, с. 38].

Обсуждение

Вне зависимости от мнений исследователей по вопросу назначения стадии определённое современное название стадии «подготовка к судебному заседанию» (гл. 33 УПК РФ) нормативно устанавливает вектор процессуальных действий судьи на этой стадии. Такому названию не противоречит суждение Н. А. Колоколова «Стадия подготовки к судебному заседанию — это своеобразный фильтр между досудебным и судебным производством» [6, с. 13]. Термин «подготовка», в первую очередь, отождествляется им с подготовительными действиями к последующему проведению судебного заседания.

В широком смысле «подготовительные действия» к назначению судебного разбирательства может подразумевать принятие мер в двух направлениях. Первое направление — предупредительное. Заключается в выявлении препятствий, наличие которых, исключает возможность в судебном заседании разрешить уголовно-правовой конфликт и вынести итоговое правосудное решение. Второе направление подготовительных действий — обеспечительное: при отсутствии препятствий для рассмотрения в суде состоит в формировании условий, необходимых для эффективного отправления правосудия в судебном заседании и разрешения уголовно-правового конфликта [5, с. 34–38]. Поэтому, исходя из названия стадии, а также анализа правовой регламентации действий судьи на этой стадии можно утверждать о наличии

двух системообразующих (родовых) функций: *контрольной* и *организационной*.

Приведенное суждение о двух системообразующих функциях стадии подготовки к судебному заседанию не противоречит высказываниям целого ряда учёных. Однако, относительно содержательной сущности — «*контрольной функции*» наблюдаются различия. Проанализируем наиболее типичные выводы-суждения.

Так, Е. Н. Осипков, в целом, правильно указывает: стадия подготовки к судебному заседанию является «гарантией защиты прав и законных интересов граждан, преградой для назначения судебного заседания по уголовному делу, предварительное расследование по которому проведено с нарушением закона» [9, с. 12]. Каждая стадия уголовного судопроизводства одной из задач преследует гарантированно обеспечивать защиту законных интересов и прав участников уголовного судопроизводства. В решении этой задачи исследуемая стадия стоит в одном ряду с другими стадиями (стадии судебного разбирательства, апелляционного, кассационного, надзорного производства). Поэтому в силу «сквозного» действия названный признак-задача (защита прав и законных интересов граждан) не может быть положен в основу характеристики стадии подготовки к судебному заседанию.

Назван второй признак: стадия является «преградой» назначению судебного заседания уголовных дел, предварительное производство по которым осуществлено с нарушением закона. Этот признак характеризует стадию, но в сформулированном виде имеет ряд неопределённостей, которые снижают качество признака. Во-первых, термин «преграда», не является юридическим, а следовательно, не должен использоваться при решении правовых вопросов-проблем. Во вторых, указано, что уголовное дело, расследованное с нарушениями процессуального закона, не может быть назначено к судебному заседанию. Суждение правильное, но не во всех аспектах. Преградой для назначения судебного заседания являются только существенные нарушения, которые не могут быть устранены самим судом. Если в суде недостатки досудебного производства могут быть устранены, то препятствий для назначения судебного заседания нет¹.

В своём диссертационном исследовании П. Л. Ишимов этой стадии функцию — организационно-подготовительную определяет

¹ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 в ред. от 15.05.2018 // Российская газета. — 2010. — 13 янв. (№ 3). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95621/ (дата обращения: 04.04.2021).

полнее. В содержание этой деятельности исследователь включает:

- установление судьёй необходимых юридических оснований для назначения судебного заседания;

- обнаружение существенных препятствий, делающих невозможным рассмотрение уголовного дела и влекущих возвращение уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ);

- обнаружение препятствий, устранение которых возможно в судебном заседании без возвращения дела прокурору.

Названные действия по своей функциональной направленности более точно характеризуются категорией — контрольная функция. Термин же «организационно-подготовительный», характерен для действий судьи в этой же стадии, но только на втором этапе действий — после выявления и устранения препятствий и обнаружения «необходимых юридических оснований» для решения вопроса о назначении судебного заседания [4, с. 23].

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский выделяют три функции стадии: «контрольно-реви-зионную; правообеспечительную и распорядительную» [15]. Если исходить из принципа системной иерархичности, то есть выявлять и объединять в единую систему по иерархичности функций (то есть использовать системный подход в исследовании), то из трёх названных одноуровневыми функциями следует признать две: контрольную функцию и функцию распорядительную. Функция же обеспечения прав участников производства охватывается контрольной функцией и является её (контрольной функции) системным структурным элементом. Контрольная функция ориентирует суд на проверку соблюдения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих досудебное производство, и выполнение требований по соблюдению прав участников [12, с. 111]. Целью проверки (осуществление контрольной функции) является выявление нарушений норм УПК досудебного производства и процессуальных прав его (досудебного производства) участников.

Опора в исследовании на методологически апробированный системный подход позволяет признать более конкретным и структурированным суждение В. П. Божьева. Учёный определяет две функции стадии: «контрольную — по отношению к предварительному расследованию; подготовительную — по отношению к судебному разбирательству» [2, с. 16].

Аналогично В. П. Божьеву названных утверждений о наличии основных функциях стадии: контрольной функции и организационно-распорядительной (принятие мер по подготовке и организации судебного заседания)

придерживаются Л. В. Юрченко, Б. Т. Безлепкин. При этом Б. Т. Безлепкин делает следующее спорное уточнение. Он указывает: суд осуществляет процессуальные действия, проверяет «достаточность фактических и юридических» оснований для судебного разбирательства [1]. В нормах уголовного процессуального законодательства отсутствует указание на установление названных юридических обстоятельств, следовательно, указание на них нецелесообразно. Утверждение Б. Т. Безлепкина, что целью контрольной функции является установление «достаточности фактических и юридических оснований» в среде учёных и практиков признаётся не всеми, является спорным. Так, П. Л. Ишимов частично поддерживает озвученную позицию. Указывает, что целью проверки является только установление «необходимых юридических оснований», оставляя за рамками назначения стадии установление достаточности «фактических оснований» [4, с. 8]. А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский вразрез с мнением Б. Т. Безлепкина утверждают: «...основания для назначения судьёй судебного заседания в общем порядке являются формальными, а не содержательными, и сфера судебного контроля за качеством предварительного расследования сведена к минимуму, ограничиваясь, по сути, лишь проверкой правильности вручения копий обвинительного заключения (акта) [15].

С. В. Лупанова в перечень контрольной функции также включает решение задачи проверки законности досудебного производства по делу, соблюдение основных прав и интересов участников процесса; законность и обоснованность требования стороны обвинения о внесении дела в суд (выделено мной, Б. В) [7, с. 10]. То есть исследователь разделяет выше приведённую позицию Б. Т. Безлепкина в вопросе, что на первой судебной стадии контрольная функция суда охватывает проверку обоснованности обвинения. Вопрос о расширении контрольной функции и включения в неё проверку всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) пытается обосновать на уровне докторской диссертации и Т. К. Рябинина [11, с. 38].

Суждения Б. Т. Безлепкина, С. В. Лупановой, Т. К. Рябиной и аналогичные высказывания некоторых других специалистов противоречат разделяемой нами позиции, сформулированной В. В. Кальницким. Следуя принципу состязательности учёный правильно определяет свою научную платформу. Суд нейтрален по отношению к обвинению, он не реагирует на доказанность обвинения, но внимательно следит за пунктуальностью органов расследования в соблюдении порядка уголовного преследования, включая порядок собирания

доказательств. Это направление контроля объективно потому, что даже абсолютная безупречность судебного разбирательства не позволяет сохранить в силе приговор, если ему предшествуют существенные нарушения прав осужденного на досудебном этапе [5, с. 38].

Выше мы дали характеристику каждому направлению, которые перечисляют специалисты. Для более четкого установления назначения стадии следует упорядочить (оптимизировать) и эти пять направлений.

Исходя из соотношения «общее» — «частное» в отношении к перечисленным специалистами направлений контрольной функции суда, родовым следует признать «контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство».

Названное специалистами такое направление контрольной функции — «проведение предварительного слушания» не должно восприниматься как назначение судебной стадии. Предварительное слушание следует рассматривать как средство контроля. Посредством предварительного слушания судья устанавливает (или подтверждает) было ли допущено нарушения уголовно-процессуальных норм в досудебном производстве, насколько эти нарушения существенны, можно ли их исправить или нет на этой (первой) судебной стадии. Соответственно, по результатам предварительного слушания принимаются решения, которые и определяют сущность контрольной функции — выявлены ли нарушения, насколько они критичны (существенны) и насколько их наличие исключает возможность

назначения и проведение судебного заседания. Контрольная функция в формулировке «выявление препятствий для назначения судебного разбирательства» является наиболее полно отражающей содержание контрольной функции стадии, её назначение.

Результаты исследования

Результатами краткого изложения проведенного исследования являются следующие утверждение и предложение.

1. Следует признать не корректным раскрывать назначение первой судебной стадии через такие направления контрольной деятельности судьи, как контроль суда за соблюдением норм, регулирующих досудебное производство; обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в рамках рассмотрения и разрешения ходатайств и по инициативе суда; наличие оснований для проведения предварительного слушания. Названные процессуальные действия раскрывают содержание контрольной деятельности судьи на первой судебной стадии, но не её назначение. Названные виды контрольной процессуальной деятельности следует определять как условия (средства) достижения назначения этой стадии.

2. Назначение контрольной функции стадии подготовки материалов к судебному заседанию выявить препятствия для назначения судебного разбирательства и при невозможности их устранения исключить случаи проведения судебного заседания по уголовному делу в ситуации, когда по названным причинам отправление правосудия невозможно.

Список литературы

1. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2018. — 304 с.
2. Божьев, В. П. Применение норм УПК, регулирующих деятельность суда по уголовному делу, поступившему от прокурора / В. П. Божьев // Законность. — 2010. — № 5. — С. 14–18.
3. Выхребцев, Б. С. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском суде по правам человека / Б. С. Выхребцев, А. Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 6 (145). — С. 307–310.
4. Ишимов, П. Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук / Ишимов Павел Леонидович. — Ижевск, 2005. — 292 с.
5. Кальницкий, В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства / В. В. Кальницкий // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2017. — № 4 (67). — С. 34–40.
6. Колоколов, Н. А. Решения судьи в стадии предварительного слушания, пресекающие движение уголовного дела / Н. А. Колоколов // Мировой судья. — 2010. — № 12. — С. 16–19.
7. Лупанова, С. В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лупанова Светлана Владимировна. — Нижний Новгород, 2006. — 30 с.
8. Никулочкин, Е. О. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты / Е. О. Никулочкин, К. А. Сергеев, А. Б. Сергеев // Социум и власть. — 2013. — № 3 (41). — С. 77–79.

9. Осипков, Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Осипков Евгений Николаевич. — Оренбург, 2007. — 18 с.
10. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. — Москва : Норма, 2011. — 512 с.
11. Рябинина, Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... юрид. наук / Рябинина Татьяна Кимовна. — Саратов, 2021. — 49 с.
12. Рябоконеv, С. И. Конкурирующие направления дальнейшего развития досудебного следствия и следствия в суде первой инстанции / С. И. Рябоконеv, А. Б. Сергеев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2019. — № 1 (19). — С. 110–113.
13. Сергеев, А. Б. Порог легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, как критерий уголовной ответственности / А. Б. Сергеев // Социум и власть. — 2012. — № 1 (33). — С. 85–87.
14. Сергеев, К. А. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера / К. А. Сергеев, А. Б. Сергеев // Медицинское право. — 2018. — № 1. — С. 3–7.
15. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : КНОРУС, 2008. — 704 с.

References

1. Bezlepkin, B. T. Uголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / B. T. Bezlepkin. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2018. — 304 с.
2. Bozhev, V. P. Primenenie norm UPK, reguliruyushchikh deyatel'nost' suda po uголовному delu, postupivshemu ot prokurora / V. P. Bozhev // Zakonnost'. — 2010. — № 5. — S. 14–18.
3. Vyskreb'tsev, B. S. Vliyaniye sotsiokul'turnoy identichnosti rossiyskogo obshchestva na formirovaniye otechestvennogo uголовно-protseссuального zakonodatel'stva i pravovye pozitsii Rossii v Yevropeyskom sude po pravam cheloveka / B. S. Vyskreb'tsev, A. B. Sergeev // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 6 (145). — S. 307–310.
4. Ishimov, P. L. Protseссuальный poryadok podgotovki uголовного дела k sudeбному razbiratel'stvu : spetsial'nost' 12.00.09 «Uголовный процесс» : dis. ... kand. yurid. nauk / Ishimov Pavel Leonidovich. — Izhevsk, 2005. — 292 s.
5. Kalnitskiy, V. V. Ponyatie i znachenie stadii naznacheniya i podgotovki sudeбного razbiratel'stva / V. V. Kalnitskiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2017. — № 4 (67). — S. 34–40.
6. Kolokolov, N. A. Resheniya sudi v stadii predvaritelnogo slushaniya, presekayushchie dvizheniye uголовного дела / N. A. Kolokolov // Mirovoy sudya. — 2010. — № 12. — S. 16–19.
7. Lupanova, S. V. Predvaritelnye slushaniya kak forma podgotovki dela k sudeбному razbiratel'stvu v rossiyskom uголовном protseссе : spetsial'nost' 12.00.09 «Uголовный процесс» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Lupanova Svetlana Vladimirovna. — Nizhniy Novgorod, 2006. — 30 s.
8. Nikulochkin, Ye. O. Konfiskatsiya imushchestva: uголовно-pravovye i uголовно-protseссuальные aspekty / Ye. O. Nikulochkin, K. A. Sergeev, A. B. Sergeev // Sotsium i vlast'. — 2013. — № 3 (41). — S. 77–79.
9. Osipkov, Ye. N. Deystviye printsipa sostyazatel'nosti storon na etape podgotovki k sudeбному zasedaniyu v uголовном sudoproizvodstve Rossii : spetsial'nost' 12.00.09 «Uголовный процесс» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Osipkov Yevgeniy Nikolaevich. — Orenburg, 2007. — 18 s.
10. Proizvodstvo po uголовным delam v sude pervoy instantsii : nauch.-prakt. posobie / S. A. Vorozhtsov, V. A. Davydov, V. V. Doroshkov [i dr.] ; pod obshch. red. V. M. Lebedeva. — Moskva : Norma, 2011. — 512 s.
11. Ryabinina, T. K. Realizatsiya sudeбной vlasti na stadii podgotovki uголовного дела k sudeбному zasedaniyu: teoriya i pravoprimeniye : spetsial'nost' 12.00.09 «Uголовный процесс» : avtoref. dis. ... yurid. nauk / Ryabinina Tatyana Kimovna. — Saratov, 2021. — 49 s.
12. Ryabokonev, S. I. Konkuriyushchie napravleniya dalneyshego razvitiya dosudeбного sledstviya i sledstviya v sude pervoy instantsii / S. I. Ryabokonev, A. B. Sergeev // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 1 (19). — S. 110–113.
13. Sergeev, A. B. Porog legalizatsii denezhnykh sredstv, priobretennykh prestupnym putem, kak kriteriy uголовной otvetstvennosti / A. B. Sergeev // Sotsium i vlast'. — 2012. — № 1 (33). — S. 85–87.
14. Sergeev, K. A. Otdelnye sudeбные situatsii pri prinyatii resheniy o naznachenii prinuditelnykh mer meditsinskogo kharaktera / K. A. Sergeev, A. B. Sergeev // Meditsinskoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 3–7.
15. Smirnov, A. V. Uголовный процесс : учебник / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy ; pod obshch. red. A. V. Smirnova. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : КНОРУС, 2008. — 704 с.

Дата поступления статьи: 29.05.2021.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ КОМПЛАЕНС: ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ

Зуев С. В.

Челябинский государственный университет

г. Троицк, Российская Федерация

E-mail: zuevsergej@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4395-4982>.

Аннотация: Целью данной статьи является показать возможные риски в цифровом формате уголовного судопроизводства. Риски могут быть операционными, правовыми и репутационными. Постоянный внутренний контроль системы позволит соответствовать как общемировым, так и отечественным требованиям и нормам, регулировать корпоративное управление с соблюдением законодательства и норм этики; возникшие проблемы будут устраняться с наименьшими потерями. Утверждается, что применительно к цифровой среде уголовного судопроизводства можно выделить и некие стандарты (модели), определяющие процессуальные действия и решения по каждому делу. При этом конфликты интересов основных участников должны разрешаться системой в сторону создания комфортных условий оказания услуг в данной сфере, с учетом преследуемых целей и задач электронного производства по уголовным делам. Заблаговременное определение комплаенс-рисков в цифровом уголовном процессе приобретет особое значение, поскольку позволит предупредить возможные сбои в программе в связи с нарушениями относительно участия заинтересованных лиц, составлением документов, включая промежуточные отчеты системы, другие аспекты электронного сопровождения. Надзор за работой в цифровой среде может проводиться как самой программой (включая систему искусственного интеллекта), так и со стороны допущенных должностных лиц, специалистов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, комплаенс, риски, контроль.

Для цитирования: Зуев, С. В. Уголовно-процессуальный цифровой комплаенс: возможные риски / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 104–108.

CRIMINAL PROCEDURAL DIGITAL COMPLIANCE: POSSIBLE RISKS

S. V. Zuev

Chelyabinsk State University

Troitsk, Russian Federation

E-mail: zuevsergej@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4395-4982>.

Abstract. The purpose of this article is to show the possible risks in the digital format of criminal proceedings. Risks can be operational, legal and reputational. Continuous internal control of the system will allow it to comply with both global and domestic requirements and norms, regulate corporate governance in compliance with legislation and ethical norms; the problems encountered will be eliminated with the least loss. It is argued that in relation to the digital environment of criminal justice, certain standards (models) can be distinguished that determine the procedural actions and decisions in each case. At the same time, conflicts of interests of the main participants should be resolved by the system in the direction of creating comfortable conditions for the provision of services in this area, taking into account the pursued goals and objectives of electronic criminal proceedings. Early identification of compliance risks in a digital criminal process will acquire particular importance, since it will prevent possible disruptions in the program due to violations regarding the participation of stakeholders, the preparation of documents, including interim reports of the system, and other aspects of electronic support. Supervision of work in the digital environment can be carried out both by the program itself (including the artificial intelligence system) and by authorized officials and specialists.

Keywords: criminal proceedings, digitalization, compliance, risks, control.

For citation: Zuev S. V. Criminal Procedural Digital Compliance: Possible Risks. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 104–108. (In Russ.)

Введение

Уголовное судопроизводство плавно погружается в сферу цифровых коммуникаций, включая все его процессуальные формы. Обращение к комплаенсу в уголовном процессе не случайно. Само понятие комплаенс (от англ. *compliance* — согласие, соответствие; происходит от глагола *to comply* — соответствовать) — буквально означает действие в соответствии с запросом или указанием; повиновение. «Комплаенс» представляет собой соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям, или нормам¹.

Итак, если комплаенс рассматривать как часть системы управления/контроля, то применительно к организации процессуальной деятельности уместно говорить о комплаенс-рисках — рисках несоответствия, несоблюдения требованиям уголовно-процессуального законодательства, неким стандартам поведения, правилам осуществления надзора, принципам деятельности субъектов права (основных участников) и т. д. COMPLIANCE-риски в конечном счете могут проявляться в виде применения различных санкций, внесения корректив, императивного вмешательства, вплоть до приостановления процессуальной деятельности.

Описание проводимого исследования

Применительно к цифровой среде уголовного судопроизводства можно выделить и некие стандарты (модели), определяющие процессуальные действия и решения по каждому делу. При этом конфликты интересов основных участников должны разрешаться системой в сторону создания комфортных условий оказания услуг в данной сфере, с учетом преследуемых целей и задач электронного производства по делу.

Внутри комплаенса могут находиться различные относительно автономные области (кластеры), обеспечивающие хранение и предоставление данных, автоматизированное составление документов, защита сведений и информационных потоков, противодействие попыткам вмешательства и противодействия нормальному ходу производства, сохранение этических норм и пр.

Результат и обсуждение

Как отмечает Р. В. Костенко, главное, что различные программные компоненты реализованы независимо друг от друга: отдельно интерфейс, репозиторий для хранения документов и еще ряд сервисов. Это радикально снижает риски поломки системы и сводит практически к нулю вероятность взлома. Более того, такая архитектура «Электронного дела» гарантирует возможность оперативного масштабирования: при необходимости можно нарастить отдельные компоненты, чтобы удовлетворять потребности пользователей по нагрузке, количеству хранимых документов и другим показателям» [3, с. 33].

В настоящее время комплаенс как направление в профессиональной деятельности, в большей степени, положительно себя зарекомендовал в банковской сфере оказания услуг, в уголовном процессе финансовые вопросы также нуждаются в осуществлении контроля за денежными операциями (оплатой услуг адвоката, движением залоговых сумм, сохранностью арестованных денежных средств, финансовыми затратами на проведение судебных экспертиз и др.).

Взаимодействие различных субъектов правоохранительных органов (например, органов следствия, дознания, оперативных подразделений, прокуратуры), контакты в дистанционном формате (конфиденциальные встречи адвокатов и их подзащитных, судебные заседания в режиме видеоконференц-связи и т. п.) также могут быть предметом комплаенс-контроля. По мнению Г. З. Ситдиковой, одной из эффективных мер, направленных на обеспечение своевременного доступа должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда к необходимой информации, является создание единой формы «Электронного запроса на информацию и сведения»: для правоохранительного органа (ЭЗИС ПО) и судебного органа (ЭЗИС СО) [4, с. 217].

Очевидно, что система комплаенс-контроля может и должна взаимодействовать практически со всеми отделами компании и в таком случае будет способствовать не только анализу, оценке рисков и разработке методов их минимизации, но и оптимизации работы контроля в целом [7, с. 72]. По мнению отдельных авторов, ведение такого планирования, если не самим компьютером, то людьми совместно с компьютером, позволяет увидеть

¹ COMPLIANCE // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Комплаенс> (дата обращения: 27.03.2021).

возможность снижения роли человеческой субъективности [8, с. 71].

Заблаговременное определение комплаенс-рисков в цифровом формате уголовного судопроизводства приобретет особое значение, поскольку позволит предупредить возможные сбои в программе в связи с нарушениями относительно участия заинтересованных лиц, составлением документов, включая промежуточные отчеты системы, другие аспекты электронного сопровождения. Надзор за работой в цифровой среде может проводиться как самой программой (включая систему искусственного интеллекта), так и со стороны допущенных должностных лиц, специалистов. Все это позволяет говорить о возможных рисках, а значит и оценках предполагаемого вреда.

Искусственный интеллект — это то, что может имитировать когнитивные действия человека, т. е. его работа присутствует в отдельных оценках и квалификациях, помогает допрашивать, интерпретировать, сопоставлять, находить соответствие или, наоборот, отвергать его. И тогда «соучастие» действительно влияет на результат действия всей судебной машины. Более того, заранее невозможно предсказать, каким окажется это влияние: позитивным или негативным. Но по мере все более активного внедрения алгоритмов и систем искусственного интеллекта яснее станут все возможности и угрозы в совершенствовании уголовного судопроизводства [1].

Комплаенс-риски условно можно поделить на репутационные; правовые; операционные.

Репутационные риски отвечают за сохранение стабильности работы системы уголовного судопроизводства в электронном виде, обеспечение гарантированной защищенности граждан при обращении с заявлением о преступлении. Различные программные сбои, возможности несанкционированного вмешательства, слабые средства защиты персональных данных и многое другое может привести к нарушению доверия к сфере предоставляемых услуг в цифровом формате и сведет на нет все стремления к повышению эффективности осуществления правосудия посредством новых технологий.

Правовые риски связаны со строгим соблюдением законности, а учитывая, что законодательство должно быть качественно другим и содержательно сопровождать (изнутри контролировать) процессуальные действия и решения по делу, то в случае спорности выполнения норм закона, система должна предоставлять все возможности обжалования, корректировки, исправления

и замены ожидаемых результатов в случае выявления ошибок. Как справедливо заметил А. В. Победкин, может возникнуть опасность игнорирования возможностей и потребностей невластных участников процесс» [6, с. 53].

В настоящее время утверждается позиция, согласно которой необходимо избегать избыточную правовую регламентацию использования информационных технологий в процессуальной деятельности. В частности, заместитель директора Института правовых исследований НИУ ВШЭ А. Кашанин полагает, что одним из основных рисков, которые могут затруднить внедрение электронных сервисов в деятельность судов, выступает выдвижение излишне жестких требований к законодательной регламентации данного процесса, а также к механизмам защиты информации [2]. Тем не менее, полностью перейти к методу «разрешено все, что не запрещено законом» в уголовном процессе вряд ли представляется возможным, поэтому идея о строгом соблюдении законности должна сохранить свое принципиальное значение.

Операционные риски, по сути, являются техническими и должны предусматривать возможность сохранения копий документов, использования энергонезависимых носителей информации, работу в выделенной сети с высоким уровнем защиты данных. Внутренняя сложность всей системы должна переходить в удобный и простой интерфейс пользователя. Связь между участниками уголовного процесса и программно-аппаратными компонентами компьютерной системы должна быть максимально подстраиваемая под индивидуальные особенности пользователя.

Не все граждане хорошо владеют современными технологиями. Исследования показывают, что граждане старшего возраста с трудом осваивают новые технологии либо вообще избегают обращения к ним, предпочитают «старый», традиционный порядок подачи документов в суд; лица, имеющие высшее образование, в большей степени, чем лица, не имеющие такового, выражают готовность к освоению и использованию цифровых технологий [5].

Суммарное количество рисков позволяет выделить так называемый регуляторный риск, когда осуществление электронного правосудия становится под угрозой. При этом служба внутреннего контроля, которая в идеале должна возлагать на сторонних лиц, должна выполнять следующие функции:

- выявление регуляторного риска;
- учет процессуальных действий и решений, оценка судебной перспективы дела;

— мониторинг, включая анализ полученных результатов (электронных доказательств), их взаимосвязь и доказательственное значение (степень доказанности);

— координация и участие в разработке мер по снижению уровня регуляторного риска, оповещение должностных лиц, ответственных за производство по делу о состоянии системы, доведение рекомендаций по управлению ситуацией;

— участие в подготовке процессуальных документов по запросам заинтересованных (допущенных к производству) лиц, а также промежуточных и итоговых отчетов для самой системы;

— выявление конфликтов интересов участников сторон;

— анализ поступивших обращений (жалоб, заявлений, ходатайств) участников процессуальных отношений;

— анализ соблюдения прав участников;

— анализ целесообразности продолжения производства по делу;

— участие в подготовке документов, направленных на противодействие возможному вмешательству в работу системы;

— участие в разработке документов (информационных сообщений), направленных на соблюдение этических правил;

— участие во взаимодействии участников процесса;

— иные функции, связанные с регуляторным риском, установленные системой.

Заключение

Ценность внутреннего контроля позволит системе иметь значительные преимущества, что повысит доверие граждан и минимизирует препятствия для обращения за помощью. Как уже отмечалось, в идеале комплаенс-контроль следует возлагать на сторонних лиц или отдельное подразделение, которое будет проводить постоянный контроль, помогать соответствовать как общемировым, так и отечественным требованиям и нормам, регулировать корпоративное управление, помогать вести дела честно, с соблюдением законодательства и норм этики; при возникновении проблем пытаться устранять их с наименьшими потерями.

Вывод

Уголовно-процессуальный цифровой комплаенс — явление малоизученное, и поэтому нуждается в подобных научных исследованиях. В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что заблаговременное проработка возможных комплаенс-рисков в цифровом формате уголовного судопроизводства позволит правильно выстроить всю систему электронного правосудия, предупредить возможные сбои в программе, предусмотреть роль искусственного интеллекта, а также отдельных должностных лиц и специалистов, на которых может быть возложен комплаенс-контроль. Качественная работа на перспективу в будущем даст положительные результаты.

Список литературы

1. Захарова, М. В. Все еще Элис?, или будущее права / право без будущего в XXI в. / М. В. Захарова // История. — 2020. — Т. 11, вып. 8 (94). — URL: <https://history.jes.su/s207987840012152-6-1/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. Коробка, Е. Российским судам рекомендовано приступить к рассмотрению дел в режиме веб-конференций / Е. Коробка // Адвокатская газета. — 2020. — 29 апреля. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rossiyskim-sudam-rekomendovano-pristupit-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (дата обращения: 27.03.2021).
3. Костенко, Р. В. В начале пути цифровизации российского уголовного судопроизводства / Р. В. Костенко // Союз криминалистов и криминологов. — 2020. — № 4. — С. 28–33.
4. Ситдикова, Г. З. Стратегия адаптивной цифровизации уголовного судопроизводства / Г. З. Ситдикова // Правовое государство: теория и практика. — 2020. — № 4-2 (62). — С. 213–222.
5. Софийчук, Н. В. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства / Н. В. Софийчук, Л. А. Колпкова // Lex russica (Русский закон). — 2020. — № 11 (168). — С. 71–80.
6. Победкин, А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) / А. В. Победкин // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 50–55.
7. Попова, В. М. Комплаенс-контроль как метод управления рисками предприятия / В. М. Попова // Аллея науки. — 2018. — Т. 2, № 1. — С. 71–78.
8. Пржиленский, В. И. Идеалы и интересы участников цифровизации уголовного судопроизводства / В. И. Пржиленский, И. Б. Пржиленская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 10 (74). — С. 66–73.

References

1. Zakharova, M. V. Vse eshche Elis?, ili budushchee prava / pravo bez budushchego v XXI v. / M. V. Zakharova // Istoriya. — 2020. — T. 11, vyp. 8 (94). — URL: <https://history.jes.su/s207987840012152-6-1/> (data obrashcheniya: 27.03.2021).
2. Korobka, Ye. Rossiyskim sudam rekomendovano pristupit k rassmotreniyu del v rezhime veb-konferentsiy / Ye. Korobka // Advokatskaya gazeta. — 2020. — 29 aprelya. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rossiyskim-sudam-rekomendovano-pristupit-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (data obrashcheniya: 27.03.2021).
3. Kostenko, R. V. V nachale puti tsifrovizatsii rossiyskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva / R. V. Kostenko // Soyuz kriminalistov i kriminologov. — 2020. — № 4. — S. 28–33.
4. Sitdikova, G. Z. Strategiya adaptivnoy tsifrovizatsii ugolovnogogo sudoproizvodstva / G. Z. Sitdikova // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 4-2 (62). — S. 213–222.
5. Sofiyuchuk, N. V. K voprosu o dostupe grazhdan k pravosudiyu v usloviyakh tsifrovizatsii ugolovnogogo sudoproizvodstva / N. V. Sofiyuchuk, L. A. Kolpkova // Lex russica (Russkiy zakon). — 2020. — № 11 (168). — S. 71–80.
6. Pobedkin, A. V. Etiko-aksiologicheskie riski mody na tsifrovizatsiyu dlya ugolovnogogo sudoproizvodstva (ob oshibochnosti tekhnologichnogo podkhoda k ugolovnomu protsessu) / A. V. Pobedkin // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020. — № 3. — S. 50–55.
7. Popova, V. M. Komplains-kontrol kak metod upravleniya riskami predpriyatiya / V. M. Popova // Alleya nauki. — 2018. — T. 2, № 1. — S. 71–78.
8. Przhilenskiy, V. I. Idealy i interesy uchastnikov tsifrovizatsii ugolovnogogo sudoproizvodstva / V. I. Przhilenskiy, I. B. Przhilenskaya // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYuA). — 2020. — № 10 (74). — S. 66–73.

Дата поступления статьи: 31.03.2021.

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Даровских О. И.

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: darovskikhoi@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8964-2362.*

Аннотация. В статье рассматривается влияние такой правовой категории как объективность на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Во введении автор обосновывает необходимость повышения эффективности правового регулирования уголовно-процессуальных отношений современными требованиями общества и одним из средств обеспечения эффективной деятельности является реализация принципа объективности. Значимость объективности состоит в том, что данный принцип предопределяет порядок осуществления правосудия, выступает гарантией обеспечения прав и законных интересов участников и лиц, втянутых в орбиту данной деятельности и, кроме того, оказывает влияние на уголовно-процессуальную деятельность. Не позиционируя объективность принципом, законодатель неоднократно упоминает о ней в тексте многих статей УПК РФ, а Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд РФ при формировании своих правовых позиций исходят из необходимости беспристрастного, объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

В исследовательской части статьи автор прослеживает целесообразность выделения принципов именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности, поскольку этот подход позволяет более глубоко и полно изучить все наиболее важные ключевые моменты исследуемой правовой категории. К таким принципам, по мнению автора, и следует отнести принцип объективности.

В статье автор прослеживает взаимосвязь принципа объективности с эффективностью уголовно-процессуальной деятельности через ее критерии: законность, качество, своевременность, доступность, достаточность, экономичность и приходит к обоснованному выводу, что объективность — это принцип, который обеспечивает эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, правовая категория, принцип объективности, принцип уголовного процесса, эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Для цитирования: Даровских, О. И. Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности / О. И. Даровских // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 109–115.

THE PRINCIPLE OF OBJECTIVITY AS A MEANS OF PROVIDING THE EFFICIENCY OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

O. I. Darovskikh

*South Ural State University (NRU)
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: darovskikhoi@gmail.com
ORCID 0000-0002-8964-2362.*

Abstract. The article examines the influence of such a legal category as objectivity on the effectiveness of criminal procedural activity. In the introduction, the author substantiates the need to improve the efficiency of legal regulation of criminal procedural relations by the modern

requirements of society, and one of the means of ensuring effective activity is the implementation of the principle of objectivity. The importance of objectivity lies in the fact that this principle predetermines the procedure for administering justice, acts as a guarantee of ensuring the rights and legitimate interests of participants and persons drawn into the orbit of this activity and, in addition, influences criminal procedural activities. Without positioning objectivity as a principle, the legislator repeatedly mentions it in the text of many articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, when forming their legal positions, proceed from the need for an impartial, objective study of the circumstances of the criminal case.

In the research part of the article, the author traces the advisability of highlighting the principles of effective criminal procedural activity, since this approach allows a deeper and more complete study of all the most important key points of the investigated legal category. These principles, according to the author, should include the principle of objectivity.

In the article, the author traces the relationship between the principle of objectivity and the effectiveness of criminal procedural activity through its criteria: legality, quality, timeliness, availability, sufficiency, economy and comes to a reasonable conclusion that objectivity is a principle that ensures the effectiveness of criminal procedural activity.

Keywords: criminal procedural activity, legal category, the principle of objectivity, the principle of criminal procedure, the effectiveness of criminal procedural activity.

For citation: Darovskikh O. I. The Principle of Objectivity as a Means of Providing the Efficiency of Criminal Procedural Activities. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 109–115. (In Russ.)

Введение

В настоящее время отмечается, что требования общества к реализации государством правоохранительной функции, которая призвана обеспечить безопасность государства и общества, защиту прав и законных интересов лиц в том числе и в рамках уголовно-процессуальной деятельности, изменились. Общество предъявляет повышенные требования, причем не только к результатам данной деятельности, но и к процедуре её осуществления, а в официальных нормативно-правовых актах все чаще говорится о необходимости эффективного ее осуществления.

Под эффективной уголовно-процессуальной деятельностью мы понимаем деятельность в уголовном судопроизводстве, направленную на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемую, строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями: справедливости, качества, доступности, экономичности, своевременности и достаточности.

Данный подход вызвал необходимость разработать модель тех основных исходных идей, основных правил в которых бы воплощалась сущность именно эффективной деятельности в рамках урегулирования определенных общественных отношений. Анализ критериев признания деятельности эффективной позволил разработать и обосновать дополнительную систему специфических принципов, соблюдение

которых гарантирует производство именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности. К их числу, по нашему мнению, следует отнести и принцип объективности.

Описание исследования

Принципы уголовно-процессуальной деятельности, указанные в главе 2 уголовно-процессуального закона Российской Федерации как основные, исходные, руководящие положения по ее осуществлению, безусловно распространяются на любую деятельность, в том числе и на эффективную. Однако сама по себе эффективная деятельность требует несколько иного подхода и дополнительных, можно сказать особых средств, обеспечивающих ее успешное осуществление, нежели применение только тех общих правил, которые указаны в действующем законе. Подход к выявлению и констатации системы принципов, регулирующих отдельные стадии процесса, либо деятельность отдельных должностных лиц, не нов. Об этом писали и считали это разумным: М. С. Строгович [14, с. 56, 367] который выделял «принцип предварительного следствия», А. П. Гуляев [6, с. 32], утверждавший о существовании «принципов деятельности следователя», В. Л. Будников высказывался за наличие «системы процессуальных принципов предварительного следствия» [2, с. 70–72]. М. Л. Якуб выделял «принципы судебного разбирательства» [18, с. 45, 139], Е. Р. Ергашев свою докторскую диссертацию посвятил

«принципам прокурорско-надзорного права и его институтов» [7]. Разделяли принципы уголовного процесса, на принципы, характеризующие досудебное и судебное производство Ю. К. Якимович и Т. Д. Пан [17, с. 42]. В. П. Кашепов указывал, что «...содержание осуществляемого судами в порядке уголовного судопроизводства правосудия и принятых судами решений должно характеризоваться следующими качествами: а) законностью, определяемой как соответствие принятых решений и порядка рассмотрения дел закону; б) обоснованностью, т. е. подтверждением принятых решений убедительными и достаточными доказательствами; в) объективностью, т. е. непредвзятостью, беспристрастностью судебного исследования всех обстоятельств дела; г) полнотой как законченностью, исчерпанностью изучения всех доступных суду доказательств; д) справедливостью решений суда как соответствующих нравственным представлениям современного общества; е) своевременностью и юридической точностью принимаемых решений, незамедлительностью и общеобязательностью их исполнения» [8, с. 101—112].

Полагаем, что подход к выделению специфических принципов определенной деятельности не просто имеет право на существование, но и целесообразен, поскольку позволяет более глубоко и последовательно выделять наиболее важные, ключевые моменты указанной деятельности. Это предопределено рядом объективных моментов и в первую очередь тем, что эти принципы отражают специфику именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности, во-вторых, их исследование дополняет и расширяет имеющиеся знания о принципах уголовного процесса, позволяют выработать конкретные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, соответствующие современным требованиям правовой политики государства. Применимо к эффективной процессуальной деятельности мы выделяем принцип объективности, принцип процессуальной экономии; принцип справедливости и принцип добросовестности.

Объективность — это определяющее начало уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающее ее производство беспристрастно, независимо от представлений, интересов, взглядов, предпочтений субъектов её осуществляющих, либо иных лиц, участвующих в данной деятельности, экспертов, переводчиков, специалистов. Объективность находится в тесной взаимосвязи с законностью, независимостью не только судей,

но и иных должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и определяет правила эффективного производства по уголовным делам. Возможность осуществления именно такой деятельности предопределено необходимостью и целесообразностью реализации профессиональными участниками процесса наряду с выполнением своих обязанностей, такой функций как правоохранительная или правозащитная.

Надо отметить, что ранее в УПК РСФСР объективность рассматривалась наряду со всесторонностью и полнотой единым принципом уголовного процесса, который нацеливал правоприменителей на установлении истины в уголовном судопроизводстве. Отказ законодателя включить данный принцип в текст действующего Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) многие ученые объясняют появлением принципа состязательности, причем рассматривают его не только как препятствие к всестороннему, полному и объективному установлению обстоятельств дела, но и наоборот, как условие обеспечивающее возможность состязаться [9, с. 52–53; 10, с. 2; 16, с. 105].

В настоящее время законодатель не относит данную правовую категорию к числу принципов уголовного процесса, хотя упоминание об объективности как требовании к уголовно-процессуальной деятельности и как к принципу, соблюдение которого обязательно, можно встретить в тексте закона, например в статьях 35, 152, 154, 239.1, 325, 330, 340 УПК РФ. Так в статье 340 УПК РФ говорится что «стороны вправе заявить возражения... по мотивам нарушения принципа объективности и беспристрастности», а в статье 33 УПК РФ сформулировано положение, что при соединении уголовных дел, дело рассматривает вышестоящий суд в случае, если раздельное рассмотрение негативно отразится на всесторонности и объективности их разрешения. В главе 9 УПК РФ, посвященной обстоятельствам, исключающим участие в уголовном судопроизводстве должностных лиц, упоминания об объективности и беспристрастности отсутствуют, но фактически именно их имеет в виду законодатель, разделяющий правовые позиции Европейского суда по правам человека изложенные в решении по делу «Пьерсак против Бельгии» где указывается, что «всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются законные сомнения, должен выйти из состава суда» [11]. В своих Постановлениях Конституционный Суд РФ неоднократно упоминал о недопустимости игнорирования такого требования

как объективность и указывал на необходимость создания условий для объективного рассмотрения уголовных дел. Например, из содержания пп. 2.2 и 3 Постановления Конституционного Суда РФ № 18-П от 8 декабря 2003 года по делу «О проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» следует, что «...досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу», «...поэтому в случае выявления допущенных на предварительном расследовании процессуальных нарушений суд вправе самостоятельно принимать меры по их устранению с целью создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу». В Постановлении от 29 июня 2004 год Конституционный Суд РФ подтверждает ранее высказанную позицию «...обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения»¹. В законодательстве многих республик, расположенных на постсоветском пространстве, сохранен принцип всесторонности, полноты и объективности, например в ч. 5 ст. 20 УПК Литовской Республики говорится «Судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем и беспристрастном рассмотрении всех обстоятельств дела, руководствуясь при этом законом»², в ч. 2 ст. 18 УПК Республики Казахстан сказано «Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав. Решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств,

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 года № 18-П // Российская газета. — 2003. — 23 дек. (№ 257); По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П // Российская газета. — 2004. — 7 июля (№ 143).

² Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики // Сейм Литовской Республики : [сайт] — URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.62220?jfwid=rivwzvrvpg> (дата обращения 13.04.2021)

подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке»³.

В настоящее время относительно статуса такой правовой категории как «объективность» в науке уголовно-процессуального права не выработано единого мнения. В научной литературе можно встретить различные точки зрения, например, одни ученые считают, что данное правовое положение является принципом, другие утверждают обратное, третьи полагают, что это только один из элементов принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, который признавался законодателем и присутствовал в тексте уголовно-процессуального закона 1960 года, четвертые считают данную категорию методом уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 175–180; 12, с. 31–33; 15, с. 287].

Заключение

Полагая, что все изложенные точки зрения имеют право на существование, все-таки считаем, что требование объективности предъявляемое к деятельности должностных лиц представляет собой основополагающее руководящее положение, принцип, обеспечивающий эффективность уголовно-процессуальной деятельности. В обосновании данной позиции можно привести следующие доводы:

Объективность (беспристрастность, незаинтересованность) деятельности должностных лиц выражает сущность, характерные черты, содержание именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Поскольку сама уголовно-процессуальная деятельность носит познавательный характер и в ней основное, центральное место занимает именно деятельность, направленная на выявление, собиране, проверку (исследование) и оценку доказательств, а как мы ранее уже указывали, именно тщательность соблюдения всех требований по осуществлению данной деятельности обеспечивает ее эффективное осуществление в первую очередь законность всех действий и решений, а строгое соблюдение установленного порядка деятельности обеспечивает ее высокое качество и получение объективного результата, такого результата который не зависит от субъекта, осуществляющего данную деятельность, его пристрастий, желаний, слабостей или приказов вышестоящих руководителей.

Объективность носит не просто ориентирующий, а руководящий характер. Она предопределяет порядок осуществление правосудия.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // ИС Юрист — Параграф : [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения 13.04.2021).

Мы изначально презюмируем, что следователь, судья, прокурор объективны при осуществлении своей профессиональной деятельности и только представленные доказательства обратного, позволяют участникам процесса ставить вопрос об отводе указанных должностных лиц. Такой подход обеспечивает реализацию таких условий эффективности как справедливость, доступность, своевременность совершения действий и принятия решений, а также позволяет реализовать требование экономичности и достаточности.

Справедливость как правовая категория и критерий эффективной уголовно-процессуальной деятельности взаимосвязана с категорией объективности, поскольку проявляется там и тогда, когда должностные лица, осуществляющие указанную деятельность, свободны в своем выборе и качестве осуществления процессуальных действий независимо от желания и мнения иных лиц. Таким же образом реализуется критерий доступности участников процесса к данной деятельности, который проявляется в том числе и в обеспечении возможности заявления ходатайств, принесения жалоб, заявлений, требующих объективного рассмотрения и при наличии достаточных оснований, удовлетворения. Объективное выявление обстоятельств дела предопределяет возможность своевременного осуществления всех следственных действий, что обеспечивает и их достаточность и в целом экономичность всей деятельности, что также является обязательным критерием эффективности.

Объективность деятельности должностных лиц в уголовном судопроизводстве оценивается как принцип еще и постольку, поскольку выступает гарантией обеспечения прав и законных интересов участников и лиц, втянутых в орбиту данной деятельности. Отказ от данного правового положения сведет на нет все усилия по осуществлению правосудия в рамках закона, т. е. взаимосвязь, взаимозависимость указанных правовых категорий с объективностью очевидна.

Следует отметить, что объективность по своей сути является общеправовым принципом [5, с. 78]. О нем упоминается в статье 9 Кодекса судебной этики, в тексте присяги сотрудников прокуратуры. Данный принцип проявляется в деятельности всех должностных лиц, участников не только уголовно-процессуальной, но и административной, гражданско-процессуальной деятельности. Суть данного принципа, применимо же к уголовно-процессуальной деятельности, заключается в том, что этот принцип выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате должностных лиц, от которых требуется объективное собирание информации, ее анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его не причастности к преступной деятельности, обеспечение реализации обвиняемым своего права на защиту, например в форме объективного разрешения заявленных данным участниками, ходатайств, рассмотрение всех собранных доказательств и их правильная, незаинтересованная оценка. Предвзятое отношение следователя, дознавателя, прокурора, судьи участвующих в данной деятельности не только ограничит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовать свои права, но и создаст условия для принятия заведомо неправосудного решения.

Кроме того, объективность предполагает выбор должностными лицами таких следственных действий, которые соответствуют фактическим обстоятельствам, вызвавшим необходимость проведения расследования. Из всех возможных вариантов, следователь, дознаватель должен выбрать не просто любой по своему усмотрению, а тот, который может привести к достижению поставленной цели, к результату.

Высказанные доводы позволяют утверждать, что данный принцип обеспечивает осуществление именно эффективной деятельности.

Список литературы

1. Брестер, А. А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Брестер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. «Право». — 2012. — Вып. 1. — С. 74–81.
2. Будников, В. Л. О понятии, значении и системе процессуальных принципов предварительного следствия / В. Л. Будников // Общество. Право. Власть : межвузовский сборник научных трудов. Ч. 1. Современные проблемы правовой реформы. — Волгоград : Изд-во Волгоградского юрид. ин-та МВД РФ, 1997. — С. 70–72.
3. Бурданова, В. С. Поиски истины в уголовном процессе / В. С. Бурданова. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 262 с.
4. Гасанова, У. Н. Понятие и содержание беспристрастности, объективности и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства / У. Н. Гасанова // Общество и право. — 2016. — № 1 (55). — С. 175–180.

5. Григорян, В. Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / В. Л. Григорян. — Саратов : Поволжский ин-т управления, 2012. — 144 с.
6. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. — Москва : Юрид. лит., 1981. — 192 с.
7. Ергашев, Е. Р. Принципы прокурорско-надзорного права и его институтов : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : дис. ... докт. юрид. наук / Ергашев Евгений Рашидович. — Екатеринбург, 2008. — 311 с.
8. Кашепов, В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия / В. П. Кашепов // Журнал российского права. — 2015. — № 12. — С. 101–112.
9. Орлов, Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия / Ю. Орлов // Российская юстиция. — 2004. — № 2. — С. 52–53.
10. Подольный, Н. А. Новый УПК — новая идеология уголовного процесса / Н. А. Подольный // Российская юстиция. — 2002. — № 11. — С. 2–4.
11. Решение «Пьерсак против Бельгии» Европейского суда по правам человека от 1 октября 1982 г. // Европейский суд по правам человека : Избранные решения : в 2 т., Т. 1 / редкол.: В. А. Туманов [и др.]. — Москва : Норма и др., 2000. — 841 с.
12. Сатдинов, Л. В. Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование / Л. В. Сатдинов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2019. — № 1 (43). — С. 31–33.
13. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография / Н. Г. Стойко. — Санкт-Петербург : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. — 264 с.
14. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 2 / М. С. Строгович. — Москва : Наука, 1970. — 516 с.
15. Томин, В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В. Т. Томин. — Москва : Юрайт, 2009. — 384 с.
16. Тхакушинов, М. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дис. ... докт. юрид. наук / Тхакушинов Магомед Асланчериевич. — Санкт-Петербург, 2003. — 430 с.
17. Якимович, Ю. К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. — 252 с.
18. Якуб, М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1960. — 171 с.

References

1. Brester, A. A. Tsel ugovornogo protsesssa i ee znachenie dlya opredeleniya metoda ugovorno-protsessualnoy deyatel'nosti / A. A. Brester // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 14. «Pravo». — 2012. — Vyp. 1. — S. 74–81.
2. Budnikov, V. L. O ponyatii, znachenii i sisteme protsessualnykh printsipov predvaritel'nogo sledstviya / V. L. Budnikov // Obshchestvo. Pravo. Vlast : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Ch. 1. Sovremennye problemy pravovoy reformy. — Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo yurid. in-ta MVD RF, 1997. — S. 70–72.
3. Burdanova, V. S. Poiski istiny v ugovornom protsesse / V. S. Burdanova. — Sankt-Peterburg : Yurid. tsentr Press, 2003. — 262 s.
4. Gasanova, U. N. Ponyatie i sodержanie bespristrastnosti, obektivnosti i spravedlivosti primenitelno k sfere ugovornogo sudoproizvodstva / U. N. Gasanova // Obshchestvo i pravo. — 2016. — № 1 (55). — S. 175–180.
5. Grigoryan, V. L. Zashchita kak sistemoobrazuyushchiy faktor ugovornogo sudoproizvodstva i printsipy ee osushchestvleniya / V. L. Grigoryan. — Saratov : Povolzhskiy in-t upravleniya, 2012. — 144 s.
6. Gulyaev, A. P. Sledovatel v ugovornom protsesse / A. P. Gulyaev. — Moskva : Yurid. lit., 1981. — 192 s.
7. Yergashev, Ye. R. Printsipy prokurorsko-nadzornogo prava i ego institutov : spetsialnost 12.00.11 «Sudebnaya deyatel'nost, prokurorskaya deyatel'nost, pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost» : dis. ... dokt. yurid. nauk / Yergashev Yevgeniy Rashidovich. — Yekaterinburg, 2008. — 311 s.
8. Kashenov, V. P. Gumanizatsiya ugovornogo sudoproizvodstva kak printsip regulirovaniya rossiyskogo pravosudiya / V. P. Kashenov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2015. — № 12. — S. 101–112.
9. Orlov, Yu. Printsip sostyazatel'nosti v ugovornom protsesse: znachenie i predely deystviya / Yu. Orlov // Rossiyskaya yustitsiya. — 2004. — № 2. — S. 52–53.
10. Podolnyy, N. A. Novyy UPK — novaya ideologiya ugovornogo protsesssa / N. A. Podolnyy // Rossiyskaya yustitsiya. — 2002. — № 11. — S. 2–4.

11. Reshenie «Persak protiv Belgii» Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 1 oktyabrya 1982 g. // Yevropeyskiy sud po pravam cheloveka : Izbrannye resheniya : v 2 t., T. 1 / redkol.: V. A. Tumanov [i dr.]. — Moskva : Norma i dr., 2000. — 841 s.
12. Satdinov, L. V. Obektivnost pri proizvodstve po ugovolnomu delu: zakonodatelnoe zakreplenie i npravstvennoe obosnovanie / L. V. Satdinov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2019. — № 1 (43). — S. 31–33.
13. Stoyko, N. G. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitelnoe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh sistem : monografiya / N. G. Stoyko. — Sankt-Peterburg : Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yurid. fakulteta SPbGU, 2006. — 264 s.
14. Strogovich, M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa : v 2 t. T. 2 / M. S. Strogovich. — Moskva : Nauka, 1970. — 516 s.
15. Tomin, V. T. Ugolovnyy protsess: aktualnye problemy teorii i praktiki / V. T. Tomin. — Moskva : Yurayt, 2009. — 384 s.
16. Tkhakushinov, M. A. Realizatsiya printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva v ugovolno-protsessualnoy deyatel'nosti prokuratury : spetsialnost 12.00.09 «Ugolovnyy protsess» : dis. ... dokt. yurid. nauk / Tkhakushinov Magomet Aslancherievich. — Sankt-Peterburg, 2003. — 430 s.
17. Yakimovich, Yu. K. Sudebnoe proizvodstvo po UPK Rossiyskoy Federatsii / Yu. K. Yakimovich, T. D. Pan. — Sankt-Peterburg : Izd-vo R. Aslanova «Yurid. tsentr Press», 2005. — 252 s.
18. Yakub, M. L. Demokraticheskie osnovy sovetskogo ugovolno-protsessualnogo prava / M. L. Yakub. — Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1960. — 171 s.

Дата поступления статьи: 15.04.2021.

ФУНКЦИИ АДВОКАТА-ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ

Макашова Т. П.

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: t.p.ish@mail.ru.

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию вопроса функций уголовного судопроизводства, их видов и реализации адвокатом-представителем. Предметом исследования являются международно-правовые нормы, нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, доктринальные позиции российских ученых-процессуалистов. Вопрос относительно понятия и видов функций в уголовном процессе являлся дискуссионным в течении нескольких десятилетий, и остается актуальным в современных научных исследованиях. Виды функций уголовного процесса дифференцируются по различным основаниям, что также является объектом исследования. В работе автор формулирует понятие «функции уголовного процесса», выделяет отдельные виды. Также рассмотрены вопросы относительно специфики их реализации адвокатом-представителем. По мнению автора, адвокат-представитель незаслуженно обделен вниманием законодателя. Адвокат-представитель является самостоятельным субъектом, а реализуемые им в ходе уголовного судопроизводства функции весьма разнообразны.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, функции, адвокат, адвокат-представитель.

Для цитирования: Макашова, Т. П. Функции адвоката-представителя в уголовном судопроизводстве: виды и особенности / Т. П. Макашова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 116–121.

THE FUNCTIONS OF PRESENTING COUNSEL IN CRIMINAL PROCEEDINGS: TYPES AND FEATURES

T. P. Makashova

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: t.p.ish@mail.ru.

Abstract. This work is devoted to the study of the issue of criminal proceeding's functions, its types and the implementation by a presenting counsel. The subjects of the research are international legal norms, norms of domestic criminal procedure legislation, doctrinal positions of Russian procedural scientists. The question about the concept and types of functions in the criminal proceeding is the subject of debate for several decades, and remains relevant in today's scientific research. The types of functions of the criminal proceeding are differentiated on various grounds, which is also the object of research. In this work, the author formulates the concept of "the function of criminal process", identifies certain types and specifics of their implementation by presenting counsel. According to the author, presenting counsel is unjustly neglected by the legislator. Presenting counsel is an independent subject, the functions he implements during the criminal proceeding are very diverse.

Keywords: criminal proceeding, functions, counsel, presenting counsel.

For citation: Makashova T. P. The Functions of Presenting Counsel in Criminal Proceedings: Types and Features. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 116–121. (In Russ.)

Введение

В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, участники судопроизводства дифференцируются на три основные группы: суд, со стороны обвинения, со стороны защиты, и иные участники. Адвокат-защитник, как самостоятельный участник, отнесен к стороне защиты. Однако, при расследовании уголовных дел, адвокаты осуществляют не только защиту. Функции адвоката весьма разнообразны, в зависимости от статуса доверителя. Законодатель четко определяет функцию адвоката — защита. Однако, помимо адвоката-защитника в ходе судопроизводства также участвует и адвокат-представитель. Его полномочия закреплены в различных статьях уголовно-процессуального Кодекса РФ. Мы считаем, что и законодателем, и учеными-процессуалистами незаслуженно адвокат-представитель обделен вниманием. В настоящей статье будет предложено рассмотрение статуса адвоката-представителя с позиции реализуемых им функций.

Материалы и методы

Общий диалектический метод научного познания послужил методологической основой исследования, также использованы методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Описание проводимого исследования

Прежде чем приступить к описанию исследования, считаем целесообразным рассмотреть вопрос относительно понятия адвоката-представителя и сущности функций уголовного судопроизводства. Адвокат-представитель является прежде всего независимым профессиональным советником по правовым вопросам и имеющий право осуществлять адвокатскую деятельность¹. Принцип профессионализма реализуется посредством особенности получения статуса адвоката, регламентированного положениями ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». На адвоката, как профессионального юриста, возлагаются различные функции, обусловленные целями получения профессиональной юридической помощи. Международно-правовые акты содержат основные принципы реализации профессиональных навыков адвокатов. В «Основных принципах, касающиеся роли юристов» говорится следующее: «принимая во внимание, что для

обеспечения надлежащей защиты прав и основных свобод человека, пользоваться которыми должны все люди, независимо от того, являются ли эти права экономическими, социальными и культурными или гражданскими и политическими, необходимо, чтобы все люди действительно имели доступ к юридическим услугам, предоставляемым независимыми профессиональными юристами»². Помимо целей, задач и полномочий адвокат-представитель в своей деятельности реализует определенные функции. Законодательство связывает его деятельность лишь с полномочиями доверителя. В доктрине уголовного процесса также обесценивается его значение, нивелируются возможности. Между тем, функции адвоката-представителя производны от понятия и видов функций уголовного судопроизводства.

В доктрине права понятие его функций является весьма диспутным, по мнению А. А. Гавриковой [2, с. 43]. Вопрос о функциях уголовного судопроизводства, их сущности и видах, также является весьма дискуссионным, несмотря на его многолетние исследования. Уголовно-процессуальное законодательство определяет функции уголовного судопроизводства в положениях п. 2 ст. 15 УПК РФ: «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо», выделение указанных функций является реализацией принципа состязательности (п. 1 ст. 15 УПК РФ)³. Вопрос относительно функций уголовного судопроизводства и функций отдельных участников на протяжении многих лет является дискуссионным в науке уголовного процесса. Сформировались десятки подходов к определению понятия функций и видов классификации. Современные исследователи также отмечают путаницу правоприменителей относительно определения понятия функций, и даже сложности в понимании сущности данного явления. Например, К. А. Синкин и Д. А. Емельянова пишут: «проведенное нами анкетирование дознавателей различных ведомств и работников прокуратуры показало, что 60 % под уголовно-процессуальной функцией понимают направление деятельности, в то время как остальные 40 % полагают, что это круг полномочий и обязанностей органов,

² Основные принципы, касающиеся роли юристов : приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.

осуществляющих уголовное преследование» [6, с. 37]. Вышесказанное обуславливает необходимость рассмотрения данного вопроса.

В свое время исследователи исходили из подхода необходимости выделения трех основных функций: обвинения, защиты и разрешения дела. Данный подход именуется традиционным. Так, в частности, Л. Б. Алексеева в своей работе указывает: «Наметились два принципиально различных подхода к проблеме процессуальных функций. Первый, именуемый традиционным, выделяет лишь три функции, связанные с основными направлениями деятельности: обвинением, защитой и разрешением дела, а второй, выделяет еще и иные функции и является нетрадиционным» [4, с. 420]. Как показала практика, традиционный подход нашел свое отражение в законодательстве. Традиционного подхода придерживался также И. В. Тыричев, указывая, что «в этих трех функциях выражен тот специфический процессуальный смысл деятельности субъектов процесса, который на протяжении всей истории процесса служит основанием для определения того или иного типа процесса» [7, с. 47]. М. С. Строгович уголовными функциями называл «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности. В уголовном процессе существуют три основных уголовно-процессуальных функции: 1) обвинение (уголовное преследование), 2) защита и 3) разрешение дела» [7]. Указанный подход неоднократно критиковался в доктринальных источниках, что не удивительно. Мы считаем такой подход слишком категоричным и поддерживаем точку зрения Д. Беровой, сущность которой состоит в том, что «категоричность традиционного подхода к уголовно-процессуальным функциям в уголовном судопроизводстве, сразу же выявила слабые стороны такого теоретического построения. Сторонники традиционного подхода не смогли четко определиться с моментом, с которого в уголовном судопроизводстве начинают осуществляться указанные процессуальные функции» [1, с. 225]. Думается, что в процессе уголовного судопроизводства существуют этапы, которые выходят за рамки трех указанных функций, что оставляет данную деятельность без реализации функций уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, интерес представляет вопрос относительно самого понятия «функций». В доктрине уголовного судопроизводства отсутствует однозначность в его понимании. Интересный подход в данном контексте предложила П. С. Элькинд, так как, по ее мнению, функции — «это специальное назначение

и роль участников процесса, определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности» [9, с. 4]. Ею же была предложена классификация функций на основные, вспомогательные и побочные, охватывающие деятельность всех участников уголовного процесса. К основным относились функция расследования, обвинения, защиты, судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела. К вспомогательным функциям автор относил деятельность свидетелей, экспертов, переводчиков, понятых и др. Побочными функциями охватывалась деятельность гражданского истца и ответчика, поскольку эта деятельность имела производный характер от уголовного дела [7]. Думается, что в данном подходе уже имеет место определение времени и этапов реализации функций, привязанных к конкретным субъектам уголовно-процессуальной деятельности. Адвокат-представитель, как участник процесса, в соответствии с данной классификацией осуществляет так называемые «побочные функции».

В. С. Зеленецкий в отношении данного вопроса писал: «Если отношение субъекта к определенному объекту рассматривать в качестве его социальной позиции (без которой нет и не может быть ни обвинения, ни защиты, ни любой другой функции), а деятельность — как способ реализации этой позиции, то достигаемый в процессе такого взаимодействия названных элементов результат и представляет собой функцию» [3]. Следовательно, можно предположить, что сущность функции нельзя выводить лишь из процессуальной деятельности, а в качестве признака функции следует рассматривать содержание позиции субъекта процессуальной деятельности. Представляется, что данный подход отвечает понятию функции в уголовном судопроизводстве. Автор предложил классифицировать функции на общие и частные, на внешние и внутренние [3, с. 20]. В своей работе В. С. Латыпов предлагает выделять понятие функций в широком аспекте и узком: функциями следует понимать уголовно-процессуальную деятельность, выраженную в уголовном преследовании лица, совершившего либо готовящегося совершить преступление; в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; в разрешении уголовного дела (юстиция). Во втором случае следует исходить из роли и назначения каждого участника уголовного процесса, из конкретных задач, стоящих перед

ним, и преследуемых целей. Перспективным направлением является рассмотрение функций в узком смысле» [5, с. 96].

Результаты исследования и обсуждения

Такое многообразие подходов, по нашему мнению, обусловлено смешением понятия функций и правомочий субъектов, или зависимостью функций от правового статуса участника процесса. Мы считаем, что функциями не наделяются в соответствии с процессуальным статусом деятельности. Мы убеждены, что функции уголовного процесса существуют в связи с достижением цели уголовного судопроизводства, присущи субъектам для достижения поставленной цели. Авторским предложением в связи с указанным вопросом является понятие функции: «функции уголовно-процессуальной деятельности представляют собой направления, осуществляемые уполномоченными субъектами, направленные на достижение цели назначения уголовного судопроизводства, которыми являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

Считаем, что именно такое определение понятия функций уголовного судопроизводства позволяет реализовать на практике его назначение, которое состоит не только в защите, обвинении и судопроизводстве, а также и реализации прав иных участников — потерпевших и свидетелей. Данный аспект назначения уголовного судопроизводства реализует адвокат-представитель. Признание данного факта позволит на практике реализовать функции и полномочия адвоката-представителя посредством предоставления дополнительных полномочий.

В контексте заявленной темы хотелось бы подробнее остановиться на функциях, реализуемых адвокатом-представителем в уголовном судопроизводстве. В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, одной из функций является функция защиты. Законодатель формулирует такое определение: «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»¹. Очевидно, что понятие защиты весьма многогранно. По нашему мнению, элементы функции

¹ Пункт 1 ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

защиты в деятельности адвоката-представителя реализуется через полномочия, предоставляемые уголовно-процессуальным законодательством как ему самому, так и доверителю. Например, право обжалования неправомερных действий либо бездействие сотрудников правоохранительных органов. В связи с тем, что элементы функции защиты проявляются непосредственно в защите, охране прав, как недопущение их нарушения.

Безусловно, адвокат-представитель реализует функцию представительства, уже из названия своего статуса. Уголовно-процессуальный кодекс не содержит определения понятия «представитель» или «представительство», однако из анализа положений ст. 45, 55 УПК РФ, можно сделать вывод о наличии специальных критериев именно у адвоката, как представителя лица, права которого нарушены. Представительство, как функция, включает в себя значительное количество элементов. Непосредственное частое общение адвоката-представителя с доверителем обуславливает повышение уровня знаний в сфере применения норм права и уменьшения уровня правового нигилизма населения. Однако, для осуществления именно этой функции адвокат-представитель, по нашему мнению, не наделен достаточным количеством полномочий. Адвокат-представитель просто фактом своего присутствия способен предотвратить осуществление в отношении доверителя не процессуальных действия, а в остальном — права сводятся лишь к подаче ходатайств и жалоб (в необходимых случаях).

Отсюда закономерно вытекает реализация адвокатом — представителем еще одной немаловажной функции — образовательно-просветительской. Реализация данной функции сопровождает всю деятельность адвоката-представителя, так как в ходе непосредственного постоянного общения доверитель получает информацию, относящуюся к категории юридических знаний, навыков. Полученные знания позволяют доверителю знать не только о своих правах, но и способах защиты. Так, например, к адвокату М. обратилась Е. с просьбой сопровождать ее на допрос к следователю. Е. была привлечена в производство по уголовному делу в качестве свидетеля, так как работала бухгалтером в организации, руководитель которой подозревался в совершении преступления в соответствии с п. 2 ст. 199.2 УК РФ (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов).

На допрос Е. идти одна опасалась по психологическим причинам и именно в этих целях обратилась к адвокату-представителю. В ходе допроса адвокатом-представителем было обнаружено давление на свидетеля с целью получения определенных показаний, которые могут быть использованы против доверителя. Адвокат обратил на это внимание Е. и допрос был прекращен. После проведения следственного действия в ходе доверительной беседы адвокатом-представителем было дано разъяснение об особенностях и сущности уголовного судопроизводства и ведения «скрытого» расследования, были разъяснены основные права доверителя. Впоследствии также проанализирован ее статус и возможные перспективы. Е. была крайне удивлена тем фактом, что у нее есть определенные права (например, право отказать от давать показания в соответствии с положениями ст. 51 Конституции РФ, право обжаловать действия следователя), ее ситуация и действия могут быть оценены стороной обвинения по-разному. Также доверителю разъяснены сущность и содержание других положений законодательства, уже безотносительно к уголовному делу, о которых она и не догадывалась. Таким образом, Е., обратившись к адвокату-представителю лишь из чувства страха перед самим следователями, получила новую информацию о своих правах, что позволит не только понять и осуществить защиту своих прав в конкретной, настоящей ситуации, но и в последствии уже не допускать возникновения такой ситуации в отношении себя¹.

Указанная функция не является домыслом, выполнение образовательно-просветительской функции адвокатами-представителями предусмотрено международным законодательством. В частности, в Стандартах независимости юридической профессии содержатся

¹ Адвокатское производство адвоката Макашовой Т. П.

следующие положения: «на представителей юридической профессии и государственные органы возлагается обязанность обучать и просвещать общество относительно принципов правового государства, значения независимой судебной системы и всей юридической профессии, информировать их о правах и обязанностях, а также о возможных и надлежащих способах их осуществления»². Указанные стандарты приняты во взаимосвязи с Основными положениями о роли адвокатов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке, признаны мировым сообществом. По смыслу законодательства Российской Федерации именно адвокаты-представители в уголовном судопроизводстве выполняют эту функцию, реализуют положения указанных рекомендаций.

Заключение и вывод

В заключении хотелось бы отметить, что деятельность адвоката-представителя по уголовным делам, по нашему мнению, незаслуженно нивелирована. Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет крайне ограниченный перечень полномочий адвокат-представителя, даже не выделяя его в качестве самостоятельного субъекта. Адвокат-представитель является самостоятельным субъектом по достижению назначения уголовного судопроизводства — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ст. 6 УПК РФ), посредством реализации функций. В контексте настоящей статьи рассмотрены лишь некоторые функции, направленные на реализацию назначения уголовного судопроизводства, подчеркивающие важность и необходимость деятельности адвоката-представителя.

² Стандарты независимости юридической профессии, принятые Международной ассоциацией юристов в сентябре 1990 г. в Нью-Йорке.

Список литературы

1. Берова, Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // Общество и прав. — 2010. — № 4. — С. 224–232.
2. Гаврикова, А. А. Место и роль воспитательной функции в системе функций права / А. А. Гаврикова // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 3. — С. 42–47.
3. Зеленецкий, В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности : учеб. пособие / В. С. Зеленецкий. — Харьков : Харьковский юридический институт, 1978. — 78 с.
4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — Москва : Юридическая литература, 1989. — 638 с.
5. Латыпов, В. С. Функция содействия в системе уголовно-процессуальных функций: теоретический аспект / В. С. Латыпов // Черные дыры в Российском законодательстве. — 2017. — № 5. — С. 95–98.
6. Синкин, К. А. К вопросу о понятии и сущности функций уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России / К. А. Синкин, Д. А. Емельянова // Российско-азиатский правовой журнал. — 2021. — № 1. — С. 36–42.

7. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. П. А. Лупинской. — Москва : Юристъ, 1995. — 408 с.
8. Элькин, П. С. К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе / П. С. Элькин // Вопросы теории и практики прокурорского надзора : межвузовский научный сборник. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. — С. 3–13.
9. Элькин, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькин. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 172 с.

References

1. Berova, D. M. Ponyatie i sistema funktsiy v уголовном sudoproizvodstve / D. M. Berova // Obshchestvo i prav. — 2010. — № 4. — S. 224–232.
2. Gavrikova, A. A. Mesto i rol vospitatelnoy funktsii v sisteme funktsiy prava / A. A. Gavrikova // Otechestvennaya yurisprudentsiya. — 2017. — № 3. — S. 42–47.
3. Zelenetskiy, V. S. Funktsionalnaya struktura prokurorskoй deyatelnosti : ucheb. posobie / V. S. Zelentskiy. — Kharkov : Kharkovskiy yuridicheskiy institut, 1978. — 78 s.
4. Kurs sovetskogo ugovalnogo protsessа. Obshchaya chast / pod red. A. D. Boykova, I. I. Karpetsa. — Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1989. — 638 s.
5. Latypov, V. S. Funktsiya sodeystviya v sisteme ugovalno-protsessualnykh funktsiy: teoreticheskiy aspekt / V. S. Latypov // Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatelstve. — 2017. — № 5. — S. 95–98.
6. Sinkin, K. A. K voprosu o ponyatii i sushchnosti funktsiy ugovalnogo presledovaniya v ugovalnom sudoproizvodstve Rossii / K. A. Sinkin, D. A. Yemelyanova // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. — 2021. — № 1. — S. 36–42.
7. Ugalovnyy protsess : ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. P. A. Lupinskoy. — Moskva : Yurist, 1995. — 408 s.
8. Elkind, P. S. K voprosu o funktsii obvineniya v sovetskom ugovalnom protsesse / P. S. Elkind // Voprosy teorii i praktiki prokurorskoй nadzora : mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-tа, 1974. — S. 3–13.
9. Elkind, P. S. Sushchnost sovetskogo ugovalno-protsessualnogo prava / P. S. Elkind. — Leningrad : Izd-vo Leningr. un-tа, 1963. — 172 s.

Дата поступления статьи: 05.06.2021.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ТАЙНЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

Черкасов В. С.

Дальневосточный юридический институт МВД России

г. Владивосток, Российская Федерация

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4241-3650>

Аннотация. Человек доверяет информационным технологиям огромный массив личных данных: банковские транзакции, пароли, электронные сообщения, персональные данные, а также множество иной информации. С одной стороны, возможность использования информационных технологий делает жизнь современно человека более комфортной, но с другой, позволяет аккумулировать всю данные о жизнедеятельности каждого члена современного общества в единых информационных системах. Данное обстоятельство обеспечивает правоохранительным органам удобный источник доказательств. При этом ключ от названных информационных систем каждый из нас хранит при себе. Таким ключом является «смартфон» или иное оконечное оборудование. В представленной статье рассматриваются особенности соблюдения режимов различных видов тайн при производстве следственных действий в отношении оконечного оборудования (смартфона, компьютера, планшета) пользователей электросвязи. Раскрываются уязвимости законодательных гарантий, которые в условиях цифровизации должны обеспечить ограничение доступа и последующего использования профессиональной, свидетельской, коммерческой, государственной тайны в рамках уголовного преследования. Сложность совершенствования правового регулирования юридических гарантий, обеспечивающих неприкосновенность названной информации, детерминируется: во-первых, многообразием видов режимов тайн, во-вторых, отсутствием у сотрудника органа предварительного расследования возможности знать с каким видом тайны ему предстоит столкнуться при производстве следственного действия.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронные носитель информации, коммерческая тайна, профессиональная тайна, государственная тайна, свидетельский иммунитет, уголовный процесс.

Для цитирования: Черкасов, В. С. Проблема обеспечения режима тайны электронной информации при уголовном преследовании / В. С. Черкасов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 122–127.

THE PROBLEM OF ENSURING THE SECRECY OF ELECTRONIC INFORMATION IN CRIMINAL PROSECUTION

V. S. Cherkasov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Vladivostok, Russian Federation

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4241-3650>

Abstract. A person trusts information technologies with a huge array of personal data: bank transactions, passwords, electronic messages, personal data, as well as many other information. On the one hand, the possibility of using information technologies makes the life of a modern person more comfortable, but on the other hand, it allows you to accumulate all the data about the life of each member of modern society in unified information systems. This circumstance provides law enforcement agencies with a convenient source of evidence. At the same time, each of us keeps the key to these information systems with us. Such a key is a “smartphone” or other terminal equipment. The article deals with the peculiarities of compliance with the regimes of various types of secrets in

the production of investigative actions in relation to the terminal equipment (smartphone, computer, tablet) of telecommunications users. The article reveals the vulnerabilities of legislative guarantees that, in the context of digitalization, should ensure the restriction of access and subsequent use of professional, witness, commercial, and state secrets in the framework of criminal prosecution. The complexity of improving the legal regulation of legal guarantees that ensure the inviolability of the above-mentioned information is determined: first, by the variety of types of secrecy regimes, and secondly, by the lack of an employee of the preliminary investigation body to know what kind of secrecy he will face in the course of an investigative action.

Keywords: electronic evidence, electronic media, commercial secret, professional secret, state secret, witness immunity, criminal procedure.

For citation: Cherkasov V. S. The Problem of Ensuring the Secrecy of Electronic Information in Criminal Prosecution. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 122–127. (In Russ.)

Введение

Информационные технологии являются неотъемлемой частью жизнедеятельности современного общества. Используя различные интернет-сервисы, человек доверяет информационным технологиям большой объем личных данных. В подобных условиях необходимо поставить вопрос о защищенности личных данных, в частности, при уголовном преследовании.

Описание проводимого исследования

В науке уже неоднократно обсуждалась проблема распространения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, предусмотренной ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, на все виды «электронных коммуникаций» [1; 3; 5]. Кроме названного вида режима тайны, существуют и другие. В настоящем исследовании рассмотрен вопрос о защищенности профессиональной, свидетельской, коммерческой, государственной тайны при производстве следственных действий в отношении оконечного оборудования пользователей электросвязи.

Результат исследования и обсуждение

Свидетельский иммунитет, предусмотренный ст. 51 Конституции РФ, закрепляет правило, связанное с волеизъявлением лица о даче показаний, относительно обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела. В данном случае закон закрепляет запрет на получения идеальных (личных) доказательств, содержащихся в сознании свидетеля без его волеизъявления. Однако электронная информация существует объективно в окружающей среде.

Исходя из этого, можно привести аналогию с собиранием материальных следов преступления, которые не содержатся в сознании участника уголовного судопроизводства

(трасологических следов, предметов, документов, почтовых отправлений, телефонных переговоров и т. д.). При производстве следственных действий, направленных на сбор указанных доказательств, сотруднику органа предварительного расследования совершенно безразлично волеизъявление свидетеля, подозреваемого или обвиняемого. Поэтому логично предположить, что действие свидетельского иммунитета на получение электронной информации не распространяется.

Однако в условиях развития информационных технологий названное правило допустимо подвергнуть критическому осмыслению.

Достаточно важным вопросом является допустимость использования электронных сообщений лиц, обладающих «профессиональным» свидетельским иммунитетом, предусмотренным ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Не исключен вариант того, что лица, перечисленные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, могут использовать интернет-мессенджеры в своей профессиональной деятельности. При этом электронные сообщения указанных лиц не являются показаниями, из чего можно сделать вывод, что и свидетельский иммунитет на них не распространяется.

Так, детальную регламентацию получила адвокатская тайна. В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации»¹ проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. При этом в ст. 450.1 УПК РФ указано, что производство осмотра обыска, выемки

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Российская газета. — 2002. — 05 июня.

в жилых и служебных помещениях, используемых адвокатом для осуществления профессиональной деятельности, а также самого адвоката, возможно при соблюдении неприкосновенности адвокатской тайны. Не исключены случаи, когда адвокат сам совершает преступление, и сведения имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться на его мобильном телефоне или ином электронном носителе информации.

Исходя из положения ст. 450.1 УПК РФ, по судебному решению допустимо производить следственные действия, в ходе которых возможно изъять электронный носитель информации, принадлежащий адвокату. Но в данном случае следователь получит доступ не только к электронным сообщениям адвоката, содержащим сведения, имеющим значение для уголовного дела, но и электронным сообщениям, которые отправляли друг другу адвокат и его доверитель. Данные сведения могут представлять интерес для правоохранительных органов. Приведенная ситуация возможна и для других лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

В этом случае уголовно-процессуальный закон не дает однозначного ответа о распространении режима адвокатской тайны на электронные сообщения между адвокатом и его доверителем, содержащиеся на изъятых электронных носители информации. Тем не менее, совершенно очевидно, что осмотр изъятого у адвоката электронного носителя информации также необходимо производить по судебному решению с соблюдением неприкосновенности сведений, которые составляют адвокатскую тайну.

Подобная информация во всех случаях должна признаваться недопустимым доказательством, что обусловлено положением ст. 450.1, где указано, что предметы и сведения, составляющие адвокатскую тайну, не могут быть изъяты или зафиксированы (в том числе с использованием технических средств) при производстве следственных действий. В данном случае адвокатская тайна законодательно получила распространение не только на показания адвоката, но и на сведения, объективно существующие во внешней среде: документы, электронную информацию (материальные доказательства).

Следует отметить, что Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) придерживается позиции, согласно которой на электронную информацию, изъятую в ходе правомерного обыска, также распространяется режим адвокатской тайны. Изъятие и исследование подобной информации ЕСПЧ оценивает как

нарушение права на уважение частной корреспонденции, предусмотренной ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹.

Показательным примером, относительно обозначенного тезиса является Постановление ЕСПЧ от 16 октября 2007 года «Визер и компания «Бикос бетейлигунген ГмбХ» (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH) против Австрии»². Согласно постановлению, Визер (физическое лицо) совмещал адвокатскую деятельность с владением и управлением холдинговой компанией «Бикос бетейлигунген ГмбХ», являющейся вторым заявителем по делу. Компания «Бикос бетейлигунген ГмбХ» фактически располагалась в юридическом офисе Визер. Региональный суд Австрии выдал судебное разрешение на производство обыска в офисе компании.

В ходе обыска изымались и исследовались документы, если заявитель возражал против немедленного исследования документов, они опечатывались и передавались в региональный суд в соответствии с УПК Австрии. Также было произведено исследование компьютера, находившегося в офисе, и записано несколько файлов на диск. При исследовании компьютера присутствовал представитель адвокатской коллегии.

Оценивая производство обыска ЕСПЧ указал, что обыск и изъятие электронных данных заявителей представляли собой вмешательство властей в право на уважение «корреспонденции». Суд указал, что обыск является правомерным, однако при этом гарантии адвокатской тайны соблюдались в отношении документов, а не электронных данных. Уклонение полицейских от соблюдения определенных процессуальных гарантий, имевших целью помешать «произволу» и защитить профессиональную тайну адвоката, делает обыск и изъятие электронных данных первого заявителя несоразмерными преследуемой законной цели. ЕСПЧ констатировал нарушение ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» в части исследования электронной информации, попадающей под режим адвокатской тайны.

Таким образом, ЕСПЧ распространяет действие адвокатской тайны на сведения, выраженные в электронной форме, и указывает на необходимость соблюдения специальных

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 3.

² Постановление ЕСПЧ от 16 октября 2007 года «Визер и компания «Бикос бетейлигунген ГмбХ» (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH) против Австрии» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2008. — № 4.

правил при производстве обыска в отношении адвоката. Однако вопрос о распространении адвокатской тайны на электронные носители информации (смартфон, планшет и т. д.), которые находятся при адвокате (не в его кабинете или жилище), ЕСПЧ не затронул. Представляется верным что, в данном случае адвокатская тайна также имеет юридическую силу, так как фактически нет никакой разницы между электронными носителями информации, находящимися в жилище или служебном помещении адвоката, и электронном устройстве, находящемся непосредственно при нем, или в ином месте (автомобиле, гараже и т. д.).

В настоящий момент УПК РФ не содержит норм, раскрывающих вопрос распространения свидетельского иммунитета на электронные сообщения в связи осуществлением профессиональной деятельности лиц, указанных в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Следует признать, что в уголовно-процессуальном законодательстве существует необходимость расширения границ режима адвокатской тайны, а также аналогичных видов профессиональных тайн, вытекающих из лиц, предусмотренных ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

Для сравнения в Уголовно-процессуальном кодексе Федеральной Республики Германия (далее — УПК ФРГ)¹ режим свидетельского иммунитета распространяется на электронные сообщения, доступ к которым можно получить через электронный носитель информации, находящийся в фактическом владении лица. Как указывает П. В. Головненков: «Согласно § 97 (абз. 1 № 1) УПК ФРГ не подлежит выемке переписка между обвиняемым и лицами, которые имеют право отказаться от дачи показаний на основании § 52, 53 (абз. 1 предл. 1 № 1-3b), 53a УПК ФРГ (супруг/супруга, помолвленный/-ая, лица, состоящие с обвиняемым в родстве или свойстве, священнослужители, защитники, адвокаты, налоговые консультанты, врачи, сотрудники признанных государством консультаций и т. д., а также их профессиональные помощники). Запрет на выемку распространяется, согласно § 97 (абз. 1 № 2) УПК ФРГ, также на записи, которые лица, перечисленные в § 53 (абз. 1 предл. 1 № 1-3b), 53a УПК ФРГ, сделали о сообщениях, доверенных им обвиняемым, или о других обстоятельствах, на которые распространяется право на отказ от дачи показаний» [2].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеральной Республики Германии от 12.09.1950 года // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz : Bundesamt für Justiz. — URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/index.html (дата обращения 10.04.2021).

Вопрос о распространение режима «коммерческой тайны» на электронную информацию, доступ к которой открывается с помощью электронного носителя. В соответствии с п. 2 ст. 3 закона «О коммерческой тайне»², информация, составляющая коммерческую тайну — это «сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны».

Очевидно, что указанные сведения могут быть распространены с помощью различных интернет-сервисов между заинтересованными лицами (между учредителями юридического лица, контрагентами договора коммерческой концессии «франчайзинг» и т. д.). Так, ч. 3 ст. 6 закона «О коммерческой тайне» предусматривает для обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, а также для органа государственной власти, местного самоуправления, получившего такую информацию, обязанность предоставлять названную информацию по запросу органа предварительного расследования по делам, находящимся в их производстве.

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 6 закона «О коммерческой тайне», предусматривает для обладателя подобной информации механизм самозащиты. Как указывает К. В. Пронин: «Во всех случаях, когда обладатель коммерческой тайны считает требования государственного органа (органа местного самоуправления) о предоставлении ему тех или иных конфиденциальных сведений незаконными и отказывается исполнить запрос, инициатор запроса, согласно части 2 статьи 6 Закона «О коммерческой тайне», наделяется правом затребовать эту информацию в судебном порядке».

Рассмотрение дела в суде дает обеим сторонам спора равные процессуальные возможности для отстаивания своей позиции, что является дополнительной правовой гарантией от злоупотреблений со стороны чиновников. Кроме того, обладатель коммерческой тайны также наделен правом на обращение в суд — он может подать иск о признании

² О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ // Российская газета. — 2004. — 05 авг.

соответствующего предписания государственного органа (органа местного самоуправления) не соответствующим закону, иному нормативному правовому акту» [4]. Доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, через электронный носитель фактически лишает обладателя данной информации механизма судебной самозащиты.

В настоящее время существуют специальные приложения (программы), которые позволяют управлять банковским счетом (производить транзакции, оплачивать счета, брать кредит, осуществлять вклады, наблюдать информацию по счету и т. д.) с помощью оконечного оборудования. Исходя из этого, через электронный носитель информации возможно получить доступ к банковской тайне. Согласно ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹, справки по операциям и счетам юридических лиц, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также физических лиц, выдаются кредитной организацией, при наличии согласия руководителя следственного органа, по делам, находящимся в их производстве.

При этом, согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Взаимосвязанные положения п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» накладывают на следователя ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа. Согласно названным положениям следователь вправе собирать сведения, попадающие под режим банковской тайны, только при наличии согласия руководителя следственного органа по возбужденному уголовному делу. Очевидно, что осмотр электронного носителя информации, который может быть произведен до возбуждения уголовного дела и соответственно «банковского» приложения, согласия руководителя следственного органа не требует, что фактически необоснованно исключает ведомственный контроль, и содержит предпосылки для нарушения режима банковской тайны.

Электронный носитель информации может содержать сведения или открывать доступ

¹ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Российская газета. — 1996. — 10 февр.

к сведениям, составляющим государственную тайну. В соответствии со вторым абзацем ст. 2 закона «О государственной тайне»², под носителями сведений, составляющих государственную тайну, понимаются «материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов». Представляется, что лица, обладающие доступом к информации, составляющей государственную тайну, могут обмениваться между собой электронными сообщениями, в которых может содержаться государственная тайна.

При этом, исходя из положения п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, судебное решение необходимо получать, только при производстве выемки предметов и документов, составляющих государственную тайну. Для следственного осмотра такого требования в УПК РФ не содержится. Следуя логике законодателя, можно предположить, что если судебное разрешение на изъятие предметов и документов уже получено, то повторное разрешение на их осмотр уже не нужно. Названный механизм позволяет сотрудникам органов предварительного расследования получать доступ к сведениям, составляющим государственную тайну без судебного решения.

Заключение

Электронный носитель открывает доступ к информации, которая может относиться к многообразию вариаций режимов тайн, предусмотренных законодательством. Существующий в правоприменительной практике уголовно-процессуальный порядок получения электронной информации позволяет игнорировать законодательные ограничения получения доступа к рассмотренным видам тайн.

Вывод

Юридические гарантии, обеспечивающие защиту различных видов тайн при производстве следственных действий в отношении оконечного оборудования пользователей электросвязи, не соответствуют сформировавшимся под воздействием информационных технологий общественным отношениям. Сложность правового регулирования заключается: во-первых, в многообразии видов режимов тайн, во-вторых, отсутствием у сотрудника органа предварительного расследования возможности знать с каким видом тайны ему предстоит столкнуться при производстве следственного действия.

² О государственной тайне : Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // Российская газета. — 1993. — 21 сент.

Список литературы

1. Васюков, В. Ф. Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации / В. Ф. Васюков // Уголовный процесс. — 2016. — № 10. — С. 64–67.
2. Головненков, П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2016. — 311 с.
3. Оконенко, Р. И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия / Р. И. Оконенко // Адвокат. — 2015. — № 1. — С. 27–30.
4. Пронин, К. В. Защита коммерческой тайны / К. В. Пронин. — Москва : ГроссМедиа : ГроссМедиа Ферлаг, 2006. — 143 с.
5. Хайдаров, А. А. Незаконная практика фиксации личной переписки граждан на мобильных устройствах / А. А. Хайдаров // Уголовный процесс. — 2017. — № 5. — С. 36–41.

References

1. Vasyukov, V. F. Osmotr, vyemka elektronnykh soobshcheniy i poluchenie kompyuternoy informatsii / V. F. Vasyukov // Ugolovnyy protsess. — 2016. — № 10. — S. 64–67.
2. Golovnenkov, P. V. Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya : Strafgesetzbuch (StGB) : nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona / P. V. Golovnenkov. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — Moskva : Prospekt, 2016. — 311 s.
3. Okonenko, R. I. K voprosu o pravomernosti osmotra kompyutera kak sledstvennogo deystviya / R. I. Okonenko // Advokat. — 2015. — № 1. — S. 27–30.
4. Pronin, K. V. Zashchita kommercheskoy tayny / K. V. Pronin. — Moskva : GrossMedia : GrossMedia Ferlag, 2006. — 143 s.
5. Khaydarov, A. A. Nezakonnaya praktika fiksatsii lichnoy perepiski grazhdan na mobilnykh ustroystvakh / A. A. Khaydarov // Ugolovnyy protsess. — 2017. — № 5. — S. 36–41.

Дата поступления статьи: 16.04.2021.

КАТЕГОРИИ ОБЩЕГО, ЕДИНИЧНОГО, ОСОБЕННОГО КАК ОСНОВА КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Головко И. И.

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru.*

Аннотация. Статья посвящена представлению результатов исследования общего, единичного, особенного применительно к отдельным направлениям прокурорской деятельности и деятельности в целом. Формирующаяся практика реализации полномочий прокуроров показывает целесообразность комплексного подхода, особенно в целях защиты прав граждан и публичного интереса, когда объединяются результаты реализации надзорных и ненадзорных полномочий прокуроров. Примененный подход в деятельности прокуратуры советского периода был применим ограниченно в силу осуществления надзора на всех направлениях, в том числе в судопроизводстве. Современное законодательство о прокуратуре позволяет применить комплексный подход. В науке прокурорской деятельности выводы по обозначенным в статье вопросам не обосновывались, что требует обращения внимания на изученные вопросы. Общетеоретической основой выступили знания различных юридических наук. Использованы методы аналогии, анализа и синтеза, сравнения, обобщения. Полученные результаты показывают движение процесса познания комплексной прокурорской деятельности от частного к общему и снова от общего к частному. Это позволяет обогатить науку знанием о составляющих комплексной деятельности, об общих признаках и отличительных особенностях отдельных направлений в их составе. Важнейшим результатом проведенного исследования является вывод о внешних взаимосвязях и особенностях внутренних взаимосвязей, что позволяет выделить соответствующее комплексное направление деятельности и обеспечить его осуществление в практике. Сделан вывод о значимости информационного обеспечения, обмена информацией между отдельными структурными подразделениями прокуратуры и прокурорскими работниками. Полное установление всех составляющих комплексную деятельность направлений и закономерностей включения их в общий комплекс создает перспективу предсказания тех направлений, которые могут войти в комплексную деятельность в последующем; создает необходимую основу моделирования изучаемой деятельности.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, направления деятельности, комплексный подход, общее и особенное, единичное.

Для цитирования: Головко, И. И. Категории общего, единичного, особенного как основа комплексного подхода в исследовании прокурорской деятельности / И. И. Головко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 128–132.

CATEGORIES OF GENERAL, SINGULAR, SPECIAL AS THE BASIS OF A COMPREHENSIVE APPROACH IN THE STUDY OF PROSECUTORIAL ACTIVITY

I. I. Golovko

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's office of the Russian Federation
E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru.*

Abstract. The article is devoted to the presentation of the results of the study of the general, individual, special in relation to certain areas of prosecutor's activity and activity in general. The emerging

practice of implementing the powers of prosecutors shows the feasibility of a comprehensive approach, especially in order to protect the rights of citizens and the public interest, when the results of the implementation of the supervisory and non-supervisory powers of prosecutors are combined. The applied approach was hardly applicable in the activities of the prosecutor's Office of the Soviet period due to the implementation of supervision in all areas, including in court proceedings. Modern legislation on the prosecutor's Office allows us to apply a comprehensive approach. In the science of prosecutorial activity, the conclusions on the issues outlined in the article were not justified, which requires paying attention to the studied issues. The general theoretical basis was the knowledge of various legal sciences. The methods of analogy, analysis and synthesis, comparison, generalization are used. The obtained results show the movement of the process of cognition of complex prosecutor's activity from the particular to the general and again from the general to the particular. This allows us to enrich the science with knowledge about the components of complex activities, about the common features and distinctive features of individual areas in their composition. The most important result of the study is the conclusion about external relationships and the features of internal relationships, which allows you to identify the appropriate complex direction of activity and ensure its implementation in practice. The conclusion is made about the importance of information support, information exchange between individual structural divisions of the prosecutor's office and prosecutor's employees. The complete establishment of all the directions that make up the complex activity and the regularities of their inclusion in the general complex creates the prospect of predicting those directions that can be included in the complex activity in the future; it creates the necessary basis for modeling the studied activity.

Keywords: prosecutor's activity, areas of activity, integrated approach, general and special, individual.

For citation: Golovko I. I. Categories of General, Singular, Special as the Basis of a Comprehensive Approach in the Study of Prosecutorial Activity. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 128–132. (In Russ.)

Введение

Отмечают, что комплексные исследования выдвинули проблему целостности на передний план современной науки, получены результаты не только в естествознании, но и в ряде отраслей общественного знания [3, с. 214].

Приведенное высказывание применимо к науке прокурорской деятельности, в которой зачастую возникает необходимость исследовать сложную прокурорскую деятельность, которая объединяет деятельность в рамках нескольких направлений, которые имеют особый предмет, задачи и отличаются полномочиями прокурора. В качестве примеров таких сложносоставных направлений укажем защиту жилищных прав граждан, защиту публичных интересов в области охраны окружающей среды, защиту прав несовершеннолетних в сфере информационной безопасности. В рамках названных комплексных направлений осуществляется не только надзор, но и ненадзорная деятельность (участие в рассмотрении дел судами, предупреждение правонарушений, координация борьбы правоохранительных органов с преступностью и пр.).

Материал и методы

В подобной ситуации, охватывая мысленно различные направления деятельности, первоначально мы видим их состав и характерную для них специфику.

Комплексный подход позволяет осуществить сбор разносторонней информации о предмете при помощи наиболее коротких причинно-следственных отношений, минуя менее явные внутренние взаимосвязи, и направлен на постижение сути конкретных явлений и процессов [1].

С помощью категории целостности оказалось возможным четко выделить объект исследования, в котором обозначены не только познанные его части, но и те, которые должны быть познаны [3, с. 214].

В первую очередь необходимо отметить основную специфику комплексных направлений прокурорской деятельности — деятельность прокурора разделяется на надзорную и ненадзорную в соответствии с надзорной и ненадзорными функциями прокуратуры. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»¹ закрепил также соответствующие им полномочия прокурора. Таким образом, исследование подобных сложных образований предполагает выход за пределы одной функции прокуратуры и поиск общих закономерностей.

В подобной ситуации объединение направлений прокурорской деятельности осуществляется не в соответствии с предписаниями

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

нормативных правовых актов или положениями теории прокурорской деятельности. Отметим, что в правовой основе и теории указанный вопрос не нашел разрешения. Объединение нескольких направлений деятельности происходит по субъективному критерию, в связи с проводимым конкретным исследованием и в зависимости от поставленных исследовательских задач применительно к объекту — правоотношениям в конкретной сфере. На первом этапе исследования важно полно выявить взаимосвязанные направления деятельности в рамках изучаемой проблемы.

Именно комплексный подход позволяет обнаружить некоторые общие свойства у большого числа разнокачественных по содержанию отношений, связей и преобразований [4, с. 94].

Комплексный подход больше связан с нормативной (практически-целевой, в этом смысле — сильнее зависящей от субъекта) установкой исследователя или практикой [1].

В качестве методологического ориентира укажем положение о том, что комплексный (целостный) анализ объекта исследования предпринимается тогда, когда исследование строится по аналитическому плану. Для этой цели вначале объединяется вся совокупность факторов, так или иначе обуславливающих данное явление, чтобы вычленил те из них, которые будут изучаться в данном исследовании. Влияние этих выделенных факторов на изучаемое явление и составляет, как правило, предмет конкретного аналитического исследования [2, с. 192].

В научной публикации в области процессуального права высказано заслуживающее внимания мнение, что гражданский, арбитражный процесс и исполнительное производство, а также правовые нормы, их регулирующие, необходимо рассматривать как целостное образование. Это такое целое, части которого неоднородны и объединены по субъективному признаку (по целевой направленности, задачам и другим признакам), т. е. совсем иначе, чем части гражданского процессуального или арбитражного процессуального права [6]. Таким образом, в юридических науках поддерживается точка зрения о возможности применения комплексного подхода.

Все эти направления имеют не только различия, но и общие свойства, черты, признаки, что позволяет исследователю соединить разные направления.

В первую очередь такими признаками выступают прокурор как субъект деятельности, цель прокуратуры и защищаемые прокурором лица, принципы организации и деятельности прокуратуры и пр.

Таким образом, мы получили общее как свойство, сторону каждого из отдельных направлений деятельности, включенных в общее сложносоставное направление комплексного характера.

Рассматриваемое объединенное образование, мы сможем установить, какими различными свойствами оно характеризуется, какие черты присущи отдельным составляющим. От того, какие составляющие включены в объединение, зависит результат в виде свойств комплекса. Полномочия прокурора определяются особенностями направления деятельности, не дублируются, в связи с чем имеют равное значение в общем комплексе полномочий прокурора. Исключение одного из них, полагаем, возможно рассматривать в качестве препятствия в обеспечении достижения цели прокуратуры Российской Федерации.

Так, применительно к защите прокурором жилищных прав граждан зачастую необходима защита нарушенных или оспариваемых прав путем участия прокурора в рассмотрении дел судами в гражданском и административном судопроизводстве. В связи с этим представляется необходимым рассматривать общее как объединение всех функций и направлений прокуратуры, в рамках которых имеется возможность применения полномочий прокурора для достижения защиты жилищных прав граждан. В связи с этим основной критерий объединения направлений в общее целое — функциональный, предполагаемый результат.

Как единичное каждое отдельно взятое направление выполняет особую роль, его вклад в общий результат специфичен, индивидуален. Специфические свойства отдельных составляющих необходимы для достижения цели, но не единственно применимы, они не дублируются, не взаимозаменяемы. В то же время отдельные меры взаимосвязаны и находятся в определенных отношениях между собой (например, в части оптимальной последовательности применения).

При наличии оснований внесение представления как акта реагирования не исключает в дальнейшем обращения в суд с заявлением в случае безрезультатности указанной меры. Отклонение протеста на незаконный нормативный правовой акт требует предъявления в суд административного искового заявления.

Составляющие указанной комплексной прокурорской деятельности взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Происходит обмен информацией между направлениями

деятельности, в частности обмен информацией о нарушении и принимаемых мерах, о результатах работы. На основании полученной информации определяется необходимость применения других конкретных мер и будет сделан вывод о достижении/недостижении цели деятельности.

Результаты исследования и обсуждения

Таким образом, устанавливается полное содержание комплекса изучаемой деятельности.

В числе признаков комплекса указывали — четкость, связанность и предсказуемость, это совокупность всех внутренних взаимодействий и вызываемых ими изменений, происходящих в комплексе [5, с. 12].

Как отмечают, познавая внутренние взаимодействия и обусловленные ими изменения, мы воспроизводим в сознании сначала внешние, а затем и внутренние способы соединения элементов содержания, относительно устойчивую структуру, в рамках которой осуществляются все взаимодействия и процессы [5, с. 13].

Так, рассматривая сложные направления прокурорской деятельности, внешним аспектом объединения составляющих являются отмеченные нами единый субъект деятельности (прокурор), цель органов прокуратуры и пр.

В то же время внутренним аспектом объединения выступают особенности организации деятельности, направленные на объединение отдельных составляющих направлений в единой целое. В первую очередь — информационное обеспечение, аналитическая работа, взаимодействие отдельных подразделений и прокурорских работников, планирование деятельности.

Отмечают, что выявляемая в процессе познания внешняя и внутренняя структура исследуемых образований, относительно устойчивый комплекс взаимосвязей их сторон выражается категорией «форма» [5, с. 13]. В прокурорской деятельности особенности организации внутрисистемного и межведомственного взаимодействия отражаются в различных организационных образованиях, позволяющих осуществить обмен информацией.

Применение категории форма несомненно целесообразно, при этом представляется возможным говорить и о механизме деятельности.

Выделяют также причинно-следственные связи и закономерности осуществления деятельности [5, с. 13]. Применительно к прокурорской деятельности таковыми

являются, например, необходимость взаимосвязи надзора и ненадзорных направлений, особенности последовательности применения мер реагирования.

Итак, в общем развитие познания прокурорской деятельности продолжается путем восприятия и изучения деятельности как целостного образования с особыми свойствами и связями. Теория прокурорской деятельности обогатится научно обоснованными выводами о предмете деятельности, полномочиях прокурора, особенностях организационно-методических основ.

Отметим, что отдельные направления прокурорской деятельности, будучи простыми или сложными по составу, всегда выступают составляющими прокурорской деятельности в целом. В связи с этим каждое из направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в любой период времени характеризуется как общими чертами, так и особенностями — единичными свойствами.

Выводы

Таким образом, в рамках комплексного подхода, познавая прокурорскую деятельность, мы движемся от единичного к общему и от общего к единичному, обогащая представление об изучаемом направлении деятельности.

В настоящее время ненадзорные функции и направления деятельности прокуратуры приобретают все большую значимость. В случае изучения участия прокурора в рассмотрении дел судами в целях защиты прав граждан или публичного интереса в качестве составляющих указанной деятельности мы будем анализировать участие прокурора в различных видах судопроизводства.

Спецификой современной прокурорской деятельности является основанная на правовой основе возможность организационного объединения отдельных надзорных и ненадзорных направлений деятельности и соответствующих полномочий прокурора.

В связи с этим необходимы научные исследования в целях установления содержательного аспекта комплексной деятельности прокурора, ее составляющих и правил их взаимосвязи; это позволит моделировать изученную деятельность и определять закономерности ее осуществления. На основе теоретических положений целесообразно разработать организационно-методические основы осуществления прокурорской деятельности на комплексных направлениях.

Список литературы

1. Бакулина, М. С. Системный и комплексный подходы: сходство и различие / М. С. Бакулина // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. — 2011. — № 2. — С. 168–173.
2. Готлиб, А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : учеб. пособие / А. С. Готлиб. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2002. — 424 с.
3. Керимов, Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов. — Москва : Аванта+, 2000. — 558 с.
4. Сверчкова, Л. П. Философские основания взаимосвязи комплексного и системного подходов к научному исследованию / Л. П. Сверчкова, И. Ш. Шмерлинг // Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы : краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму. (Свердловск, 28–30 нояб. 1979 г.) : [В 2 ч. Ч. I. / Редкол.: О. Н. Жеманов, В. И. Корюкин (отв. редакторы) и др.]. — Свердловск, 1979. — 200 с.
5. Шептулин, А. П. Категории и история познания // Категории диалектики как ступени познания / ред. коллегия : А. П. Шептулин (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР. Ин-т философии. — Москва : Наука, 1971. — 250 с.
6. Шерстюк, В. М. Категории целое и часть в гражданском и арбитражном процессуальном праве / В. М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 3. — С. 11– 39.

References

1. Bakulina, M. S. Sistemnyy i kompleksnyy podkhody: skhodstvo i razlichie / M. S. Bakulina // Vestnik KGPU im. V. P. Astafeva. — 2011. — № 2. — S. 168–173.
2. Gotlib, A. S. Vvedenie v sotsiologicheskoe issledovanie: kachestvennyy i kolichestvennyy podkhody. Metodologiya. Issledovatel'skie praktiki : ucheb. posobie / A. S. Gotlib. — Samara : Izd-vo «Samarskiy universitet», 2002. — 424 s.
3. Kerimov, D. A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava) / D. A. Kerimov. — Moskva : Avanta+, 2000. — 558 s.
4. Sverchkova, L. P. Filosofskie osnovaniya vzaimosvyazi kompleksnogo i sistemnogo podkhodov k nauchnomu issledovaniyu / L. P. Sverchkova, I. Sh. Shmerling // Kompleksnyy podkhod k nauchnomu poisku: problemy i perspektivy : kratkie tezisy k Vsesoyuznomu simpoziumu. (Sverdlovsk, 28–30 noyab. 1979 g.) : [V 2 ch. Ch. I. / Redkol.: O. N. Zhemanov, V. I. Koryukin (otv. redaktory) i dr.]. — Sverdlovsk, 1979. — 200 s.
5. Sheptulin, A. P. Kategorii i istoriya poznaniya // Kategorii dialektiki kak stupeni poznaniya / red. kollegiya : A. P. Sheptulin (otv. red.) [i dr.] ; AN SSSR. In-t filosofii. — Moskva : Nauka, 1971. — 250 s.
6. Sherstyuk, V. M. Kategorii tseloe i chast v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessualnom prave / V. M. Sherstyuk // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2018. — № 3. — S. 11– 39.

Дата поступления статьи: 26.04.2021.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 340.111

С. 133–150

ПОНЯТИЯ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СУЩНОСТИ

Пучков В. О.

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению методологической сущности понятий правовой науки, а также к их различению со смежными методологическими явлениями (неопределенной дескрипцией, идеей, идеальным объектом, концептом и теорией). Предлагается авторский подход к пониманию юридических научных понятий как воспроизводимых в юридическом научном мышлении предметно-содержательных форм, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности и обоснованные методологически. Обосновывается, что язык и правила логики выступают инструментами отображения правовых научных понятий в *языковом юридическом мышлении*, но не причиной такого отображения; в качестве таковой выступает предметная репрезентативность правовой науки, а также общие основания (принципы), методы, методологические подходы, критерии и концепции научного правопознания, т. е. — сама методология юридической науки. Аргументируется вывод о том, что юридические научные понятия выступают формой отражения научного знания о праве, и в этом смысле не могут быть отождествлены с воззрениями субъекта познания на исследуемый предмет, с феноменами мышления *per se*, инвариантными внешней (по отношению к субъекту познания) реальности.

Ключевые слова: понятие, юридическая наука, методология, неопределенная дескрипция, идея, идеальный объект, концепт, теория.

Для цитирования: Пучков, В. О. Понятия в правовой науке: методологические вопросы сущности / В. О. Пучков // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 133–150.

CONCEPTS IN LEGAL SCIENCE: METHODOLOGICAL ISSUES OF ESSENCE

V. O. Puchkov

Ural State University of Law

Yekaterinburg, Russian Federation

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

Abstract. The article discusses the main approaches to the definition of the methodological essence of the notions of legal science, as well as to their distinction with related methodological phenomena (indefinite description, idea, ideal object, concept and theory). The author suggests an approach to understanding legal scientific notions as reproduced in legal scientific knowledge of subject-meaningful forms, which reflect the main essential features, attitudes and patterns of functioning and development inherent in the phenomena and objects of legal reality and methodologically grounded. It is substantiated that language and the rules of logic are instruments for displaying legal scientific concepts in scientific reasoning, but not the reason for such a display; as such, the substantive representativeness of legal science, as well as general grounds (principles), methods, methodological approaches, criteria and concepts of scientific jurisprudence, i. e. — the methodology

of legal science. It argues the conclusion that legal scientific concepts are a form of reflection of scientific knowledge of law, and in this sense cannot be identified with the views of the subject of knowledge on the subject under study, with the phenomena of reasoning *per se* invariant external (with respect to the subject of knowledge) reality.

Keywords: notion, legal science, methodology, indefinite description, idea, ideal object, concept, theory.

For citation: Puchkov V. O. Concepts in Legal Science: Methodological Issues of Essence. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 133–150. (In Russ.)

Введение

В научном познании понятия выступают одним из фундаментальных методологических средств, обеспечивающих отражение познаваемых предметов и явлений, определение из сущностных свойств и характеристик и в конечном итоге — построение самой научной теории. По выражению выдающегося немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля, «в понятии раскрывается подлинная природа вещи., и в нем должна поэтому находить свое выражение не только абстрактная общность., но и особенность его объекта» [14, с. 143]. В этом смысле понятия науки выступают итогом теоретической рефлексии предмета познания и отражают присущие ему закономерности функционирования и развития, онтологические основания научного предмета. Из изложенного следует, что для науки формирование понятий является одной из важнейших задач, поскольку в первую очередь именно в понятийном аппарате науки отражаются результаты научного познания.

Материал и методы

Основу исследовательского материала составили современные теоретико-правовые разработки, труды представителей философского знания, работы по общей методологии научного познания.

В настоящем исследовании использовались философские средства познания (общезнаваемые философские концепции идеи, концепта, науки, понятия и др.; принципы диалектики, в частности, принцип логической определенности и исторической конкретности исследуемого предмета; всеобщие основания научного познания), метанаучные исследовательские средства (анализ, аналогия, экстраполяция, системный и генетический подходы), собственные методы юридической науки (юридическая догматика, юридическое конструирование).

Результаты

Чем меньше связь с материальным аспектом действительности имеет наука, тем большее значение для нее приобретает методологическая разработка абстрактных понятий.

В заданном контексте правоведение имеет дело не с эмпирической действительностью как таковой, а с ее *правовым концептом* как в большей степени идеальной, чем материальной, сферой общественной жизни. При этом ключевые понятия юридической науки — «право», «правовое регулирование», «правоотношение», «реализация права», «субъект права», «правовая ответственность» и т. д. — являются по своей сути формами мышления об *идеальном*, об *идеальных объектах*, не имеющих резидентных им объектов материального мира — денотатов [51, с. 41; 71, с. 50]. Здесь следует обратиться к диалектике реального и идеального, разработанной древнегреческим философом Платоном: каждому предмету материального мира, — писал Платон, — соответствует «тождественная идея, нерожденная и негибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но *отданная на попечение мысли* (выделено мною — В. П.)» [45, с. 53]. В отличие от всех предметов окружающей действительности право выступает не как нечто материальное, а как некий *концепт* этой действительности, внешне выраженный в нормативно-правовых актах, юридических нормах, правовых позициях, юридически значимом поведении и т. д., которые в то же время не являются по своей сути объектами, резидентными праву как понятию [22, с. 24–25]. Таким образом, право — это, безусловно, явление идеального порядка. Соответственно, *идеальное основание* имеют и теоретико-правовые категории [7, с. 50–60]. Отсюда вытекает особая специфика юридической научной деятельности, которая предполагает работу с понятиями, лишенными в большинстве своем денотатов, и результат которой во многом зависит от гносеологических и философско-теоретических установок.

Из этого логически следует, что истинность многих правовых исследований по большей части может быть обеспечена правильным мышлением и его рациональностью, т. е. его соответствием методологическим установкам, детерминированным спецификой

предмета исследования и особенностями актуального типа научной рациональности. Сказанным обуславливается особая роль методологии юридической науки, которая состоит в самосознании ее принципиальных основ и организации ее как формы деятельности, в первую очередь — в аспекте формирования юридических научных понятий [72, с. 86].

Специфика правового концепта действительности как предмета научного познания в правовой науке задает методологические особенности разработки юридических понятий, поскольку именно понятия права в конечном итоге отражают его специфику [1, с. 5; 2, с. 119]. С учетом изложенного, для целей определения методологической сущности понятий правовой науки они должны быть рассмотрены во взаимосвязи с содержательно смежными методологическими явлениями (идеей, концептом, теорией, дескрипцией и идеальным объектом), а также в их отношении к понятиям иных областей знания и во взаимном отношении друг к другу (здесь речь идет прежде всего о соотношении общетеоретических и отраслевых юридических понятий, а также о соотношении понятий, существующих в предметных областях различных отраслевых наук, но при этом обозначаемых идентичными терминами). Следование заданной логике позволит выявить сущностные методологические свойства понятий правовой науки и в этом смысле — сформулировать понимание того, *что есть научное правовое понятие*.

Обсуждение результатов

1. К обоснованию философско-методологической природы теоретико-правовых понятий

Отметим основные подходы, утвердившиеся в современной философской и науковедческой мысли, относительно содержания самого понятия «понятие». Научное понятие и понятие в целом находятся между собой в родовидовых отношениях: общее понятие «понятие» с точки зрения формальной логики выступает родовым по отношению к таким понятиям, как «философское понятие», «научное понятие», «обыденное понятие» и т. д. Следовательно, допустимо утверждать, что общее понятие «понятие» и видовое по отношению к нему понятие «научное правовое понятие» соотносятся друг с другом как часть и целое. При этом с позиции философской герменевтики именно целое определяет свойства части, задавая ей определенную функцию, поскольку первично свойственное целому не может быть первично свойственным части [18, с. 241]. В заданном контексте важно определить, что представляет

собой понятие в целом, чтобы далее осуществить теоретическую концептуализацию понятий правовой науки как форм юридического научного мышления.

Современный американский биолог и философ науки С. Кэйри, исследуя проблему генезиса понятий, отмечает, что понятия возникают как интерпретация реальности в субъективном мышлении, направленная на выявление свойств, присущих явлениям и предметам окружающей действительности. В этом смысле понятия в различных областях знаний возникают как «сознательная проекция реального на идеальное, т. е. отражение действительности в сознании» [75, с. 257–291]. Понятия в данном контексте выступают как форма отражения, фиксирующая результаты человеческого познания [63, с. 513]. С. Лоуренс и Э. Марголис отмечают при этом, что понятия, отражая действительность в сознании, становятся самостоятельными структурными единицами, которые в совокупности образуют онтологию мышления [78, с. 25]. В целом можно констатировать, что в философии является традиционным подход к определению понятия как формы мышления, в которой отражаются сущностные свойства, закономерности функционирования и развития предметов и явлений окружающей действительности [9, с. 91]. «Научные понятия, — отмечает в связи с этим С. А. Яновская, — суть копии, слепки, снимки с материальной действительности» [73, с. 35]. Схожий подход применительно к понятиям правоведения усматривается в исследовании Е. Б. Пашуканиса, по мнению которого правовые научные понятия возникают в результате абстрактного восприятия нормативно-правовых предписаний и в этом смысле выступают как теоретические модели средств правового регулирования [43, с. 4; 56, с. 26–27]. Так ли обстоит дело? Допустимо ли признавать понятия теоретической моделью действительности, ее «копиями»? Полагаем, что нет.

Во-первых, действительность как целостное системное явление не ограничивается только материальным аспектом. Так, некоторые явления и предметы действительности не имеют материального выражения и в этом смысле, являясь в целом продуктами мышления, мыслительного воздействия человека на актуальную реальность, существуют не в материальном, а в идеальном аспекте действительности. К числу таких явлений относятся, к примеру, субъективные права: ни одно субъективное право (к примеру, право наследования, активное и пассивное избирательное право, право на обращение за судебной защитой и т. д.) не имеет денотата в материальном

аспекте действительности. Однако это не является поводом для сомнений в онтологическом статусе, в реальном существовании субъективных прав (хотя бы в силу их конституционного закрепления). Мы можем наблюдать конкретные действия, направленные на реализацию этих прав (например, подачу заявления о принятии наследства, заполнение избирательных бюллетеней, предъявление искового заявления в суд), но эти действия не могут с позиции философии считаться явлениями, резидентными субъективным правам как идеальным конструкциям и как понятиям. Таким образом, идеальный концепт действительности, будучи тесно связанным с материальным, тем не менее, не отождествляется с ним и не является «слепком» с материального.

Во-вторых, как следует из изложенного, не все теоретические понятия имеют непосредственную связь с материальным аспектом действительности через определенный резидентный объект. Таковы по своей сущности такие понятия как «государство» и «право». Данные понятия отражают сущность целого комплекса социальных явлений в их системной взаимосвязи и структурно-функциональной взаимообусловленности, но при этом по своей конструкции не «копируют» эти явления, а выделяют их единый политико-правовой смысл. Так, в этом контексте право как социальное явление — это не «копия» строго определенного объекта, а многоаспектная нормативно-регулятивная система, явление идеального порядка, которому соответствуют многообразные содержательные интерпретации понятия «право» [10, с. 66, 118; 31, с. 386–391]. Здесь представляется безусловно справедливым тезис К. Маркса, который отмечал: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [37, с. 384].

В-третьих, подход к понятию как «модели» действительности (при всей его перспективности применительно к представлениям о разотождествлении самой государственно-правовой действительности и единиц познающего ее юридического мышления) способен продуцировать существенные методологические дефекты в области научного познания. Так, если принять понятие за некоторую модель действительности, то учитывая, что понятия образуют фундамент предмета науки, можно прийти к выводу о том, что предмет науки представляет собой «чистую теорию», не связанную с познаваемой действительностью. В частности, к такому заключению приходит Н. Н. Тарасов. Отождествляя предмет правоведения с системой

теоретических понятий [57, с. 9], он отмечает, что в этом контексте предмет юридической науки представляет собой «создаваемую определенными исследовательскими средствами теоретическую модель... реальности» [58, с. 138]. Действительно, ключевые свойства научного познания, а именно — его предметность и следование определенным методологическим нормам, — проявляются в том, что конкретная наука (к примеру, правоведение) выделяет определенный фрагмент действительности для целей его исследования [26, с. 219; 38, с. 8–9; 53, с. 29–24]. Однако при этом, как обоснованно замечает Л. М. Косарева, «предмет науки... — это ценностно-значимый для человека «срез» действительности, взятой под определенным углом зрения» [33, с. 119]. В этом смысле конструкция предмета науки основана на диалектической взаимосвязи объективного (т. е. действительности *per se*) и субъективного (т. е. выделения фрагмента действительности и его исследования релевантными методологическими средствами). В то же время в подходе Н. Н. Тарасова усматривается нивелирование *объективного основания* предмета правовой науки, поскольку, если рассматривать предмет правоведения как исключительно понятийную модель, то в заданном контексте эта модель (если не учитывать методологические аспекты ее создания, в частности, специально-научный уровень исследования) как предмет науки может быть отождествлена с субъективными воззрениями конкретного исследователя на правовую действительность. Кроме того, при данной концептуализации размываются границы между субъектом научного познания права и его предметом, поскольку предмет правоведения предстает как «модель», по сути не существующая нигде, кроме индивидуального исследовательского сознания. Соответственно, в этом смысле и понятия правовой науки — это даже не «копии», снятые с действительности, а субъективные воззрения, которые в сущности могут не иметь никакого действительного обоснования. Если следовать логике рассуждений Н. Н. Тарасова, то понятия правовой науки могут не отражать ни свойств, ни закономерностей, присущих явлениям правовой действительности, и вследствие этого истинность юридического научного исследования нивелируется. Представляется, таким образом, что подобный подход является методологически необоснованным и неверным по существу, поскольку, как справедливо отметил Д. А. Керимов, «если бы предмет и его познание «совпадали», то существование и развитие науки потеряло бы смысл» [30, с. 92]. Отсюда, признавая

определенную эвристическую ценность такого подхода, следует учитывать, что в заданном контексте вопрос о создании именно *юридической понятийной модели* (соответствующей предмету правоведения *per se*) — это, в первую очередь, вопрос об использовании специального метода правоведения. В ином случае, если, к примеру, предпринять попытку создания теоретико-понятийной модели государства и права неюридическими методами, то соответствующая модель уже не будет соответствовать предмету *именно юридической науки*.

В связи с изложенным допустимо утверждать, что понятие, будучи формой мыслительного отражения сущностных характеристик, взаимных связей и закономерностей функционирования познаваемых предметов и явлений, объединяет в себе объективное и субъективное основание. Объективное основание теоретико-правового понятия в заданном контексте образовано самой познаваемой действительностью, а субъективное — закономерностями и ключевыми свойствами этой действительности, выделяемыми посредством методологической работы и отражаемыми в мышлении познающего субъекта.

В рамках изложенного важно подчеркнуть, что особенности научных понятий опосредуются двумя фундаментальными характеристиками научного познания — предметностью и следованию методологическим нормам научной деятельности. Указанные особенности обуславливают соответствующие свойства понятий науки, которые формируются в предметной области конкретной науки в соответствии с ее методологией [28, с. 525–526]. Таким образом, гносеологические установки научно-теоретического мышления, основанного на методологической интерпретации феноменов, включенных в предметное поле осмысления той или иной науки, становятся основанием формирования научных понятий, в том числе — и понятий правоведения. В связи с этим, предваряя методологический аспект соотношения понятий юридической науки со смежными методологическими конструкциями, предпримем попытку сформулировать исходное понимание юридического научного понятия, которое будет для целей дальнейшего хода исследования принято за образец для сравнения. Представляется, что *понятия юридической науки представляют собой воспроизводимые в юридическом научном мышлении предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности*

и обоснованные в контексте применения средств познания, актуализируемых современным правоведением [6, с. 125; 7, с. 51].

II. Проблема логического основания понятий в правоведении

Понятия правовой науки, по мнению А. Ф. Черданцева, выступают как логико-языковые феномены правоведения, «движение информации, облеченной в языковую (знаковую) форму» [65, с. 38]. В то же время, в своих дальнейших рассуждениях ученый несколько односторонне определяет сущность понятий: «...Искать у понятий, вовлеченных в правовую сферу, какие-то особенности — дело бесперспективное и ненужное» [65, с. 38] — утверждает автор; свою позицию А. Ф. Черданцев мотивирует тем, что правовые научные понятия «проникают в систему языкового общения всех сфер общества» [65, с. 38], и в этом смысле подчинены общим логическим правилам образования понятий.

Как было отмечено ранее, основой формирования правовых научных понятий выступает предмет и методология юридической науки, т. е. особая сфера исследовательской деятельности, имеющая ряд существенных особенностей по сравнению с другими сферами познания (как научного, так и вненаучного). В этом смысле, особенности формирования и онтологии понятий правоведения задаются методологической спецификой юриспруденции как отдельной науки, а, значит, ее понятийный аппарат неизбежно приобретает специфические характеристики, отличные от характеристики, присущих понятийным аппаратам других наук [41, с. 29]. Понятия правовой науки, таким образом, формируются в концептуально-методологическом пространстве научного юридического мышления.

Применительно к характеристике понятий правоведения как логико-языковых феноменов следует отметить следующее. По замечанию Г. П. Щедровицкого, «логика изучает *объективные, независимые от субъекта явления, а мышление есть субъективное человеческое переживание*» [68, с. 136]. В этой связи понятия формальной логики не отражают различия между мыслительной деятельностью как таковой и продуцируемыми ею знаниями [19, с. 5–6; 68, с. 159]. Потому видится обоснованным утверждение М. Ф. Орзиха о том, что применительно к образованию понятий правовой науки «логические, абстрактнонаучные приемы, даже в случае выхода за пределы традиционной логики, представляют теорию формального вывода, не имеющего самостоятельного теоретико-познавательного значения» [42, с. 19].

Таким образом, правила логики выступают инструментами отображения правовых научных понятий в научном мышлении на уровне языка, но не основной причиной такого отображения; в качестве таковой выступает предметная репрезентативность правовой науки, а также общие основания (принципы), методы, методологические подходы, критерии и концепции научного познания, т. е. — сама методология юридической науки.

III. Теоретические понятия юриспруденции и смежные методологические феномены: вопросы разграничения

а) Теоретико-правовые понятия и неопределенные дескрипции

Указанные выше методологические особенности понятий правоведения выступают основанием различения правовых научных понятий и неопределенных дескрипций (описательных имен). Американский исследователь У. Р. Рейтман следующим образом раскрывает сущность неопределенных дескрипций: это логико-языковая единица, при помощи которой «обозначается либо множество элементов, удовлетворяющих некоторому критерию, либо сам этот критерий» [49, с. 145–146]. В этом смысле, как подчеркивает английский математик и философ науки Б. Рассел, «неопределенная дескрипция имеет форму «*a so-and-so*»... (некий объект, обладающий такими-то признаками)» [82, р. 167]. В рамках неопределенных дескрипций знак (термин) отображает объект, характеризующийся определенным признаком [3, с. 212] (тот *S*, для которого верно *P*). *Prima facie* может показаться, что в неопределенная дескрипция имеет существенные сходства с понятием правовой науки, поскольку так же нацелена на отыскании признаков (связей, закономерностей, функций и т. п.), присущих тем или иным объектам. С учетом изложенного допустимо утверждать, что неопределенная дескрипция не столько отражает реальность, сколько моделирует ее [47, с. 18]. Для неопределенной дескрипции первичен не объект, а некоторый признак; в этом смысле неопределенная дескрипция не отражает сам объект, взятый в его специфических свойствах, характеристиках и т. д., а отыскивает в некоторой системе объектов тот, которому присуще заданное свойство. При этом признаки, составляющие содержание данного объекта, «представляются как некоторое множество отдельных характеристик, данное их перечислением. Не воспринимается единство класса и признаков, характеризующих его элементы, обобщенный характер отражения предметов класса и в конечном счете то, что понятие по своей знаковой форме есть специфическая... переменная естественного языка» [9, с. 103].

С позиции аксиологии научного познания права дескрипция нацелена не на продуцирование нового знания, а на поиск в правовой реальности тех предметов и явлений, которым присуще то или иное свойство. Такой подход не соответствует методологическим нормам образования понятий в правовой науке, для которого первичны предмет и методология правоведения, а не какое-либо интуитивное полагание. Методологическое соотношение научного правового понятия и неопределенной дескрипции достаточно отчетливо можно проследить на примере такого явления как правовая культура. Так, Ф. Х. Галиев, исследуя правовую культуру современного российского общества, приходит к выводу о том, что ей присуще такое свойство как синкретизм [11, с. 26]. При этом традиционно в культурологии синкретизм определяется как неразделенность восприятия тех или иных явлений культуры, в том числе в рамках культурологических понятий [5, с. 84]. Такое свойство, как верно замечает А. С. Ахиезер, присуще исторически складывающимся формам восприятия культуры, для которых она предстает как единый объект, для познания которого не выделяются конкретные аспекты (предметы); такие формы не характерны для современного познания (в том числе научного познания правовой культуры как фрагмента культуры общества), основанного на предметном рассмотрении явлений культуры [5, с. 84, 85, 135]. Подобная концептуализация, вполне соответствующая современным представлениям о методологии познания, тем не менее, игнорируется Ф. Х. Галиевым; стремясь отыскать синкретизм как свойство в рамках правовой культуры современного российского общества, автор, в частности, приходит к весьма неоднозначным выводам о синкретизме как ценности правовой культуры и даже как о нормативно-регулятивном инструменте, существующем наряду с правом, а в конечном итоге — и к выводу о том, что понятие синкретизма правовой культуры содержательно шире самого понятия «правовая культура» [12, с. 4, 8, 21]. Таким образом, в приведенном исследовании синкретизм правовой культуры предстает не как теоретическое понятие юридической науки, а как неопределенная дескрипция, поскольку автор по сути не отыскивает специфические свойства, тенденции и закономерности развития в рамках правовой культуры, а предпринимает попытку представить ее как некоторую теоретическую модель, которой присуще заранее заданное свойство — синкретизм.

Таким образом, если понятия правовой науки служат цели отыскания в предмете

правоведения специфических свойств, закономерностей и т. п., то неопределенные дескрипции заранее определяют какое-либо свойство и впоследствии направлены на обоснование наличия этого свойства у того или иного предмета или явления. Безусловно, в этом смысле неопределенные дескрипции как методологические средства не всегда соответствуют цели научного познания права, а именно — формированию нового знания о правовой действительности, а, следовательно, не всегда соответствуют и аксиологии понятийного аппарата правовой науки. Обращение к неопределенным дескрипциям оправданно, на наш взгляд, в рамках верификации научно-правовых исследований; в этом смысле как методологическое средство неопределенная дескрипция становится одним из способов эмпирической проверки научного правового исследования и в более широком контексте — одним из методологических оснований эмпирического критерия истинности в правовой науке [20, с. 95].

б) Теоретико-правовые понятия и идеи

Рассмотренное выше методологическое соотношение понятия юридической науки и неопределенной дескрипции связано с проблемным вопросом соотношения понятия и идеи. Проблематика идеи традиционно рассматривается в рамках философии. Так, в упомянутом ранее высказывании Платона идея рассматривается как мыслительный прообраз явлений или предметов окружающего мира, обладающий онтологическим статусом и в этом смысле существующий в концептуальном пространстве как абсолютный, сверхчувственный образец всего, что существует в материальном мире [45, с. 53]. В области права, правоведения разработка проблематики идей тесно связана с деятельностью глоссаторов, исторические рамки которой совпали со временем, когда в средневековой европейской философии началась дискуссия между номиналистами и реалистами. Реалисты (называемые также платониками) признавали онтологический (в смысле объективной реальности) статус идей, так называемых «универсалий», существовавших еще до единичных вещей (*universalia ante rem*) и существующих наряду с ними [29, с. 56; 34, с. 410]. Гносеологические установки реализма, в частности, прослеживаются в подходах глоссаторов к определению естественного права (*ius naturale*) как «права, природным инстинктом внушенного одним только людям и являющегося общим правом всего человечества» [15, с. 62] или как «права божественного, заключающегося в Моисеевом законе, или Евангелии» [15, с. 63]. Исследуя феномен идеи, классик европейской

философии Г. В. Ф. Гегель также исходит из понимания идеи как объективной истины, выраженной в совпадении мышления и реальности [13, с. 214]. В целом в современной философии, как пишет английский исследователь Дж. Л. Нанси, идея рассматривается как неизменное и в то же время никогда в полной мере не определимое утверждение, воплощенная в сознании сущность предмета или явления [80, с. 2]. Здесь представляется важным методологическое замечание Л. М. Алеевой, которая указывает, что если с позиции актуального философского дискурса рассматривать идею как «цель, достижение гармонического единства... то неизбежно признается антропоцентрический характер идеи, и... антропоцентризм идеального ведет к неизбежному релятивизму самого представления об идее» [4, с. 42]. Идея, тем самым, предстает как диалектическое отражение единичного и всеобщего, наполняемое различным содержанием в зависимости от общих социокультурных и индивидуальных исследовательских контекстов [35, с. 85].

Идею можно представить как мыслительную конструкцию некоторого образца, некоторой ценности, которым соответствуют предметы и явления актуальной действительности. В заданном контексте, как отмечал немецкий философ А. Шопенгауэр, «идеи по существу созерцательны», поскольку отражают в сознании «абстрактные всеобщности», «высшие ступени объектности воли» [66, с. 353, 354]. С позиции диалектики должного и сущего идея предстает как некое абсолютное должное (предмет и явление такие, какими они должны быть), а объект ее отражения — как сущее (предмет и явление такие, какие они есть) [27, с. 279]. Диалектика должного и сущего выступает методологическим фундаментом идеи как гносеологического феномена. В заданном контексте в области права и правовой науки идея выступает как форма осмысления правовой реальности с позиции того, какой она должна быть; при этом такая концептуализация основывается на аксиологии права, на представлении о правовых ценностях. Идея в сфере права выступает методологическим средством оценки правового регулирования и правовых теорий [61, с. 27]. Так, в Законе Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» отмечается, что Федеральное Собрание «осуждает многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с *идеями права* (выделено мною — В. П.)». Наиболее ярко идея проявляет себя в концептуальном пространстве естественно-правового подхода, юснатурализма XVII — XVIII столетий,

для которого, по замечанию И. Г. Фихте, характерно «развитие понятия права как того, что должно быть — без постановки вопроса об эмпирически существующем» [77, с. 73]. Приведенный тезис представляется обоснованным, поскольку в основе юснатурализма лежит идея о том, что существует система естественных, обусловленных самой природой человека правовых норм, которые в связи с этим носят универсальный характер и являются свойственными человеку как биосоциальному существу. Характеризуя идею, лежащую в основе естественно-правового подхода, нидерландский юрист Г. Гроций отмечал, что она «состоит в обнаружении необходимого *соответствия или несоответствия какой-нибудь вещи с разумной и общежительной природой* (выделено мною — В. П.)» [16, с. 73].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что идея в рамках правоведения осуществляет своего рода методологическую трансформацию всей правовой теории, развивая ее в русле философских (в первую очередь — этических и аксиологических) контекстов [23, с. 67; 48, с. 78]. Так, Г. В. Лейбниц — один из основателей естествознания Нового времени — отмечал, что с точки зрения естественного права как *идеи* такие понятия этики как «добро» и «зло» становятся не философскими, а правовыми понятиями [79, с. 466, 480, 481]. В заданном контексте идея как представление о должном в правоведении отражается в содержании правовых понятий. Л. И. Петражицкий, подчеркивая характер права как «особого класса реальных феноменов», следующим образом определяет содержание понятия «право»: это «те этические переживания, эмоции, которые имеют атрибутивный характер» [44, с. 85]. Право в заданном контексте предстает как комплекс эмоций, отражающих правовое должное в человеческой психике; при этом в рамках данного понятия идея психологической природы права выступает как основание его содержательной интерпретации.

В этой связи допустимо утверждать, что идея и понятие в правовой науке выступают как содержание и форма: правовое понятие может отражать некоторую идею как представление о должном, выводимое из правового сущего, и таким образом объединять тенденции и закономерности развития правовых явлений с философскими представлениями о том, какими они должны быть [69, с. 55]. В этом смысле отождествление идеи и понятия в области правоведения некорректно методологически, поскольку идея в определенном смысле обуславливает содержание научного правового

понятия точно также, как это делает интерпретированная исследователем правовая действительность.

с) *Теоретико-правовые понятия и идеальные объекты*

Методологические вопросы соотношения идеи и понятия в правовой науке взаимосвязаны с проблемой соотношения юридического научного понятия и идеального объекта. Как верно замечает А. Ф. Черданцев, «объектами отражения и познания юридической науки в числе прочих выступают идеальные объекты механизма, системы правового регулирования» [65, с. 8]. Характеризуя сущность идеального объекта в рамках научного познания, В. С. Степин отмечает, что в отличие от эмпирически существующего объекта, денотата, резидентный ему идеальный объект обладает фиксированным набором признаков, инвариантным каким-либо факторам. При этом, как подчеркивает автор, по своим характеристикам (признакам) идеальный объект может в принципе не иметь резидентного ему объекта, существующего в эмпирической действительности [55, с. 92–93]. При этом ряд авторов отмечает, что идеальные объекты — это феномены человеческого сознания, отраженные в субъективном мышлении абстрактные модели предметов и явлений эмпирически познаваемой реальности [39, с. 129; 62, с. 64]. Если следовать данному подходу к пониманию идеальных объектов, то можно прийти к двум выводам: во-первых, идеальные объекты не существуют вне субъективного сознания и в этом смысле являются исключительно продуктом человеческого мышления; во-вторых, по сути любой феномен действительности, отраженный в сознании в форме своей абстрактной модели, «лишенной затемняющих или искажающих факторов» [62, с. 64] представляет собой идеальный объект. Обоснованно критикуя такой подход, советский философ Э. В. Ильенков отмечал, что свойство идеальности придает объекту отражения не сам факт его мыслительного восприятия, а придание ему в процессе общественно-исторической практики таких свойств, при которых резидентный ему объект материального мира (либо свойства явлений) становится формой, в которой воплощаются неэмпирическое содержание [21, с. 109–110]. В свое время К. Маркс очень точно показал характеристики формы стоимости как идеального объекта на следующем примере: «Как потребительская стоимость — писал К. Маркс — холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом,

холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку» [36, с. 61]. В рамках данного примера стоимость как идеальный объект имеет определенные формы внешнего выражения — конкретные предметы материального мира. Как идеальный объект, стоимость становится особой характеристикой предмета, которая не присуща ему *per se*, а формируется в предметном поле конкретных социальных практик.

Таким образом, идеальный объект представляет собой систему свойств (связей, характеристик и т. п.), которые придаются каким-либо предметам или явлениям действительности для целей вовлечения этих предметов или явлений в пространство социальной деятельности. Здесь прослеживается связь идеального объекта с родовым феноменом — идеей, поскольку и идея, и идеальный объект по своим методологическим характеристикам основываются на категории должного. Однако если идея нематериальна и в целом выступает своего рода философской парадигмой, определяющей специфику смысловых контекстов, придаваемых тем или иным предметам или явлениям, то идеальный объект конструируется на основании свойств, присущих предметам и явлениям эмпирической действительности *per se* [8, с. 230].

Рассмотрим специфику идеальных объектов в области права и науки о праве на примере такого явления правовой действительности как «юридический факт». Соответствующий термин впервые употребил германский юрист Ф. К. фон Савиньи; в исследовании, посвященном системе римского права, он указывал: «Я называю события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений, *юридическими фактами*» [52, с. 212]. В этом смысле, как отмечает В. Б. Исаков, юридический факт объединяет в себе материальную сторону (то есть конкретные явления в структуре общественных отношений) и идеальную, связываемую исследователем с фиксацией юридических фактов их правовых последствий в нормативно-правовых актах [24, с. 13]. Существо юридического факта состоит, тем самым, в придании каким-либо событиям актуальной действительности (например, заключению договора или его расторжению, рождению или смерти, причинению вреда или возмещению убытков и т. д.) особых свойств в области права, а именно — способности порождать, изменять или прекращать юридические отношения. Такой характер, как писал Л. И. Петражицкий, придает событиям, именуемым юридическими фактами, субъективное

мышление: «Важны и имеют решающее значение в правовой жизни, — отмечал исследователь, — не факты заключения договоров, как таковые, а вера в существование таких фактов» [44, с. 458–459]. Однако такой подход видится дискуссионным хотя бы в том смысле, что осознание субъектами правоотношения юридико-фактического характера их действий или отсутствие такого осознания не означает, что от этого будет зависеть признание их взаимных действий (например, досрочного исполнения обязательств) юридическими фактами. Юридический факт в заданном контексте инвариантен его восприятию в качестве такового; способность субъективного поведения, явлений природного характера и т. п. порождать определенные последствия в области права — это их особая характеристика, не являющаяся изначально им присущей, а формирующаяся именно в рамках юридической деятельности. Это убедительно демонстрирует Ф. К. фон Савиньи. Так, по замечанию исследователя, в практике римского права с течением времени сложились представления о том, что зачатый, но еще не родившийся ребенок в случае смерти его отца, под властью которого этот ребенок находился бы (*pater familias*), наследует его имущество наряду с другими наследниками. Правовое значение в данном контексте стало придаваться трем взаимосвязанным фактам: а) зачатию ребенка; б) гипотетическому нахождению его под властью *pater familias*; в) смерти *pater familias* [52, с. 211]. Указанные обстоятельства *per se* являются фактами объективной действительности, однако для целей защиты интересов еще не родившегося ребенка римской юриспруденцией было придано юридическое содержание данным фактам. В этом смысле в правовой сфере эти жизненные обстоятельства стали юридическими фактами — идеальными объектами, существующими в юридической действительности и отражающими особые правовые свойства жизненных обстоятельств, которые не являются присущими данным обстоятельствам изначально.

Таким образом, идеальные объекты в праве представляют собой особые свойства предметов и явлений, относящихся к эмпирической действительности, формируемые в структуре этих предметов и явлений в процессе общественно-исторической практики для целей их восприятия и интерпретации правовыми средствами. Идеальные объекты в заданном контексте представляют собой особое правовое содержание, формой выражения которого выступают явления и предметы эмпирической социальной действительности; в этом

смысле идеальные объекты в праве становятся первичными по отношению к предметам и явлениям, отражающим их. В области научного познания права сущность идеальных объектов определяется через содержание правовых понятий (например, таких понятий как «юридический факт», «механизм правового регулирования» и т. п.). В этой связи идеальный объект не может быть методологически отождествлен с правовым научным понятием, поскольку оно выступает формой содержательного отражения идеальных объектов в концептуальном пространстве юридической науки. Так, сам по себе юридический факт как идеальный объект правовой действительности — это особый содержательно-правовой феномен, сущность которого отражается в одноименном правовом понятии, которое по своим методологическим характеристикам не тождественно отражаемому идеальному объекту. Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что идеальные объекты формируются в рамках общественно-исторической практики посредством придания предметам и явлениям материального мира особых свойств, обусловленных социальными ценностями и потребностями, и отражаются в понятийном аппарате юридической науки.

d) Теоретико-правовые понятия и концепты

Завершая рассмотрение проблемы методологического соотношения идеального объекта правовой действительности и понятия правовой науки, следует обратить внимание на методологический вопрос соотношения юридического научного понятия и концепта. По свидетельству С. С. Неретиной, впервые термин «концепт» был употреблен средневековыми философами П. Абеляром и Гильбертом Порретанским [41, с. 28]. Учение П. Абеляра и Гильберта Порретанского — концептуализм — основывалось на признании за идеями, универсалиями, статуса особой формы познания действительности [32, с. 228]. С точки зрения концептуализма, концепты (*conceptus*) носили доопытный характер, но при этом изначально закреплялись в разуме в качестве своего рода методологических инвариантов мышления. В этом смысле концепты предстают как «условие возможности конструктивной деятельности человеческого разума» [60, с. 57]. В заданном контексте, как отмечает С. С. Неретина, «концепты связаны не с формами рассудка, они есть производное возвышенного духа... который способен творчески воспроизводить, или собирать (*concupere*), смыслы... как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок

как свою часть» [41, с. 29]. В этом смысле концепт представляет собой *устоявшуюся смысловую единицу*, воспроизведенную и интерпретированную в субъективном мышлении, выведенную из познаваемого фрагмента действительности, но при этом являющуюся не «продуктом» мышления (как идея *per se*, основанная в первую очередь на диалектике должного и сущего), а представляющую собой фундаментальную априорную истину, не зависящую от культурно-когнитивных контекстов ее восприятия [40, с. 8]. Мышление, в данном случае, становится методологическим инструментом, позволяющим объективировать концепт в сознании субъекта.

Несколько иной подход к определению сущности концептов утвердился в современной постмодернистской философии. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, одни из ярких представителей европейского постмодернизма, рассматривают концепт как некоторый абсолютный объект, «событие», первичное по отношению к субъекту и отражаемое в речи как средстве воспроизведения действительности [17, с. 11, 28, 256]. Для постмодернизма концепт — это сама познаваемая действительность, воплощенная в речи и в данном смысле методологически различная с понятием.

По нашему мнению, обобщая изложенное, концепт можно представить как предметно-смысловое выражение познаваемой действительности, отражающее ее сущностные свойства. Так, если идеальный объект — это отражение свойств действительности, которые придаются ей в процессе общественно-исторической практики, то концепт — это сущность конкретного фрагмента действительности *per se*. При этом концепт объективен по своей природе, в то время как идея, выражающее представления о должном в области сущего, субъективна. В то же время, проходя сквозь призму исследовательских контекстов, концепт того или иного явления правовой действительности наполняется новым содержанием, формируемым исследовательской методологией и образующим смысловое ядро правовой теории [81, с. 22]. Так, если рассматривать право как систему волевого взаимодействия субъектов [65, с. 9], объективная сущность которой представлена влиянием сознания на сознание, то эта сущность может быть представлена как вариативная множественность концептов, то есть типов правопонимания, основанных на различной предметной интерпретации сознательно-волевой сущности права: психологического, нормативистского, реалистического и т. п. В заданном контексте объективной сущности права

(концепту права) соответствуют его несколько предметных интерпретаций (концептов), которые выражаются в различных понятиях права.

Таким образом, концепт в праве и правовой науке — это сущность познаваемого объекта, различные предметные и методологические интерпретации которого оказывают влияние на восприятие этой сущности, создавая соответствующие концепту *per se* субъективные концепты. Соответственно, в заданном контексте правовые научные понятия выступают средством отражения того или иного концепта права.

*е) Теоретико-правовые понятия
и юридическая теория*

Завершая рассмотрение данного аспекта настоящего исследования, обратимся к проблеме методологического соотношения понятия и теории в области правоведения. Как правило, в исследовательской литературе теория определяется как система знаний, выводимых из эмпирического материала и предназначенная для объяснения и содержательного изменения познаваемой действительности [46, с. 65–75; 50, с. 211–212; 54, с. 91; 56, с. 9]. В этом смысле следует согласиться с мнением А. А. Фурсова, отмечающего, что теория, формируя исследовательскую картину мира, неизбежно выходит за пределы эмпирических данностей [64, с. 33–34]. Задача теории, таким образом, состоит не в «фиксации» исследуемого фрагмента действительности, а в выявлении присущих ему закономерностей и тенденций функционирования и развития [74, с. 55–56]. С этой позиции, как отмечает Р. Карнап, не все теоретические конструкции (понятия, термины, идеальные объекты и т. д.) могут быть эмпирически интерпретированы, но это отнюдь не означает, что при такой ситуации они должны быть признаны ненаучными [76, р. 49]. Разделяя данное утверждение, обратимся к методологическому анализу объектов космологии. Так, В. В. Казютинский, исследуя современную концепцию Вселенной, подчеркивает, что в отношении объектов космологии такие критерии обоснованности научного знания как эксперимент и эмпирическая проверка неприменимы, в связи с чем космологические теории строятся не столько на объективных критериях, сколько на ценностях и индивидуальных предпочтениях исследователя [25, с. 103–116]. Подтверждение данного тезиса обнаруживается в работах А. Эйнштейна. Так, анализируя с методологической стороны сформулированную им специальную теорию относительности, выдающийся физик-теоретик отмечал, что в ее основу были положены не только эмпирические факты, но и качественно новые философские концепции материи, пространства, времени, движения, причинности

и закономерности [70, с. 164]. В этом смысле ученый отмечал, что основания научные теории представляют собой «свободное творение человеческого ума, которое нельзя оправдать ни природой самого человеческого ума, ни тем более как-то априори» [70, с. 62].

Теория, таким образом, «выходит за рамки» чисто эмпирически воспринимаемой действительности, поскольку методологический аспект построения теории предполагает неизбежное изменение познаваемой действительности (в первую очередь — в рамках выделения в ее структуре отдельного исследуемого фрагмента, который впоследствии получает статус предмета науки), соотнесение ее с индивидуальными представлениями и актуальными культурно-смысловыми контекстами исследования [67, с. 144].

В целом теорию можно представить в качестве основанной на эмпирической действительности, но не исчерпывающей ее системе представлений (гипотез, концепций, идей, понятий и т. п.), формируемых в методологическом пространстве научно-познавательной деятельности и отражающих характеристики, свойства, закономерности и тенденции функционирования и развития, присущие познаемому объекту. В этом смысле понятие — это фундаментальная структурная единица теоретического знания. Так, построение правовой теории (к примеру, теории юридического процесса) предполагает образование в ее системе юридических понятий (к примеру, понятия процессуальной формы, понятия стадии юридического процесса и т. д.), отражающих фундамент данной теории, то есть научные представления о сущностных свойствах юридического процесса, закономерностей его развития и т. п. [59, с. 71–84, 123–130].

Таким образом, юридическое научное понятие и научно-правовая теория соотносятся как часть и целое. Теория в заданном контексте определяет параметры и свойства части, в первую очередь — ее направленность на отражение основных положений теории. В этом смысле понятия правовой науки становятся структурно-функциональными элементами правовой теории, выражающую ее в «свернутом» виде (как квинтэссенция) наряду с правовыми идеями, концептами и т. д.

Выводы

Результаты проведенного исследования находят свое отражение в следующих выводах:

1. Будучи формой теоретического отражения предмета юридической науки, юридические научные понятия по существу остаются фрагментами действительности мышления,

внешне выражаемыми в терминах языка юридической науки. Тем самым, для целей организации понятийно-терминологических исследований в правоведении допустимо обозначить два основных методологических контекста исследования понятий в юридической науке: онтогносеологический и функционально-лингвистический. В первом контексте научные правовые понятия рассматриваются с точки зрения их генезиса в структуре знания и методологии образования, во втором — в рамках их соотношения с терминологическими формами с точки зрения языка науки. Принимая во внимание динамику научного познания и специфику современной организации теоретического знания, автор приходит к выводу о том, что первостепенное значение в плане методологических проблем правове­дения имеет рассмотрение научных правовых понятий в онтогносеологическом аспекте.

2. Понятия юридической науки являются видом научных понятий, которые, в свою очередь, относятся к понятию как родовой категории. При этом следует различать понятие в логическом и в философско-методологическом смысле, поскольку логический подход к феномену понятия инвариантен конкретным методологическим особенностям той или иной науки. В связи с этим предлагается определить

научные правовые понятия как воспроизводимые в юридическом научном познании предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности.

3. В контексте этой специфики научных правовых понятий в настоящем исследовании проведено их сравнение со смежными методологическими явлениями (идеей, концептом, теорией, неопределенной дескрипцией и идеальным объектом).

Заключение

Обобщая изложенное, можно констатировать, что методологические вопросы соотношения юридических научных понятий со смежными методологическими феноменами (неопределенной дескрипцией, идеей, идеальным объектом, концептом и теорией) являются дискуссионными. В этом смысле проведенное исследование не может претендовать на окончательное разрешение рассмотренных методологических проблем, и направлено в первую очередь на актуализацию проблематики методологической сущности понятий правовой науки в исследовательском пространстве современного правове­дения.

Список литературы

1. Авдеенко, Н. И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права / Н. И. Авдеенко. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1969. — 72 с.
2. Алексеев, С. С. Право: методологические подходы к исследованию / С. С. Алексеев // Вопросы философии. — 1983. — № 3. — С. 116–119.
3. Анисов, А. М. Неконструктивные рассуждения и ϵ -исчисления / А. М. Анисов // Философия науки. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 212–222.
4. Алеева, Л. М. Понятие идеального в смене культурных парадигм / Л. М. Алеева // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 3. — С. 27–47.
5. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1997. — 804 с.
6. Васильев, А. М. Правовые категории и их место среди категорий обществоведения / А. М. Васильев // Труды Всесоюзного юридического заочного института. Т. XXXII. — М. : ВЮЗИ, 1973. — С. 76–200.
7. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. — М.: Юридическая литература, 1976. — 264 с.
8. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послеслов. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
9. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 239 с.
10. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. — 320 с.
11. Галиев, Ф. Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография / Ф. Х. Галиев. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. — 354 с.
12. Галиев, Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ф. Х. Галиев. — М. :

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. — 55 с.

13. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 6. Наука логики. Ч. 2. Субъективная логика, или Учение о понятии / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 457 с.

14. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. Ф. Ф. Гегель. Том 1. Наука логики. — М. : Мысль, 1974. — 452 с.

15. Грабарь, В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. / В. Э. Грабарь. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. — 293 с.

16. Гроций, Г. О праве войны и мира : репринт. с изд. 1956 г. — М. : Ладомир, 1994. — 868 с.

17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. — 288 с.

18. Дунс Скот, И. Reportatio IV (фрагмент) // Методология науки: исследовательские программы / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. С. С. Неретина. — М. : ИФРАН, 2007.

19. Зиновьев, А. А. Основы логической теории научных знаний / вступ. ст. В. А. Лекторского. — Изд. 3-е. — М. : ЛЕЛАНД, 2015. — 265 с.

20. Иванова, Л. А. Типы референции и определенные дескрипции / Л. А. Иванова // Вестник МИТХТ им. М. В. Ломоносова. — 2008. — Т. 3, № 2. — С. 91–97.

21. Ильенков, Э. В. Истоки мышления; Диалектика идеального / Э. Ф. Ильенков. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 208 с.

22. Ильичев, Л. Ф. О методологической функции исторического материализма / Л. Ф. Ильичев // Методологические проблемы общественных наук: По материалам Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы методологии общественных наук». — М. : Наука, 1979.

23. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — М. : Статут, 2000. — 781 с.

24. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. — М. : Юридическая литература, 1984. — 144 с.

25. Казютинский, В. В. Миры культуры и миры науки: эпистемологический статус космологии / В. В. Казютинский // Социокультурный контекст науки. — М. : ИФ РАН, 1998. — С. 103 — 116.

26. Канке, В. А. Методология научного познания : учебник для магистров / В. А. Канке. — 2-е изд., стер. — М. : Издательство «Омега-Л», 2014. — 255 с.

27. Кант, И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1965. — 544 с.

28. Кант, И. Трактаты / И. Кант. — СПб. : Наука, 1996. — 549 с.

29. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. — М. : Издательство иностранной литературы, 1959. — 384 с.

30. Керимов, Д. А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции / Д. А. Керимов. — М. : Юридическая литература, 1977. — 136 с.

31. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. — М. : М. и С. Шабашниковы, 1916. — 704 с.

32. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. — М. : Наука, 1971. — 721 с.

33. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. — М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1997. — 359 с.

34. Котарбинский, Т. Избранные произведения / пер. с польского М. М. Гуренко [и др.] ; общая ред., вступ. статья и коммент. д-ра философ. наук проф. И. С. Нарского ; ред. канд. философ. наук А. А. Якушев. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. — 911 с.

35. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. — М. : Юрист, 1994. — 700 с.

36. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I : Процесс производства капитала / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 23. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. — 908 с.

37. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 25. Ч. 2. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. — 551 с.

38. Мостепаненко, М. В. Философия и методы научного познания / М. В. Мостепаненко. — Л. : Лен-издат, 1972. — 263 с.

39. Нарский, И. С. Диалектическое противоречие и логика познания / И. С. Нарский. — М. : Наука, 1969. — 246 с.

40. Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра / С. С. Неретина. — М. : Гнозис, 1995. — 182 с.
41. Неретина, С. С. Тропы и концепты / С. С. Неретина. — М. : ИФ РАН, 1999. — 277 с.
42. Орзих, М. Ф. Содержание методологии юридической науки / М. Ф. Орзих // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 1. — С. 17–24.
43. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизма. Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Пашуканис. — М. : Наука, 1980. — 271 с.
44. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. — СПб. : «Лань», 2000. — 608 с.
45. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 752 с.
46. Поппер, К. Логика социальных наук / К. Поппер // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 65–75.
47. Прокофьев, Г. С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. С. Прокофьев. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. — 28 с.
48. Пухта, Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с 6-го изд. под ред. П. Карасевича. — Ярославль : Типография Г. Фальк, 1872. — 99 с.
49. Рейтман, У. Р. Познание и мышление: Моделирование на уровне информационных процессов : пер. с англ. / под ред. [и со вступ. статьей, с. 5–23] канд. биол. наук А. В. Напалкова. — М. : Мир, 1968. — 400 с.
50. Ренжина, С. В. Научные теории и их истинность в концепции К. Р. Поппера // Сумма философии. Вып. 7. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — С. 211–214.
51. Розов, М. А. О природе идеальных объектов науки / М. А. Розов // Философия науки. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 40–51.
52. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М. : Статут ; Одесса : Центр исследования права им. Савиньи, 2012. — 573 с.
53. Степин, В. С. Философия науки и техники : учеб. пособие / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. — М. : Гардарика, 1996. — 400 с.
54. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
55. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. — М. : Высшая школа, 1992. — 191 с.
56. Сурилов, А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Сурилов. — К. ; Одесса: Выща шк., 1989. — 439 с.
57. Тарасов, Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 9–21.
58. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. — 264 с.
59. Теория юридического процесса / под общ. ред. проф. В. М. Горшенева. — Харьков : Вища школа, 1985. — 192 с.
60. Тимошина, Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права / Е. В. Тимошина // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. — 2013. — № 4. — С. 48–75.
61. Тихомиров, Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2007. — № 12. — С. 27–36.
62. Улевич, Е. С. Идеальные объекты в социально-гуманитарных науках / Е. С. Улевич // Омский научный вестник. — 2006. — № 9 (47). — С. 63–67.
63. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
64. Фурсов, А. А. Проблема статуса теоретического знания науки в полемике между реализмом и антиреализмом / А. А. Фурсов. — М. : Издатель Воробьев А. В., 2013. — 240 с.
65. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
66. Шопенгауэр, А. О четвероюм корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление : Том 1. Критика кантовской философии / А. Шопенгауэр. — М. : Книга по Требованию, 2013. — 674 с.
67. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — М. : Школа Культурной Политики, 1995. — 800 с.

68. Щедровицкий, Г. П. О методе исследования мышления / Г. П. Щедровицкий ; сост. А. А. Пископ-пель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — М. : Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. — 600 с.
69. Щедровицкий, Г. П. О некоторых моментах в развитии понятий / Г. П. Щедровицкий // Вопросы философии. — 1958. — № 6. — С. 55–64.
70. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. Сборник статей. — М. : Наука, 1965. — 360 с.
71. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняло и В. Г. Резник. — М. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.
72. Юдин, Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации / Б. Г. Юдин // Философские исследования. — 1993. — № 3. — С. 83–106.
73. Яновская, С. А. Методологические проблемы науки / под общ. ред. И. Г. Башмаковой, Д. П. Горского, В. А. Успенского ; закл. ст. Б. В. Бирюкова, О. А. Борисовой. — Изд. 2-е. — М. : КомКнига, 2006. — 288 с.
74. Bridgman, P. The Operational Character of Scientific Concepts // *The Philosophy of Science* / Ed. R. Boyd, P. Gasper and J. D. Trout. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press; London: A Bradford Book, 1999, pp. 57–69.
75. Carey, S. Knowledge Acquisition: Enrichment or Conceptual Change? // Carey S., Gelman R. (Eds.). *The Epigenesis of Mind: Essays on Biology and Cognition*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 257–291.
76. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 1. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. — pp. 38–76.
77. Klenner, H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin. *American Journal of Comparative Law*. 1989, Vol. 37, no. 1, pp. 67–80.
78. Lawrence, S. and Margolis, E. Concepts and Cognitive Science. *Concepts: Core Readings*. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1999, pp. 3–83.
79. Leibniz, G. W. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663–1672. Berlin: Akademie-Verlag, 1971, 757 p.
80. Nancy, J.-L. The Experience of Freedom. *Stanford : Stanford University Press*, 1993, 248 p.
81. Quine, W. V. From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays / 2nd ed., rev. *New York: Harper & Row*, 1963, 184 p.
82. Russell, B. Introduction to Mathematical Philosophy. *London: George Allen & Unwin, Ltd*, 1920, 338 p.

References

1. Avdeenko, N. I. Mekhanizm i predely reguliruyushchego vozdeystviya grazhdansko-processual'nogo prava / N. I. Avdeenko. — L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1969. — 72 s.
2. Alekseev, S. S. Pravo: metodologicheskie podhody k issledovaniyu / S. S. Alekseev // *Voprosy filosofii*. — 1983. — № 3. — С. 116–119.
3. Anisov, A. M. Nekonstruktivnye rassuzhdeniya i ε-ischisleniya / A. M. Anisov // *Filosofiya nauki*. — 1998. — Т. 4, № 1. — С. 212–222.
4. Aleeva, L. M. Ponyatie ideal'nogo v smene kul'turnyh paradigm / L. M. Aleeva // *YAzyk. Slovesnost'. Kul'tura*. — 2011. — № 3. — С. 27–47.
5. Ahiezer, A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sociokul'turnaya dinamika Rossii). T. I. Ot proshlogo k budushchemu / A. S. Ahiezer. — 2-e izd., pererab. i dop. — Novosibirsk: «Sibirskij hronograf», 1997. — 804 s.
6. Vasil'ev, A. M. Pravovye kategorii i ih mesto sredi kategorij obshchestvovedeniya / A. M. Vasil'ev // *Trudy Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta*. Т. XXXII. — М.: VYUZI, 1973. — С. 76–200.
7. Vasil'ev, A. M. Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava / A. M. Vasil'ev. — М.: YUridicheskaya literatura, 1976. — 264 s.
8. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. / M. Veber; Sost., obshch. red. i posleslov. Yu. N. Davydova; Predisl. P. P. Gajdenko. — М.: Progress, 1990. — 808 s.
9. Vojshvillo, E. K. Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskij analiz / E. K. Vojshvillo. — М.: Izd-vo MGU, 1989. — 239 s.
10. Gadzhiev, G. A. Ontologiya prava : (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti) : monografiya / G. A. Gadzhiev. — М. : Norma : INFRA-M, 2013. — 320 s.
11. Galiev, F. H. Sinkretizm sovremennoj pravovoj kul'tury : monografiya / F. H. Galiev. — Ufa: RIC BashGU, 2011. — 354 s.
12. Galiev, F. H. Sinkretizm pravovoj kul'tury sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / F. H. Galiev. — М.: Rossijskaya akademiya narodnogo hozjaystva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2014. — 55 s.

13. Gegel', G. V. F. Sochineniya. V 14 t. T. 6. Nauka logiki. Ch. 2. Sub'ektivnaya logika, ili Uchenie o ponyatii / G. V. F. Gegel'. — M.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. — 457 s.
14. Gegel', G. V. F. Enciklopediya filosofskih nauk / G. F. F. Gegel'. Tom 1. Nauka logiki. — M.: Mysl', 1974. — 452 s.
15. Grabar', V. E. Rimskoe pravo v istorii mezhdunarodno-pravovykh uchenij: Elementy mezhdunarodnogo prava v trudakh legistov XII — XIV vv / V. E. Grabar'. — YUr'ev: Tip. K. Mattisena, 1901. — 293 s.
16. Grocij, G. O prave vojny i mira : Reprint. s izd. 1956 g. — M.: Ladomir, 1994. — 868 s.
17. Delyoz Zh., Gvattari F. CHto takoe filosofiya? / Per. s fr. i poslesl. S. N. Zenkina. — M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 1998. — 288 s.
18. Duns Skot, I. Reportatio IV (fragment) // Metodologiya nauki: issledovatel'skie programmy / Ros. akad. nauk, In-t filosofii ; Otv. red. S. S. Neretina. — M.: IFRAN, 2007.
19. Zinov'ev, A. A. Osnovy logicheskoy teorii nauchnykh znaniy / Vstup. st. V. A. Lektorskogo. Izd. 3-e. — M.: LELAND, 2015. — 265 s.
20. Ivanova, L. A. Tipy referencii i opredelennye deskripcii / L. A. Ivanova // Vestnik MITHT im. M. V. Lomonosova. — 2008. — T. 3, № 2. — S. 91-97.
21. Il'enkov, E. V. Istoki myshleniya; Dialektika ideal'nogo / E. F. Il'enkov. — M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. — 208 s.
22. Il'ichev, L. F. O metodologicheskoy funkcii istoricheskogo materializma / L. F. Il'ichev // Metodologicheskie problemy obshchestvennykh nauk: Po materialam Vsesoyuznoj konferencii «Aktual'nye problemy metodologii obshchestvennykh nauk». — M.: Nauka, 1979.
23. Ioffe, O. S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozyajstvennogo prava» / O. S. Ioffe. — M.: Statut, 2000. — 781 s.
24. Isakov, V. B. Yuridicheskie fakty v sovetskom prave / V. B. Isakov. — M.: YUridicheskaya literatura, 1984. — 144 s.
25. Kazjutinskij, V. V. Miry kul'tury i miry nauki: epistemologicheskij status kosmologii / V. V. Kazjutinskij // Sociokul'turnyj kontekst nauki. — M.: IF RAN, 1998. — S. 103-116.
26. Kanke, V. A. Metodologiya nauchnogo poznaniya : uchebnik dlya magistrrov / V. A. Kanke. — 2-e izd., ster. — M.: Izdatel'stvo «Omega-L», 2014. — 255 s.
27. Kant, I. Sochineniya: v 6 t. T. 4. Ch. 1 / pod red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Ojzermana. — M.: Mysl', 1965. — 544 s.
28. Kant, I. Traktaty / I. Kant. — SPb.: Nauka, 1996. — 549 s.
29. Karnap, R. Znachenie i neobhodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noj logike / R. Karnap. — M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959. — 384 s.
30. Kerimov, D. A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: predmet, struktura, funkcii / D. A. Kerimov. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. — 136 s.
31. Kistyakovskij, B. A. Social'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii social'nykh nauk i obshchej teorii prava / B. A. Kistyakovskij. — M.: M. i S. SHabashnikov, 1916. — 704 s.
32. Kondakov, N. I. Logicheskij slovar' / N. I. Kondakov. — M.: Nauka, 1971. — 721 s.
33. Kosareva, L. M. Rozhdenie nauki Novogo vremeni iz duha kul'tury / L. M. Kosareva. — M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. — 359 s.
34. Kotarbin'skij, T. Izbrannye proizvedeniya / Per. s pol'skogo M. M. Gurenko [i dr.] ; Obshchaya red., vstup. stat'ya i komment. d-ra filosof. nauk prof. I. S. Narskogo; Red. kand. filosof. nauk A. A. Yakushev. — M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1963. — 911 s.
35. Manhejm, K. Diagnost nashego vremeni / Per. s nem. i angl.; Otv. red. i sost. Ya. M. Berger i dr. — M.: YUrist, 1994. — 700 s.
36. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom pervyj. Kniga I: Process proizvodstva kapitala / Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 23. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. — 908 s.
37. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom tretij. Kniga III: Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyatyj v celom / Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 25. CH. 2. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962. — 551 s.
38. Mostepanenko, M. V. Filosofiya i metody nauchnogo poznaniya / M. V. Mostepanenko. — L.: Lenizdat, 1972. — 263 s.
39. Narskij, I. S. Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya / I. S. Narskij. — M.: Nauka, 1969. — 246 s.
40. Neretina, S. S. Slovo i tekst v srednevekovoj kul'ture. Konceptualizm Abelyara / S. S. Neretina. — M.: Gnozis, 1995. — 182 s.
41. Neretina, S. S. Tropy i koncepty / S. S. Neretina. — M.: IF RAN, 1999. — 277 s.
42. Orzih, M. F. Soderzhanie metodologii yuridicheskoy nauki / M. F. Orzih // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 1973. — № 1. — S. 17-24.

43. Pashukanis, E. B. Obshchaya teoriya prava i marksizma. Izbrannye proizvedeniya po obshchej teorii prava i gosudarstva / E. B. Pashukanis. — M.: Nauka, 1980. — 271 s.
44. Petrazhickij, L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti / L. I. Petrazhickij. — SPb.: «Lan'», 2000. — 608 s.
45. Platon. Sochineniya v chetyrekh tomah. T. 3. Ch. 1 / Pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa; Per. s drevnegrech. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2007. — 752 c.
46. Popper, K. Logika social'nyh nauk / K. Popper // Voprosy filosofii. — 1992. — № 10. — S. 65–75.
47. Prokof'ev, G. S. Sootnoshenie prava i yazyka: teoretiko-filosofskij analiz : Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / G. S. Prokof'ev. — M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 2002. — 28 s.
48. Puhta, G. F. Enciklopediya prava / Per. s 6-go izd. pod red. P. Karasevicha. — YAroslav': Tipografiya G. Fal'k, 1872. — 99 c.
49. Rejtman, U. R. Poznanie i myshlenie: Modelirovanie na urovne informacionnyh processov : Per. s angl. / Pod red. [i so vstup. stat'ej, s. 5–23] kand. biol. nauk A. V. Napalkova. — M. : Mir, 1968. — 400 s.
50. Renzhina, S. V. Nauchnye teorii i ih istinnost' v koncepcii K. R. Poppera // Summa filosofii. Vyp. 7. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2007. — S. 211–214.
51. Rozov, M. A. O prirode ideal'nyh ob'ektov nauki / M. A. Rozov // Filosofiya nauki. — 1998. — T4, №1. — S. 40–51.
52. Savin'i, F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: V 8 t. T. II / Per. s nem. G. Zhigulina; Pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. — M.: Statut; Odessa: Centr issledovaniya prava im. Savin'i, 2012. — 573 s.
53. Stepin, V. S. Filosofiya nauki i tekhniki : Ucheb. posobie / V. S. Stepin, V. G. Gorohov, M. A. Rozov. — M.: Gardarika, 1996. — 400 s.
54. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyuciya / V. S. Stepin. — M.: Progress-Tradiciya, 2000. — 744 s.
55. Stepin, V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki / V. S. Stepin. — M.: Vysshaya shkola, 1992. — 191 s.
56. Surilov, A. V. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. posobie / A. V. Surilov. — K.; Odessa: Vyshcha shk., 1989. — 439 s.
57. Tarasov, N. N. K voprosu o predmete obshchej teorii prava i teoreticheskikh ponyatij / N. N. Tarasov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2015. — № 6. — S. 9–21.
58. Tarasov, N. N. Metodologicheskie problemy juridicheskoy nauki / N. N. Tarasov. — Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta, 2001. — 264 s.
59. Teoriya juridicheskogo processa / Pod obshch. red. prof. V. M. Gorsheneva. — Har'kov: Vishcha shkola, 1985. — 192 s.
60. Timoshina, E. V. Pravo kak «ideya», kak «fikciya» i kak «fakt»: o nominalizme i realizme v teorii prava / E. V. Timoshina // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj Akademii Nauk. — 2013. — № 4. — S. 48–75.
61. Tihomirov, Yu. A. Pravoprimerenie: ot stihijnosti k sisteme / Yu. A. Tihomirov // ZHurnal rossijskogo prava. — 2007. — № 12. — S. 27–36.
62. Ulevich, E. S. Ideal'nye ob'ekty v social'no-gumanitarnykh naukah / E. S. Ulevich // Omskij nauchnyj vestnik. — 2006. — № 9 (47). — S. 63–67.
63. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. — M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. — 840 s.
64. Fursov, A. A. Problema statusa teoreticheskogo znaniya nauki v polemike mezhdru realizmom i antirealizmom / A. A. Fursov. — M.: Izdatel' Vorob'ev A. V., 2013. — 240 s.
65. Cherdancev, A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii : monografiya / A. F. Cherdancev. — M. : Norma : INFRA-M, 2012. — 320 s.
66. Shopengauer, A. O chetveroyakom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie: Tom 1. Kritika kantovskoj filosofii / A. Shopengauer. — M.: Kniga po Trebovaniyu, 2013. — 674 s.
67. Shchedrovickij, G. P. Izbrannye trudy / G. P. SHCHedrovickij. — M.: Shkola Kul'turnoj Politiki, 1995. — 800 s.
68. Shchedrovickij, G. P. O metode issledovaniya myshleniya / G. P. SHCHedrovickij; Sost. A. A. Piskoppel', V. R. Rokityanskij, L. P. Shchedrovickij. — M.: Fond «Institut razvitiya im. G. P. SHCHedrovickogo», 2006. — 600 s.
69. Shchedrovickij, G. P. O nekotorykh momentah v razvitii ponyatij / G. P. Shchedrovickij // Voprosy filosofii. — 1958. — № 6. — S. 55–64.
70. Ejnshtejn, A. Fizika i real'nost' / A. Ejnshtejn. Sbornik statej. — M.: Nauka, 1965. — 360 s.
71. Eko, U. Otsustvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu / Per. A. G. Pogonyajlo i V. G. Reznik. — M.: TOO TK «Petropolis», 1998. — 432 s.
72. Yudin, B. G. Istoriya sovetskoj nauki kak process vtorichnoj institucionalizacii / B. G. Yudin // Filosofskie issledovaniya. — 1993. — № 3. — S. 83–106.
73. Yanovskaya, S. A. Metodologicheskie problemy nauki / Pod obshch. red. I. G. Bashmakovoj, D. P. Gorskogo, V. A. Uspenskogo. Zakl. st. B. V. Biryukova, O. A. Borisovoj. Izd. 2-e. — M.: KomKniga, 2006. — 288 s.

74. Bridgman, P. The Operational Character of Scientific Concepts // *The Philosophy of Science* / Ed. R. Boyd, P. Gasper and J. D. Trout. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press; London: A Bradford Book, 1999, pp. 57–69.
75. Carey, S. Knowledge Acquisition: Enrichment or Conceptual Change? // Carey S., Gelman R. (Eds.). *The Epigenesis of Mind: Essays on Biology and Cognition*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1991, pp. 257–291.
76. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis. Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 1. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. — pp. 38–76.
77. Klenner, H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin. *American Journal of Comparative Law*. 1989, Vol. 37, no. 1, pp. 67–80.
78. Lawrence, S. and Margolis, E. Concepts and Cognitive Science. *Concepts: Core Readings*. — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1999, pp. 3–83.
79. Leibniz, G. W. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663 — 1672. Berlin: Akademie-Verlag, 1971, 757 p.
80. Nancy, J.-L. The Experience of Freedom. *Stanford* : Stanford University Press, 1993, 248 p.
81. Quine, W. V. From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays / 2nd ed., rev. New York: Harper & Row, 1963, 184 p.
82. Russell, B. Introduction to Mathematical Philosophy. London: George Allen & Unwin, Ltd, 1920, 338 p.

Дата поступления статьи: 24.03.2021.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ И АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ — ДВА КОНКУРИРУЮЩИХ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Рябоконеv С. И.

Сургутский государственный университет,

Юридическое агентство «Лигал Групп»

г. Сургут, Российская Федерация

E-mail: rsi1982@mail.ru.

Аннотация. Нормы международного права, его принципы, ратифицированные Россией, должны быть включены в уголовно-процессуальное законодательство. Данное требование закреплено в части 3 статьи 1 УПК РФ. В связи с этим, данная статья направлена на разрешение проблемы, вызванной сложностью реализовать принцип состязательности в досудебном производстве.

Комплексное рассмотрение проблемы осуществлялось с использованием методологических подходов: метод исключения, аналитический метод, метода анализа и синтеза.

В статье представлены три правовые позиции ученых и практиков о возможности реализовать принцип состязательности на стадии предварительного расследования. Первая позиция — развивать равные со следователем полномочия защитника (адвокатское расследование); вторая — учреждение института следственного судьи; третья развитие института ходатайств и жалоб.

Дана критическая оценка каждой позиции. Определены основные направления возможного развития правотворчества в решении вопроса закрепления состязательных начал в досудебном производстве. Обосновано суждение автора, что наиболее перспективным решением проблемы является дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального института ходатайств и жалоб как элемента состязательности, позволяющего стороне защиты повысить уровень правовых возможностей отстаивать законные интересы в досудебном производстве.

Материалы статьи представляют определённую ценность для дальнейшего научного поиска решения рассматриваемой проблемы и создания благоприятных условий практического её (проблемы) разрешения.

Ключевые слова: состязательность, защитник, институт ходатайств и жалоб.

Для цитирования: Рябоконеv С. И. Развитие института ходатайств и жалоб и адвокатское расследование — два конкурирующих направления в развитии состязательных начал в досудебном производстве / С. И. Рябоконеv // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 151–155.

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PETITIONS AND COMPLAINTS AND THE LAWYER'S INVESTIGATION ARE TWO COMPETING DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF ADVERSARIAL PRINCIPLES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

S. I. Ryabokonev

*Surgut State University
Legal Agency "Legal Group"
Surgut, Russian Federation
E-mail: rsi1982@mail.ru.*

Abstract. The norms of international law and its principles, ratified by Russia, should be included in the criminal procedure legislation. This requirement is fixed in Part 3 of Article 1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In this regard, this article is aimed at solving the problem caused by the difficulty of implementing the adversarial principle in pre-trial proceedings.

The complex consideration of the problem was carried out using methodological approaches: the exclusion method, the analytical method, the method of analysis and synthesis.

The article presents three legal positions of scientists and practitioners on the possibility of implementing the principle of competition at the stage of preliminary investigation. The first position is to develop the equal powers of the defender with the investigator (lawyer investigation); the second is to establish the institute of the investigating judge; the third is to develop the institute of petitions and complaints.

A critical assessment of each position is given. The main directions of the possible development of law-making in solving the issue of fixing adversarial principles in pre-trial proceedings are determined. The author's opinion is justified that the most promising solution to the problem is the further improvement of the criminal procedure institute of petitions and complaints as an element of adversarial nature, which allows the defense party to increase the level of legal opportunities to defend legitimate interests in pre-trial proceedings.

The materials of the article are of some value for the further scientific search for a solution to the problem under consideration and the creation of favorable conditions for its practical (problem) solution.

Keywords: adversarial, defender, institute of petitions and complaints.

For citation: Ryabokonev S. I. The Development of the Institute of Petitions and Complaints and the Lawyer's Investigation Are Two Competing Directions in the Development of Adversarial Principles in Pre-Trial Proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 151–155. (In Russ.)

Введение

Осознавая и признавая самобытность и уникальность российского пути правового развития, в том числе и уголовно-процессуального законодательства, в то же время Россия ратифицировала ряд международных конвенций. Их ядром является Конвенция о правах и свободах человека и гражданина. Ратифицировав конвенцию в 1950 году, Россия признала, что заложенные в ней положения-принципы (идеи) полностью укладываются в самобытность российского общества. Идеи международного права воспринимаются как собственные (совпадают с ними) и отражены в национальном законодательстве.

Те положения, которые не отражены в российском законодательстве, но закреплены в ратифицированных Россией конвенциях, также соответствуют представлениям российского народа о справедливом суде, иначе ратификация не состоялась бы. В соответствии с частью 3 статьи 1 УПК РФ нормы международного права, его принципы, на их основе заключенные международные договоры составляют существенную долю уголовно-процессуального законодательства РФ. При формировании уголовно-процессуального законодательства РФ такой подход — результат следования части 1 статьи 17 Конституции РФ: международное право, его принципы и нормы Россией

признаются, а закреплённые в них права и свободы — гарантируются [2, с. 11].

Одной из наиболее трудных задач имплементации норм международного права в отечественное законодательство является разрешение проблемы развития состязательных начал в досудебном производстве. Проблему создаёт широко распространённое среди учёных и практиков мнение, что состязательность в досудебном производстве по правилам европейских стандартов не возможно. И называют причину, которая заключается в том, что России отведён самобытный путь развития права. Самобытность развития права опосредована самобытностью российского народа индивидуальными особенностями менталитета [3, с. 124]. Разрешение столь сложной исследовательской задачи возможно только посредством комплексного исследования названной проблемы. Исследование предполагает использование методологических подходов: метода исключения, аналитического метода, метода синтеза, а также анализ следственной, судебной практики, Постановлений Верховного Суда Российской Федерации, социологический метод — опрос специалистов.

Материалы и методы

Не смотря на сохраняющуюся неопределённость в уголовно-процессуальной политике, тенденция сближения национального (Российского) законодательства постоянно присутствует в правотворчестве законодателя. Тенденция объективно обусловлена. С большой долей уверенности можно утверждать, что законодатель и дальше продолжит приближать национальное законодательство к международному праву. В связи с чем, следует признать несостоятельным аргумент, что самобытность российского менталитета исключает возможность организовать российское уголовное судопроизводство на основе принципа состязательности.

Под девизом «самобытности» уголовного российского судопроизводства было бы неправильно:

— отказываться от реализации заложенного в Конституции Российской Федерации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве;

— не продолжать поиск такой правовой системы, которая, сохраняя самобытность национального законодательства, соответствовала бы критериям международного права, а не дистанцировала бы Россию от развитых государств. На основании вышеизложенного мы поддерживаем учёных, которые изучают перспективы организации досудебного производства на основе принципа состязательности.

Научные воззрения части научного сообщества об особом пути развития России не находят поддержку у Верховного Суда Российской Федерации: международные договоры (ратифицированные Россией конвенциям) имеют «первостепенную роль в сфере защиты прав человека и основных свобод... необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне»¹. Использование названных выше методологического инструментария научного поиска разрешения обозначенной проблемы позволяют считать вполне надёжными логическую последовательность хода исследования и полученных результатов.

Результаты

Автор статьи имеет все основания (научно подкреплённые) высказать следующие утверждения и сформулировать выводы:

1. В настоящее время есть две позиции относительно, того существует ли состязательность в досудебном производстве. Представители первой — отрицают наличие состязательности и аргументируют тем, что организовать досудебное производство на основе состязательности невозможно. Причиной тому является российская самобытность, российский менталитет.

Представители второй — уверены, что состязательность достижима. Для этого необходимо развивать действующее законодательство дальше. В настоящее время правовая основа для такого развития создана.

2. Сторонники развития состязательности называют различные направления реализации состязательности:

дальнейшее развитие равных со следователем полномочий по расследованию обстоятельств совершённого преступления (адвокатское расследование);

— развитие института следственного судьи;

— развитие института ходатайств и жалоб.

3. Существующая сложная сбалансированность национальной и международной правовых систем: с одной стороны, специфика национального (российского) правового менталитета, правовых национальных традиций, существенно отличающаяся от европейской специфики, с другой — целесообразность непротивопоставления российской правовой

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 : в ред. от 5 марта 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.01.2021).

системы международным правовым стандартам в уголовном судопроизводстве позволяет утверждать о приемлемом качестве норм института ходатайств и жалоб.

Обсуждение

В отличие от следователя *установление истины* [6, с. 189] об устанавливаемом событии для адвоката не всегда целесообразно, особенно, когда это может ухудшить положение подзащитного [4, с. 79]. В интересах подзащитного при названных обстоятельствах инициативность адвоката нецелесообразна [8, с. 262]. Она отсутствует полностью или сведена к минимуму. Свою деятельность адвокат сводит к критическому анализу процессуальной деятельности следователя. Свою задачу видит в обнаружении процессуальных отклонений от предписанного порядка производства следователем процессуальных действий (следственных). В случае обнаружения нарушений определяется степень и характер нарушений, степень существенности. Решается задача по тактически выгодному использованию этих нарушений в интересах подзащитного с опорой на презумпцию невиновности, и возможностью использовать нарушения как аргумента убеждения суда в слабости позиции обвинения и недоказанности виновности подзащитного [1, с. 23]. Названная тактика защиты подтверждается

многочисленной практикой [7, с. 4]. А. А. Орлов в своем диссертационном исследовании указывает на следующий выявленный им аспект. В ситуации следствия, когда в практической деятельности адвоката отсутствует перспектива обнаружения новых доказательств, использование которых возможно в интересах подзащитного (невозможно доказать его невиновность или уменьшить тяжесть обвинения), адвокат свою деятельность концентрирует на выявлении ошибок следователя и ослаблении уголовного преследования «точнее, нейтрализации» [5, с. 13].

Заключение

Результаты исследования и сформулированных выше выводы и суждения позволяют назвать целесообразное и наиболее эффективное направление достижения искомой цели — развитие состязательных начал в досудебном производстве. Приоритетным направлением развития элементов состязательности в досудебном производстве является не адвокатское расследование, а дальнейшее развитие института ходатайств и жалоб. Активное его использование участниками, не наделёнными государственно-властными полномочиями, существенно выравнивает возможности по отстаиванию ими своих прав и законных интересов, установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в досудебном производстве.

Список литературы

1. Воскобитова, Л. А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1. Поиск алгоритма / Л. А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. — 2012. — № 2 (24). — С. 22–24.
2. Глухова, Е. В. Законодательная регламентация использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве в соотношении с европейскими установками законности их (ОРМ) проведения / Е. В. Глухова, А. Б. Сергеев // Российский следователь. — 2017. — № 11. — С. 8–12.
3. Захарова, С. А. Дознание как форма расследования: правовое регулирование, тенденции развития / С. А. Захарова, А. Б. Сергеев Челябинский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Челябинск, 2008.
4. Никулочкин, Е. О. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты / Е. О. Никулочкин, К. А. Сергеев, А. Б. Сергеев // Социум и власть. — 2013. — № 3 (41). — С. 77–79.
5. Орлов, А. А. Установление адвокатом обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения квалифицированной юридической помощи / А. А. Орлов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. — 24 с.
6. Сергеев, А. Б. И вновь к вопросу об объективной истине в уголовном судопроизводстве / А. Б. Сергеев, А. Н. Савченко // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях / под редакцией А. И. Бастрыкина. — 2014. — С. 188–191.
7. Сергеев, К. А. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера / К. А. Сергеев, А. Б. Сергеев // Медицинское право. — 2018. — № 1. — С. 3–7.
8. Янин, Д. Г. Совершенствование уголовно-процессуального права по вопросу передачи лица, осужденного судом российской федерации за особо тяжкие преступления, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является / Д. Г. Янин, А. Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2 (93). — С. 258–264.

References

1. Voskobitova, L. A. Sostyazatel'nost': dve koncepcii uchastiya advokata v dokazyvanii. Stat'ya 1. Poisk algoritma / L. A. Voskobitova // Uголовное судопроизводство. — 2012. — № 2 (24). — S. 22-24.
2. Gluhova, E. V. Zakonodatel'naya reglamentaciya ispol'zovaniya rezul'tatov orm v uголовном судопроизводстве v sootnoshenii s evropejskimi ustanovkami zakonnosti ih (ORM) provedeniya / E. V. Gluhova, A. B. Sergeev // Rossijskij sledovatel'. — 2017. — № 11. — S. 8-12.
3. Zaharova, S. A. Doznanie kak forma rassledovaniya: pravovoe regulirovanie, tendencii razvitiya / S. A. Zaharova, A. B. Sergeev CHelyabinskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. CHelyabinsk, 2008.
4. Nikulochkin, E. O. Konfiskaciya imushchestva: uголовно-pravovye i uголовно-processual'nye aspekty / E. O. Nikulochkin, K. A. Sergeev, A. B. Sergeev // Socium i vlast'. — 2013. — № 3 (41). — S. 77-79.
5. Orlov, A. A. Ustanovlenie advokatom obstoyatel'stv uголовного dela v celyah obespecheniya kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi / A. A. Orlov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. — 24 s.
6. Sergeev, A. B. I vnov' k voprosu ob ob»ektivnoj istine v uголовном судопроизводстве / A. B. Sergeev, A. N. Savchenko V sbornike: Uголовnyj process: ot proshlogo k budushchemu. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h chastyah. Pod redakciej A. I. Bastrykina. — 2014. — S. 188-191.
7. Sergeev, K. A. Otdel'nye sudebnye situacii pri prinyatii reshenij o naznachenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera / K. A. Sergeev, A. B. Sergeev // Medicinskoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 3-7.
8. Yanin, D. G. Sovershenstvovanie uголовно-processual'nogo prava po voprosu peredachi lica, osuzhdenного sudom rossijskoj federacii za osobo tyazhkie prestupleniya, dlya otbyvaniya nakazaniya v gosudarstve, grazhdaninom kotorogo eto lico yavlyaetsya / D. G. Yanin, A. B. Sergeev // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. — 2016. — № 2 (93). — S. 258-264.

Дата поступления статьи: 02.05.2021.

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Волкова Артема Александровича на тему:
«КОРРУПЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право (Владивосток, 2020, 256 с.)

Кабанов П. А.

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

E-mail: kabanovp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Аннотация: в работе дается оценка рукописи диссертационного исследования Волкова Артема Александровича, подготовленного на тему: «Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока)» представленного на соискание ученой степени кандидата юридических наук в диссертационный совет Сибирского федерального университета осенью 2020 года. Оппонентом описываются основные достоинства диссертационного исследования, его научная новизна и практическая значимость, а также высказываются критические суждения по некоторым вопросам, отраженным в диссертации при этом указываются перспективные направления исследований противодействия коррупции военнослужащих российских вооруженных сил.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, коррупция военнослужащих, профилактика коррупции, эффективность противодействия коррупции.

Для цитирования: Кабанов, П. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Волкова Артема Александровича на тему: «Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока РФ)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Владивосток, 2020, 256 с.) / П. А. Кабанов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 156–170.

REVIEW
of the official opponent for the dissertation
of Artem Aleksandrovich Volkov
“CORRUPTION OF SAFETY
(ON THE MATERIALS OF THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION)”
submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences on specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law (Vladivostok, 2020, 256 p.)

P. A. Kabanov

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEPU)

E-mail: kabanovp@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Abstract. The paper assesses the manuscript of the dissertation research of Artem Aleksandrovich Volkov, prepared on the topic: “Corruption of servicemen (on the materials of the Far East)” submitted to the dissertation council of the Siberian Federal University in autumn 2020 for the degree of candidate of legal sciences. The opponent describes the main merits of the dissertation research, its scientific novelty and practical significance, as well as expresses critical judgments on some issues reflected in the dissertation while pointing out promising directions of research on combating corruption of military personnel of the Russian Armed Forces.

Keywords: corruption, combating corruption, corruption of servicemen, corruption prevention, efficiency of combating corruption.

For citation: Kabanov P. A. Review of the official opponent for the dissertation of Artem Aleksandrovich Volkov “Corruption of Safety (on the Materials of the Far East of the Russian Federation)” submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences on specialty: 12.00.08 — Criminal Law and Criminology; Criminal Executive Law (Vladivostok, 2020, 256 p.). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 156–170. (In Russ.)

Введение

Вопросы противодействия различным формам проявления коррупционного поведения в обществе в течение длительного времени остаются в центре внимания исследователей различных отраслей знания: юристов, философов, социологов, экономистов, политологов, историков, культурологов и иных специалистов. Этим вопросам посвящено множество отраслевых и междисциплинарных научных исследований, международных, национальных и региональных нормативных правовых актов, ведомственных, региональных и муниципальных планов, концепций, стратегий противодействия коррупции. Однако, показатели, характеризующие состояние коррупции в обществе, в том числе и в вооруженных силах различных государств свидетельствуют о том, что и в начале XXI века тенденция роста коррупционного поведения в мире сохраняется. В числе основных причин негативного развития криминального коррупционного поведения в обществе наравне с экономическим

неравенством, низким уровнем правовой культуры населения специалисты отмечают низкую эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с этим явлением, а также отсутствие зримых результатов в профилактике этого социального зла.

Основные вопросы, связанные с криминологическим анализом показателей коррупционной преступности в России, её причин, а также мер по её сдерживанию рассматривались в научных произведениях: В. В. Астанина [4; 5; 6], И. И. Бикеева [8, с. 15–17; 9, с. 245–249], Б. В. Волженкина [10, с. 63–70; 11], Р. Р. Газимзянова [26; 27, с. 31–33], Л. Д. Гаухмана [29, с. 3–10; 30, с. 2–6], Я. И. Гилинского [31, с. 238–255; 32, с. 65–70], Ю. В. Голика [33, с. 5–14; 34], Г. Н. Горшенкова [35, с. 17–23; 36, с. 5–16], И. А. Дамм [37; 38, с. 5–17], А. И. Долговой [39, с. 22–28; 40, с. 19–30], С. К. Илия [43, с. 32–40; 44, с. 144–147], С. М. Иншакова [46, с. 720–729; 47, с. 23–29], М. П. Клейменова [52, с. 127–130; 53, с. 45–48; 54, с. 42–51], И. Н. Ключковской [55, с. 126–128; 56],

Т. В. Козлова [57, с. 55–57; 58; 59], А. А. Корсантии [62, с. 27–36; 63], А. В. Куракина [69; 70], Н. А. Лопашенко [71, с. 98–102; 72, с. 35–40], В. В. Лунеева [73, с. 104–108; 74, с. 20–27; 75, с. 78–90], С. В. Максимова [76, с. 110–118; 77], И. М. Мацкевича [78, с. 159–165; 79, с. 34–37; 80], В. А. Номоконова [82, с. 88–100; 83, с. 133–143; 84, с. 61–67], А. Л. Репецкой [86, с. 78–83; 87 с. 40–42; 88, с. 126–130], Н. В. Щедрина [89, с. 280–284; 90, с. 1448–1452; 91, с. 31–36], В. Е. Эминова [92; 93], П. С. Яни [94, с. 58–59; 95] и других исследователей [1; 2; 61; 81], в том числе и официального оппонента [48; 49; 50; 51].

В криминологической науке в последние XX лет активно происходит изучение и особенностей криминального коррупционного поведения в отдельных сферах жизнедеятельности (здравоохранении, образовании, правоохранительной деятельности, государственном управлении, государственных закупках), в том числе и в вооруженных силах. С начала XXI века в Российской Федерации были подготовлены и защищены около сотни кандидатских и около десятка докторских диссертаций, посвященных вопросам противодействия коррупции и коррупционной преступности. Однако, правовых и криминологических исследований, посвященных исключительно противодействию коррупционной преступности в вооруженных силах, проводилось не много [64; 65; 85]. По данной проблематике имеется лишь несколько десятков научных статей, подготовленных отечественными специалистами [3, с. 197–202; 7, с. 3–7; 28, с. 105–109; 41, с. 14–26; 42, с. 54–63; 45, с. 164–171; 60, с. 68–70; 66, с. 106–111; 67, с. 116–120; 68, с. 54–60]. Однако эти произведения в основном затрагивают фрагментарно частные вопросы организации, правового регулирования и обеспечения противодействия коррупции в вооруженных силах Российской Федерации, а вопросы противодействия коррупции именно военнослужащими оставались за рамками научного интереса. В связи с этим заслуживает одобрения и поддержки выбор автором темы диссертационного исследования. Ее актуальность, научная новизна и практическая значимость достаточно убедительно раскрывается во введении к рассматриваемой работе и, на наш взгляд, не могут вызывать никаких сомнений.

Экспертная оценка научного произведения

Заявленной теоретической целью диссертационного исследования А. А. Волкова является изучение состояния структуры и тенденций распространения коррупции военнослужащих.

Прикладной целью диссертационного исследования является разработка вопросов и предложений, направленных на совершенствование мер противодействия коррупции военнослужащих.

На основе заявленных целей диссертантом сформулированы и основные задачи диссертационного исследования:

- раскрытие понятия и сущности коррупции военнослужащих;
- характеристика видов коррупционных преступлений;
- анализ состояния, структуры и динамики коррупционной преступности военнослужащих Дальнего Востока России;
- криминологическая характеристика личности военнослужащего-коррупционера;
- анализ причин и условий коррупции военнослужащих, влияния мероприятий военной реформы на коррупцию;
- разработка предложений по противодействию коррупции военнослужащих.

Научная новизна представленного диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость, в первую очередь, обусловлены тем, что обозначенная автором проблема не была предметом монографических исследований, в том числе на уровне кандидатских диссертаций по криминологии.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений и процессов. Наравне с ним соискатель использовал и частнонаучные методы: статистические и социологические, что позволяет проверить достоверность основных выводов, положений и предложений диссертанта и адекватность интерпретации полученных им результатов.

Диссертантом относительно полно изучены, статистические данные по исследуемой проблеме, нормативные правовые акты, диссертационные работы, научные и учебные произведения, а также иные публикации по теме диссертационного исследования. Автор изучил 123 уголовных дела пор делам о коррупционных правонарушениях военнослужащих за 17 лет (с 2002 по 2019 гг.) Им опрошено 579 военнослужащих, проходящих службу на Дальнем Востоке. Всё это свидетельствует о достаточности эмпирической базы проведенного диссертационного исследования и проверяемости полученных автором результатов.

Структура диссертационного исследования А. А. Волкова традиционна для отечественных работ подобного уровня по криминологии. Она включает в себя: введение, три главы, разделенные на десять параграфов, заключение, библиографический список и приложения.

Общий объем рукописи диссертационного исследования составляет 256 страниц машинописного текста. Библиографический список насчитывает 263 источника, среди них имеются: нормативно-правовые акты, материалы судебной практики, научные и учебные работы по избранной проблематике. Приложения оформлены в виде таблиц, отражающих количественные показатели коррупционной преступности военнослужащих Дальнего Востока Российской Федерации за период с 2010 по 2019 год.

Наиболее ценными положениями проведенного А. А. Волкова диссертационного исследования, по степени их значимости для современной российской криминологической науки и практики противодействия коррупции, на наш взгляд, являются:

а) разработанная автором научная криминологическая категория «коррупция военнослужащих» и соотношение её со смежными терминологическими единицами «коррупции в Вооруженных Силах» и «коррупции в военной организации государства;

б) выявленные автором тенденции современной коррупционной преступности военнослужащих Дальнего Востока, описана её структура, обращено внимание на её высочайшую латентность и трудную измеримость имеющимися средствами;

в) выявленные, описанные и объясненные автором наиболее распространенные формы коррупционной преступности военнослужащих:

— взяточничество;

— коррупционные хищения;

— превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями в корыстных целях;

г) описаны и оценены негативные материальные последствия коррупционной преступности военнослужащих Дальнего Востока;

д) вскрытые и описанные автором основные социально-экономические, государственно-политические, правовые и культурные причины существования, сохранения и распространения коррупционной преступности военнослужащих Дальнего Востока;

е) дана криминологическая характеристика личности коррупционного преступника, проходящего воинскую службу на Дальнем Востоке и сформирован его среднестатистический образ;

ж) предложено внесение изменений в Уголовный кодекс РФ, дополнив его нормой об уголовной ответственности за торговлю влиянием в редакции автора.

Анализ содержания диссертационного исследования позволяет прийти к выводу о том, что автором разработана уникальная

криминологическая концепция, позволяющая адекватно оценивать состояние коррупционной преступности военнослужащих в военных округах, родах войск и военных организациях, а также принимать необходимые и достаточные меры по сдерживанию этого явления на социально терпимом уровне.

Достоверность полученных соискателем результатов исследования обеспечивается: а) методологией исследования, включая репрезентативность проведенного им социологического опроса; б) экспертной оценкой (рецензированием) основных результатов диссертационного исследования при представлении их к публикациям в научные рецензируемые издания; в) апробацией результатов исследования при публичном обсуждении на научных мероприятиях различного статуса и уровня; д) достаточностью эмпирической базы.

По результатам проведенного автором исследования им опубликовано достаточное количество научных произведений, в том числе четыре из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук [12, с. 111–114; 16, с. 4–45; 17, с. 79–83; 18]. Кроме указанных публикаций автором изложены, основные положения проведенного исследования в 10 публикациях в иных рецензируемых научных изданиях [13, с. 226–233; 15, с. 13–16; 19, с. 43; 21, с. 11–14; 23, с. 73–77; 24, с. 29–31; 25, с. 53–57], в том числе в зарубежных [14, с. 82–85; 22, с. 48–53]. Следует отметить, что соискатель является соавтором монографии «Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет», в которой имеется подготовленный им самостоятельно параграф «Коррупция в вооруженных силах» [20, с. 206–211].

В представленной работе много и других выводов, предложений и рекомендаций, требующих одобрения и поддержки, однако статус официального оппонента требует поиска положений и предложений, которые требуют дополнительных пояснений (уточнений) от соискателя ученой степени. Такие дискуссионные положения при ознакомлении с результатами проведенного криминологического исследования оформленного в виде диссертации у меня появились.

Наши суждения относительно дискуссионного характера затрагиваемых диссертантом вопросов можно свести к следующему.

Во-первых, на наш взгляд, выглядит не безупречным предложенное автором определение базовой криминологической научной дефиниции «коррупция военнослужащих», представленной в качестве основного положения, выносимого на защиту. По мнению диссертанта, «коррупция военнослужащих — негативное социальное явление, заключающееся в противоправном использовании военнослужащими *своих* (выделено рецензентом — П. К.) служебных полномочий и/или служебного положения, в личных, корпоративных или групповых интересах для получения выгод материального или нематериального характера, вопреки интересам граждан, общества и государства. Это положение частично противоречит материалам проведенного соискателем исследования, поскольку автор утверждает, что в качестве формы коррупционного преступления военнослужащих выступает дача взятки военнослужащим и проводит количество военнослужащих осужденных за дачу взятки. В подобном виде дача взятки военнослужащим, направлена на использование военнослужащими *чужих, а не своих* (выделено рецензентом — П. К.), служебных полномочий и/или служебного положения, в личных, корпоративных или групповых интересах для получения выгод материального или нематериального характера. Более того, автор предлагает дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статей 290.2 «Торговля влиянием» и предлагает её проект, в котором предусматривается ответственность за использование виновным за незаконное вознаграждение только *чужих* (выделено рецензентом — П. К.), служебных полномочий и/или служебного положения. В связи с этим автору следовало бы уточнить предлагаемую криминологическую дефиницию «коррупция военнослужащих» с учетом результатов собственного исследования.

Во-вторых, автор, осуществляя группировку коррупционных преступлений военнослужащих по характеру и направленности используемых служебных полномочий, выделяет четыре группы:

— с использованием служебных полномочий, связанных с прохождением военной службы, государственной гражданской службы, трудовыми отношениями;

— с использованием служебных полномочий в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости;

— с использованием служебных полномочий в отношении имущества, имущественных прав или документов;

— с использованием служебных полномочий, связанных с закупкой товаров,

выполнением работ и оказанием услуг для государственных нужд.

Предложенная соискателем классификация заслуживает одобрения и поддержки. Однако, при формировании общего перечня коррупционных преступлений (С. 49), автор по не понятным причинам не оценил и не включил в него такие преступления предусмотренные УК РФ, как:

— статья 200.4. «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»;

— статья 200.5. «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»;

— статья 200.6. «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

— статья 204.1. «Посредничество в коммерческом подкупе»;

— статья 204.2. «Мелкий коммерческий подкуп»;

— статья 285.4. «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа». Полагаю, что диссертанту следует пояснить свою позицию по данному вопросу в процессе публичной защиты.

В-третьих, автор, обнаружил парадоксальную ситуацию, когда судом виновного в совершении коррупционного преступления небольшой и средней тяжести военнослужащего освобождают от уголовной ответственности в соответствии со статьей 76.2 УК РФ и к нему применяется судебный штраф. По мнению диссертанта, такое судебное решение следует признавать не обоснованным, поскольку оно противоречит его убеждениям об ужесточении наказания военнослужащим за совершение коррупционных преступлений, а не способствует снижению коррупции среди военнослужащих. Поднятая соискателем проблема не может быть решена быстро и прямолинейно. Потребуется дополнительные усилия по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, а также проведение междисциплинарных исследований. Частично правовое решение выявленного порока имеется в диссертации — это внесение соответствующих изменений ч. 1 ст. 51 «Основания увольнения с военной службы» федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», новым основанием увольнения (пунктом) в связи с вступлением в законную силу приговора суда об осуждении военнослужащего за совершение

коррупционного преступления. Однако такое предложение вызывает некоторое недоумение. Поскольку прекращение уголовного преследования с назначением обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа оформляется в соответствии с положениями части 3.1 статьи 236 и статьи 446.3 УПК РФ в форме постановления или определения суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. В связи с этим автору следует произвести корректировку предложений по совершенствованию российского законодательства, не только о прохождении военной службы, но и антикоррупционного законодательства. Возможным решением этого вопроса является внесение в трудовое и иное законодательство положения о том, что лицо, совершившее коррупционное преступление и освобожденное от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям может быть уволено в связи с утратой доверия работодателем за его совершение после вступления в законную силу судебного решения.

В-четвертых, диссертант справедливо предлагает введение дополнительных ограничений в виде лишения военнослужащих, уволенных с военной службы в связи с совершением коррупционных правонарушений, прав (полностью или частично) на социальные льготы. В тоже время им не указываются, какие именно социальные льготы требуется ограничить лицам, уволенным с военной службы в связи с совершением коррупционных правонарушений. Полагаем, что это верное положение не было достаточно аргументировано автором, хотя правоприменительная практика Федеральной службы безопасности, судебной системы и некоторых других федеральных органов власти в качестве дополнительного дисциплинарного наказания за совершенное коррупционное правонарушение предусматривает лишение ведомственных наград этой категории лиц, увольняемых в связи с утратой доверия¹. В тоже время нормативными

¹ Об утверждении Положения о медалях и нагрудных знаках Федеральной службы безопасности Российской Федерации : Приказ ФСБ России от 29.05.2012 № 251 (в ред. от 29.04.2013 № 234) // Российская газета. — 2012. — 1 июня; Об учреждении ведомственной награды Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 03.11.2005 № 136 (в ред. от 05.10.2018 №181) // Бюллетень актов по судебной системе. — 2018. — № 10; Об утверждении положений о ведомственных наградах : Приказ Верховного Суда РФ № 1007/кд, Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 288 от 12.12.2014 (в ред. приказа Верховного Суда РФ № 1011/КД, Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 292 от 05.12.2018) // Бюллетень актов по судебной системе. — 2018. — № 9.

актами Министерства обороны России о ведомственных наградах такое основание лишения ведомственной награды как совершение лицом коррупционного правонарушения отсутствует². Действующим российским законодательством о статусе военнослужащих предусмотрено только лишение нагрудного знака отличника, который не является ведомственной наградой, — к солдату, матросу, сержанту или старшине, проходящему военную службу по призыву за любые дисциплинарные проступки³. Введение института лишения ведомственных наград, в том числе дающих право на получение звание «Ветеран труда», за совершение коррупционного правонарушения в Министерстве обороны России позволит лишить эту категорию лиц социальных льгот, которыми пользуются ветераны.

В-пятых, автором небольшое внимание уделено вопросам профилактики коррупционных правонарушений, осуществляемых уполномоченными на то органами военного управления и подразделениями по профилактике коррупционных и иных правонарушений Министерства обороны РФ. Необходимо обратить внимание на то, что автор не обобщил опыт работы военных советов Тихоокеанского флота и Восточного военного округа, в полномочия которых входит деятельность по исключению условий для проявлений коррупции⁴, а также подразделений (уполномоченных должностных лиц) по профилактике коррупционных и иных правонарушений Вооруженных сил Российской Федерации. Соискателем не в полном объеме раскрыты средства профилактики коррупции военнослужащих. Им не описаны меры по реализации дополнительного антикоррупционного образования и антикоррупционного воспитания военнослужащих Дальнего Востока.

В-шестых, в работе много технического брака, вызванного невнимательностью соискателя. Например, автор утверждает, что ст. 51.1 Федерального закона от 28 марта 1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» установлен сокращенный срок (шесть месяцев)

² О ведомственных знаках отличия Министерства обороны Российской Федерации : Приказ Министра обороны РФ от 14.12.2017 № 777 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.01.2018.

³ О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 № 276-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.

⁴ Вопросы деятельности военных советов : Указ Президента РФ от 30.06.2012 № 919 (в ред. от 01.07.2020 № 440) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 28. — Ст. 3882.

давности применения дисциплинарного взыскания за коррупционные правонарушения и предлагает приведение его к общему сроку давности (один год) предусмотренному п. 8 ст. 28.2 ФЗ «О статусе военнослужащих». В то время как пунктом 4 статьи 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрен срок давности применения дисциплинарного взыскания за коррупционное правонарушение до трех лет, при этом в данный срок не включается время производства по уголовному делу.¹ Более того, в пункте 8 статьи 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» имеется оговорка «за исключением случаев, когда федеральными законами установлены иные сроки давности привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности». К техническим недоработкам следует отнести несоответствие поставленных задач исследования, положениям, выносимым на защиту. Удивительно, поставленная в исследовании первая и основная задача «раскрытие понятия и сущности коррупции военнослужащих», решена достаточно полно в тексте диссертационного исследования, но в положениях, выносимых на защиту, результаты её решения не попали.

Выводы по результатам экспертной оценки диссертационного исследования

Проведенный нами анализ положений и выводов, содержащихся в диссертации, свидетельствует о высоком уровне исследования, проведенного А. А. Волковым, его проблемном характере, обоснованности и перспективности основных положений и выводов к которым он пришел. Высказанные же замечания, прежде всего, обусловлены научной новизной, широким кругом затронутых в диссертации вопросов и личными научными пристрастиями рецензента.

¹ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в ред. от 13.07.2020 № 80-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.

В целом диссертация А. А. Волкова представляет собой обстоятельное, творческое исследование одной из основных проблем современной российской криминологической науки. А основные положения, выводы и предложения имеют существенную научную новизну, характеризуются теоретической и практической значимостью. Они в полном объеме отражены в научных произведениях автора, с содержанием большинства из которых знаком оппонент и даже использовал их результаты в своей научно-исследовательской деятельности.

Очевидным достоинством опубликованных работ Артема Александровича является то обстоятельство, что большинство из них размещены в общедоступных базах электронных научных библиотек, и могут использоваться специалистами при проведении собственных исследований вопросов противодействия коррупции.

Необходимо отметить, что основные положения, выводы и предложения, изложенные в автореферате, полностью соответствуют содержанию диссертации.

Изложенное выше позволяет сделать однозначный вывод о том, что диссертация Волкова Артема Александровича на тему: «**Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока)**», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития современной российской криминологической науки. Она соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (части 2 п. 9, п. 10, п. 11, п. 13, части 1 п. 14) Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 01.10.2018 № 1168 с изм., от 26.05.2020 № 751) «О порядке присуждения ученых степеней».

Список литературы

1. Аглямова, Г. М. Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации / Г. М. Аглямова, М. В. Талан, Р. Н. Хамитов. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 208 с.
2. Акунченко, Е. А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации / Е. А. Акунченко. — М.: Проспект, 2020. — 232 с.
3. Андрианов, М. А. Коррупция в среде военнослужащих и её уголовно-правовая характеристика / М. А. Андрианов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 2 (15). — С. 197–202.
4. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты : монография / В. В. Астанин. — М., 2009. — 255 с.
5. Астанин, В. В. Организованная коррупция и реагирование на неё / В. В. Астанин. — М., 2006. — 70 с.

6. Астанин, В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: диалектика системного подхода / В. В. Астанин. — М., 2003. — 96 с.
7. Багдасарян, И. А. К вопросу о специальных административно-правовых средствах противодействия коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации / И. А. Багдасарян // Право в Вооруженных силах. — 2017. — № 10 (243). — С. 3–7.
8. Бикеев, И. И. Коррупциогенность и коррупциогенные сферы в современном российском обществе / И. И. Бикеев // Следователь. — 2009. — № 2 (130). — С. 15–17.
9. Бикеев, И. И. Проблемы отграничения взятки от подарка в России и за рубежом: практика и тенденции / И. И. Бикеев // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 245–249.
10. Волженкин, Б. В. Коррупция и уголовный закон / Б. В. Волженкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1991. — № 6. — С. 63–70.
11. Волженкин, Б. В. Коррупция / Б. В. Волженкин. — СПб. : СПбЮИ, 1998. — 43 с.
12. Волков, А. А. Влияние военной реформы на групповую коррупционную преступность военнослужащих (на материалах Дальнего Востока России) / А. А. Волков // Библиотека уголовного права и криминологии — 2015. — № 4. — С. 111–114.
13. Волков, А. А. Влияние военной реформы на коррупционную преступность военнослужащих (на примере Дальнего Востока) / А. А. Волков // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Владивосток, 1–2 октября 2013 г.). — Владивосток, 2013. — С. 226–233.
14. Волков, А. А. Влияние карьерных рисков и практики назначения уголовного наказания на коррупцию среди военнослужащих России / А. А. Волков // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Гуманитарные и общественные науки: актуальные проблемы и перспективы развития». — Киев, 2013. — С. 82–85.
15. Волков, А. А. Влияние коррупционного опыта на карьерный рост военнослужащих / А. А. Волков // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 1. — С. 13–16.
16. Волков, А. А. Вопросы совершенствования уголовной ответственности военнослужащих за совершение коррупционных преступлений (на материалах Дальнего Востока) / А. А. Волков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 40–45.
17. Волков, А. А. Восприятие коррупции среди военнослужащих Дальнего Востока / А. А. Волков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 1. — С. 79–83.
18. Волков, А. А. Динамика коррупционной преступности в Вооружённых силах РФ и некоторые вопросы наказуемости военнослужащих за совершение преступлений коррупционной направленности в 2002–2018 гг. (на материалах Дальнего Востока России) / А. А. Волков // Общество: политика, экономика, право. — 2019. — № 12. — С. 52–56. DOI: 10.24158/per.2019.12.9.
19. Волков, А. А. К вопросу о криминализации торговли влиянием / А. А. Волков // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». — 2019. — № 4-2. — 297–305.
20. Волков, А. А. Коррупция в вооруженных силах // Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет : монография / А. А. Волков, под. ред. В. А. Номоконова. — Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального ун-та, 2013. — 236 с.
21. Волков, А. А. Криминологическая характеристика взяточничества военнослужащих / А. А. Волков // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 9. — С. 11–14.
22. Волков, А. А. Криминологическая характеристика групповой коррупционной преступности Дальнего Востока России / А. А. Волков // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Перспективы развития научно-практических исследований в сфере гуманитарных и общественных наук». — Киев, 2014. — № 6. — С. 48–53.
23. Волков, А. А. Криминологическая характеристика коррупции военнослужащих (на примере Дальнего Востока) / А. А. Волков // Пролог: журнал о праве. — 2013. — № 4. — С. 73–77.
24. Волков, А. А. Проявление коррупции в органах военного управления / А. А. Волков // Военно-юридический журнал. — 2012. — № 9. — С. 29–31.
25. Волков, А. А. Характеристика личности военнослужащих, совершающих коррупционные преступления (на примере Дальнего Востока РФ) / А. А. Волков // Пролог: журнал о праве. — 2014. — № 4. — С. 53–57.
26. Газимзянов, Р. Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Газимзянов. — Нижний Новгород, 2005. — 204 с.

27. Газимзянов, Р. Р. Коррупционные проявления при реализации национальных проектов в Республике Татарстан и меры противодействия им: анализ экспертных оценок / Р. Р. Газимзянов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 4. — С. 31–33.
28. Гараев, Р. Ф. Коррупция в Вооруженных силах как один из элементов деформации правосознания военнослужащих / Р. Ф. Гараев // Право в Вооруженных силах. — 2015. — № 12 (222). — С. 105–109.
29. Гаухман, Л. Д. Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией / Л. Д. Гаухман // Журнал российского права. — 2000. — № 12 (49). — С. 3–10.
30. Гаухман, Л. Д. Коррупция и коррупционное преступление / Л. Д. Гаухман // Законность. — 2000. — № 6. — С. 2–6.
31. Гишинский, Я. И. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль / Я. И. Гишинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2003. — № 1 (6). — С. 238–255.
32. Гишинский, Я. И. О противодействии коррупции в высшем учебном заведении / Я. И. Гишинский // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 9 (83). — С. 65–70.
33. Голик, Ю. В. Коррупция победима и искоренима / Ю. В. Голик // Вопросы экономики и права. — 2008. — № 1. — С. 5–14.
34. Голик, Ю. В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик, В. И. Карасев. — Санкт-Петербург, 2005. — 329 с.
35. Горшенков, Г. Н. Антикоррупционная политика в России / Г. Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2010. — № 2 (19). — С. 17–23.
36. Горшенков, Г. Н. Эффективность антикоррупционной политики / Г. Н. Горшенков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — № 1. — С. 5–16.
37. Дамм, И. А. Коррупция в Российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Дамм. — Красноярск, 2006. — 249 с.
38. Дамм, И. А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды / И. А. Дамм // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — № 4. — С. 5–17.
39. Долгова, А. И. Коррупция и организованная преступность / А. И. Долгова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2007. — № 1 (1). — С. 22–28.
40. Долгова, А. И. Международно-правовое и российское правовое регулирование борьбы с коррупцией / А. И. Долгова // Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях. Материалы XI Кудрявцевских чтений. Под общ. ред. А. Н. Савенкова. — М., 2019. — С. 19–30.
41. Зайков, Д. Е. Проблемы организации противодействия коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации / Д. Е. Зайков // Право в Вооруженных силах. — 2015. — № 11 (221). — С. 14–26.
42. Землин, А. И. Финансовый контроль как фактор противодействия коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации / А. И. Землин, И. А. Назарчук // Военное право. — 2017. — № 4 (44). — С. 54–63.
43. Илий, С. К. Борьба с коррупцией в России: состояние, динамика и тенденции / С. К. Илий // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM. — 2016. — № 1. — С. 32–40.
44. Илий, С. К. К вопросу правового обеспечения деятельности правоохранительных органов по учету коррупционных преступлений / С. К. Илий // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 4. — С. 144–147.
45. Ильин, Ю. А. Организационно-правовые основы противодействия коррупции при осуществлении государственных закупок для нужд вооруженных сил Российской Федерации / А. Ю. Ильин // Военное право. — 2018. — № 4 (50). — С. 164–171.
46. Иншаков, С. М. Коррупция через призму национальной безопасности / С. М. Иншаков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 720–729.
47. Иншаков, С. М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей / С. М. Иншаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2009. — № 4. — С. 23–29.
48. Кабанов, П. А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы представления, проверки и обнародования сведений об имущественном положении отдельных категорий лиц : монография / П. А. Кабанов. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020. — 253 с.
49. Кабанов, П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования / П. А. Кабанов. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. — 181 с.
50. Кабанов, П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П. А. Кабанов. — Нижнекамск: ИПЦ «Гузель», 1995. — 172 с.

51. Кабанов, П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение / П. А. Кабанов. — Казань: ЗАО «Новое знание», 2004. — 174 с.
52. Клейменов, М. П. Модели коррупционной преступности / М. П. Клейменов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях / Отв. ред. Н. Н. Цуканов. — Красноярск, 2019. — С. 127–130.
53. Клейменов, М. П. Коррупция в отечественной медицине / М. П. Клейменов, А. А. Комаров // Следователь. — 2010. — № 4. — С. 45–48.
54. Клейменов, М. П. Методологические аспекты прогнозирования коррупции / М. П. Клейменов, Р. В. Пустовит // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 4. — С. 42–51.
55. Клюковская, И. Н. Оценка эффективности реализации антикоррупционной политики / И. Н. Клюковская // Общество и право. — 2009. — № 2 (24). — С. 126–128.
56. Клюковская, И. Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики : дис. ... д-ра юрид. наук / И. Н. Клюковская. — М., 2004. — 353 с.
57. Козлов, Т. Л. Основные направления развития правового регулирования противодействия коррупции в органах власти / Т. Л. Козлов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 4. — С. 55–57.
58. Козлов, Т. Л. Проблемы профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах : монография / Т. Л. Козлов. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 192 с.
59. Козлов, Т. Л. Прокурорский надзор в сфере профилактики коррупции / Т. Л. Козлов. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 256 с.
60. Колесников, С. Б. О социологическом изучении коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации / С. Б. Колесников // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. — 2016. — № 4-2 (4). — С. 68–70.
61. Коротков, А. В. Коррупционная преступность и её предупреждение / А. В. Коротков, Ю. И. Степанов, В. И. Тюнин, О. А. Чабукиани. — СПб., 2018. — 103 с.
62. Корсантия, А. А. Коррупционная преступность в Российской Федерации / А. А. Корсантия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2010. — № 3 (17). — С. 27–36.
63. Корсантия, А. А. Коррупционная преступность в Российской Федерации: научный доклад / А. А. Корсантия. — М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. — 87 с.
64. Корякин, В. М. Коррупция в вооруженных силах: теория и практика противодействия: монография / В. М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2009. — 335 с.
65. Корякин, В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности / И. М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 456 с.
66. Котковский, Л. Э. Борьба с коррупцией в Вооруженных силах Российской Федерации в свете принципов правового государства / Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — № 1 (27). — С. 106–111.
67. Кулагина, В. Н. Правовые основы противодействия коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации / В. Н. Кулагина // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 4. — С. 116–120.
68. Куракин, А. В. Проблемы реализации административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе Вооруженных сил Российской Федерации / А. В. Куракин // Современное право. — 2007. — № 6. — С. 54–60.
69. Куракин, А. В. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Куракин. — Люберцы, 2008. — 432 с.
70. Куракин, А. В. Государственная служба и коррупция : монография / Куракин А. В.; Под ред.: Костенников М. В. — М.: Nota Bene, 2009. — 328 с.
71. Лопашенко, Н. Коррупция: содержание, проблемы правовой регламентации / Н. Лопашенко // Уголовное право. — 2001. — № 2. — С. 98–102.
72. Лопашенко, Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер / Н. А. Лопашенко // Следователь. — 2009. — № 6 (134). — С. 35–40.
73. Лунеев, В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет / В. Лунеев // Уголовное право. — 2007. — № 5. — С. 104–108.
74. Лунеев, В. В. Коррупция в России / В. В. Лунеев // Государство и право. — 2007. — № 11. — С. 20–27.
75. Лунеев, В. В. Коррупция, учтенная и фактическая / В. В. Лунеев // Государство и право. — 1996. — № 8. — С. 78–90.
76. Максимов, С. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы / С. Максимов // Уголовное право. — 1999. — № 2. — С. 110–118.

77. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. — изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Изд-во ЮрИнФОР, 2008. — 254 с.
78. Мацкевич, И. М. Коррупция в Вооруженных Силах (криминологический аспект) / И. М. Мацкевич // Прокурорская и следственная практика. — 2000. — № 3-4. — С. 159–165.
79. Мацкевич, И. М. Проблема противодействия коррупционным рискам в уголовно-исполнительной системе / И. М. Мацкевич, И. И. Аминов // Российский следователь. — 2016. — № 24. — С. 34–37.
80. Мацкевич, И. М. Механизмы противодействия коррупционным рискам в учреждениях, исполняющих наказания / И. М. Мацкевич, Е. А. Антонян, И. И. Аминов. — М.: Научный консультант, 2017. — 178 с.
81. Некрасова, Т. А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Некрасова. — М., 2014. — 161 с.
82. Номоконов, В. А. Борьба с коррупцией в России: первые итоги / В. А. Номоконов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2014. — № 2 (67). — С. 88–100.
83. Номоконов, В. А. Концепция антикоррупционного механизма в системе регулирования экономических отношений в России / В. А. Номоконов // Terra Economicus. — 2009. — Т. 7, № 3. — С. 133–143.
84. Номоконов, В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин / В. А. Номоконов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 4. — С. 61–67.
85. Противодействие коррупции в военной организации государства / под ред. А. В. Кудашкина. — М.: За права военнослужащих, 2012. — 159 с.
86. Репецкая, А. Л. Коррупция в России: опыт одного криминологического исследования / А. Л. Репецкая // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9–10 сентября 1999 г.). — М.: Юрист, 2001. — С. 78–83.
87. Репецкая, А. Л. Коррупция как элемент социально-политической жизни / А. Л. Репецкая // Следователь. — 2009. — № 12 (140). — С. 40–42.
88. Репецкая, А. Л. Современная характеристика и тенденции российской коррупционной преступности и основные направления борьбы с ней / А. Л. Репецкая // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 3. — С. 126–130.
89. Щедрин, Н. В. О принципах противодействия коррупции / Н. В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 280–284.
90. Щедрин, Н. В. О совершенствовании законодательного определения коррупции / Н. В. Щедрин // Право и политика. — 2009. — № 7. — С. 1448–1452.
91. Щедрин, Н. В. Определение коррупции в федеральном законе / Н. В. Щедрин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2009. — № 3. — С. 31–36.
92. Эминов, В. Е. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России / В. Е. Эминов, С. В. Максимов. — М.: Норма, 2015. — 80 с.
93. Эминов, В. Е. Коррупционная преступность и борьба с ней / В. Е. Эминов, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич. — М.: Издательская группа «Юрист», 2001. — 128 с.
94. Яни, П. С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии / П. С. Яни // Российская юстиция. — 2001. — № 7. — С. 58–59.
95. Коррупция в налоговой сфере : учеб. пособие / Яни, П. С., Григорьев В. А., Трунцевский Ю. В. [и др.] ; Рос. акад. юрид. наук при поддержке Ин-та «Открытое общество» (Фонд Сороса). — М.: Юрист, 2002. — 112 с.

References

1. Aglyamova, G. M. Korrupcionnaya prestupnost' v sfere mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii / G. M. Aglyamova, M. V. Talan, R. N. Hamitov. — М.: Yurlitinform, 2017. — 208 s.
2. Akunchenko, E. A. Korrupcionnaya prestupnost' v izbiratel'nom processe Rossijskoj Federacii / E. A. Akunchenko. — М.: Prospekt, 2020. — 232 s.
3. Andrianov, M. A. Korrupciya v srede voennosluzhashchih i eyo ugovorno-pravovaya harakteristika / M. A. Andrianov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2011. — № 2 (15). — S. 197–202.
4. Astanin, V. V. Antikorrupcionnaya politika Rossii. Kriminologicheskie aspekty: monografiya / V. V. Astanin. — М., 2009. — 255 s.
5. Astanin, V. V. Organizovannaya korrupciya i reagirovanie na neyo / V. V. Astanin. — М., 2006. — 70 s.
6. Astanin, V. V. Bor'ba s korrupciej v Rossii HVI-XX vekov: dialektika sistemnogo podhoda / V. V. Astanin. — М., 2003. — 96 s.

7. Bagdasaryan, I. A. K voprosu o special'nyh administrativno-pravovyh sredstvakh protivodejstviya korrupcii v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii / I. A. Bagdasaryan // Pravo v Vooruzhennyh silah. — 2017. — № 10 (243). — S. 3–7.
8. Bikeev, I. I. Korrupciogennost' i korrupciogennye sfery v sovremennom rossijskom obshchestve / I. I. Bikeev // Sledovatel'. — 2009. — № 2 (130). — S.15–17.
9. Bikeev, I. I. Problemy otgranicheniya vzyatki ot podarka v Rossii i za rubezhom: praktika i tendencii / I. I. Bikeev // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 1. — S. 245–249.
10. Volzhenkin, B. V. Korrupciya i ugovolnyj zakon / B. V. Volzhenkin // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 1991. — № 6. — S. 63–70.
11. Volzhenkin, B. V. Korrupciya / B. V. Volzhenkin. — SPb. : SPbYUI, 1998. — 43 s.
12. Volkov, A. A. Vliyanie voennoj reformy na gruppovuyu korrupcionnuyu prestupnost' voennosluzhashchih (na materialah Dal'nego Vostoka Rossii) / A. A. Volkov // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii — 2015. — № 4. — S. 111–114.
13. Volkov, A. A. Vliyanie voennoj reformy na korrupcionnuyu prestupnost' voennosluzhashchih (na primere Dal'nego Vostoka) / A. A. Volkov // Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki RF na osnove ispol'zovaniya opyta stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona kak strategicheskij prioritet razvitiya rossijskoj ugovolnoj politiki: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Vladivostok, 1–2 oktyabrya 2013 g.). — Vladivostok, 2013. — S. 226–233.
14. Volkov, A. A. Vliyanie kar'ernyh riskov i praktiki naznacheniya ugovolnogo nakazaniya na korrupciyu sredi voennosluzhashchih Rossii / A. A. Volkov // Sbornik materialov II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya». — Kiev, 2013. — S. 82–85.
15. Volkov, A. A. Vliyanie korrupcionnogo opyta na kar'ernyj rost voennosluzhashchih / A. A. Volkov // Voенно-юридический журнал. — 2014. — № 1. — S. 13–16.
16. Volkov, A. A. Voprosy sovershenstvovaniya ugovolnoj otvetstvennosti voennosluzhashchih za sovershenie korrupcionnyh prestuplenij (na materialah Dal'nego Vostoka) / A. A. Volkov // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 40–45.
17. Volkov, A. A. Vospriyatие korrupcii sredi voennosluzhashchih Dal'nego Vostoka / A. A. Volkov // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2012. — № 1. — S. 79–83.
18. Volkov, A. A. Dinamika korrupcionnoj prestupnosti v Vooruzhyonnyh silah RF i nekotorye voprosy nakazuemosti voennosluzhashchih za sovershenie prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti v 2002–2018 gg. (na materialah Dal'nego Vostoka Rossii) / A. A. Volkov // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. — 2019. — № 12. — S. 52–56. DOI: 10.24158/pep.2019.12.9.
19. Volkov, A. A. K voprosu o kriminalizacii trgovli vliyaniem / A. A. Volkov // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologii «Integral». — 2019. — № 4-2. — 297–305.
20. Volkov, A. A. Korrupciya v vooruzhennyh silah // Organizovannaya prestupnost' na Dal'nem Vostoke: tendencii i osobennosti razvitiya za 20 let : monografiya / A. A. Volkov, pod. red. V. A. Nomokonova. — Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevostochnogo federal'nogo un-ta, 2013. — 236 s.
21. Volkov, A. A. Kriminologicheskaya harakteristika vzyatochnichestva voennosluzhashchih / A. A. Volkov // Voенно-юридический журнал. — 2014. — № 9. — S. 11–14.
22. Volkov, A. A. Kriminologicheskaya harakteristika gruppovoj korrupcionnoj prestupnosti Dal'nego Vostoka Rossii / A. A. Volkov // Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Perspektivy razvitiya nauchno-prakticheskikh issledovanij v sfere gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk». — Kiev, 2014. — № 6. — S. 48–53.
23. Volkov, A. A. Kriminologicheskaya harakteristika korrupcii voennosluzhashchih (na primere Dal'nego Vostoka) / A. A. Volkov // Prolog: zhurnal o prave. — 2013. — № 4. — S. 73–77.
24. Volkov, A. A. Proyavlenie korrupcii v organah voennogo upravleniya / A. A. Volkov // Voенно-юридический журнал. — 2012. — № 9. — S. 29–31.
25. Volkov, A. A. Harakteristika lichnosti voennosluzhashchih, sovershayushchih korrupcionnye prestupleniya (na primere Dal'nego Vostoka RF) / A. A. Volkov // Prolog: zhurnal o prave. — 2014. — № 4. — S. 53–57.
26. Gazimzyanov, R. R. Korrupcionnaya prestupnost' v Respublike Tatarstan na rubezhe vekov: kriminologicheskoe issledovanie : dis. ... kand. jurid. nauk / R. R. Gazimzyanov. — Nizhnij Novgorod, 2005. — 204 s.
27. Gazimzyanov, R. R. Korrupcionnye proyavleniya pri realizacii nacional'nyh proektov v Respublike Tatarstan i mery protivodejstviya im: analiz ekspertnyh ocenok / Gazimzyanov // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2011. — № 4. — S. 31–33.
28. Garaev, R. F. Korrupciya v Vooruzhennyh silah kak odin iz elementov deformacii pravosoznaniya voennosluzhashchih / R. F. Garaev // Pravo v Vooruzhennyh silah. — 2015. — № 12 (222). — S. 105–109.

29. Gauhman, L. D. Zakonodatel'noe obespechenie bor'by s korrupciej / L. D. Gauhman // ZHurnal Rossijskogo prava. — 2000. — № 12 (49). — S. 3–10.
30. Gauhman, L. D. Korrupciya i korrupcionnoe prestuplenie / L. D. Gauhman // Zakonnost'. — 2000. — № 6. — S. 2–6.
31. Gilinskij, Ya. I. Korrupciya: teoriya, Rossijskaya real'nost', social'nyj kontrol' / Ya. I. Gilinskij // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba. — 2003. — № 1 (6). — S. 238–255.
32. Gilinskij, Ya. I. O protivodejstvii korrupcii v vysshem uchebnom zavedenii / Ya. I. Gilinskij // Vestnik Gercenovskogo universiteta. — 2010. — № 9 (83). — S. 65–70.
33. Golik, Yu. V. Korrupciya pobedima i iskorenima / Yu. V. Golik // Voprosy ekonomiki i prava. — 2008. — № 1. — S. 5–14.
34. Golik Yu. V. Korrupciya kak mekhanizm social'noj degradacii / Yu. V. Golik, V. I. Karasev. — Sankt-Peterburg, 2005. — 329 s.
35. Gorshenkov, G. N. Antikorrupcionnaya politika v Rossii / G. N. Gorshenkov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2010. — № 2 (19). — S. 17–23.
36. Gorshenkov, G. N. Effektivnost' antikorrupcionnoj politiki / G. N. Gorshenkov // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2016. — № 1. — S. 5–16.
37. Damm, I. A. Korrupciya v Rossijskom izbiratel'nom processe: ponyatie i protivodejstvie: dis. ... kand. yurid. nauk / I. A. Damm. — Krasnoyarsk, 2006. — 249 s.
38. Damm, I. A. Korrupciya v sfere obrazovaniya: ponyatie, harakternye cherty, formy i vidy / I. A. Damm // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2016. — № 4. — S. 5–17.
39. Dolgova, A. I. Korrupciya i organizovannaya prestupnost' / A. I. Dolgova // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. — 2007. — № 1 (1). — S. 22–28.
40. Dolgova, A. I. Mezhdunarodno-pravovoe i Rossijskoe pravovoe regulirovanie bor'by s korrupciej / A. I. Dolgova // Sovershenstvovanie kriminologicheskikh, ugolovno-pravovyh i ugolovno-processual'nyh mer protivodejstviya prestupnosti v sovremennyh usloviyah. Materialy XI Kudryavcevskih chtenij. Pod obshch. red. A. N. Savenkova. — M., 2019. — S. 19–30.
41. Zajkov, D. E. Problemy organizacii protivodejstviya korrupcii v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii / D. E. Zajkov // Pravo v Vooruzhennyh silah. — 2015. — № 11 (221). — S. 14–26.
42. Zemlin, A. I. Finansovyj kontrol' kak faktor protivodejstviya korrupcii v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii / A. I. Zemlin, I. A. Nazarchuk // Voennoe pravo. — 2017. — № 4 (44). — S. 54–63.
43. Ilij, S. K. Bor'ba s korrupciej v Rossii: sostoyanie, dinamika i tendencii / S. K. Ilij // Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka — COUNTER-TERRORISM. — 2016. — № 1. — S. 32–40.
44. Ilij, S. K. K voprosu pravovogo obespecheniya deyatelnosti pravoohranitel'nyh organov po uchetu korrupcionnyh prestuplenij / S. K. Ilij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2015. — № 4. — S. 144–147.
45. Il'in, Yu. A. Organizacionno-pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii pri osushchestvlenii gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii / A. Yu. Il'in // Voennoe pravo. — 2018. — № 4 (50). — S. 164–171.
46. Inshakov, S. M. Korrupciya cherez prizmu nacional'noj bezopasnosti / S. M. Inshakov // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2018. — T. 12, № 4. — S. 720–729.
47. Inshakov, S. M. Faktory korrupcionnoj prestupnosti i perspektivy protivodejstviya ej / S. M. Inshakov // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2009. — № 4. — S. 23–29.
48. Kabanov, P. A. Antikorrupcionnoe processual'noe zakonodatel'stvo sub»ektov Rossijskoj Federacii, reguliruyushchee voprosy predstavleniya, proverki i obnarodovaniya svedenij ob imushchestvennom polozhenii ot del'nyh kategorij lic : monografiya / P. A. Kabanov. — Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2020. — 253s.
49. Kabanov, P. A. Antikorrupcionnyj monitoring v sub»ektah Rossijskoj Federacii: voprosy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya / P. A. Kabanov. — Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2015. — 181 s.
50. Kabanov, P. A. Korrupciya i vzyatochnichestvo v Rossii: istoricheskie, kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty / P. A. Kabanov. — Nizhnekamsk: IPC «Guzel'», 1995. — 172 s.
51. Kabanov, P. A. Politicheskaya korrupciya v Rossii: ponyatie, sushchnost', prichiny, preduprezhdenie / P. A. Kabanov. — Kazan': ZAO «Novoe znanie», 2004. — 174 s.
52. Klejmenov, M. P. Modeli korrupcionnoj prestupnosti / M. P. Klejmenov // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 chastyah / Otv. red. N. N. Cukanov. — Krasnoyarsk, 2019. — S. 127–130.

53. Klejmenov, M. P. Korrupciya v otechestvennoj medicine / M. P. Klejmenov, A. A. Komarov // *Sledovatel'*. — 2010. — № 4. — S. 45–48.
54. Klejmyonov, M. P. Metodologicheskie aspekty prognozirovaniya korrupcii / M. P. Klejmyonov, R. V. Pustovit // *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. — 2012. — № 4. — S. 42–51.
55. Klyukovskaya, I. N. Ocenka effektivnosti realizacii antikorrupcionnoj politiki / I. N. Klyukovskaya // *Obshchestvo i pravo*. — 2009. — № 2 (24). — S. 126–128.
56. Klyukovskaya, I. N. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovaniya antikorrupcionnoj politiki : dis. ... d-ra yurid. nauk / I. N. Klyukovskaya. — M., 2004. — 353 s.
57. Kozlov, T. L. Osnovnye napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya protivodejstviya korrupcii v organah vlasti / T. L. Kozlov // *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. — 2012. — № 4. — S. 55–57.
58. Kozlov, T. L. Problemy profilaktiki korrupcionnyh pravonarushenij v gosudarstvennyh i municipal'nyh organah : monografiya / T. L. Kozlov. — M.: YUrlitinform, 2012. — 192 c.
59. Kozlov, T. L. Prokurorskiy nadzor v sfere profilaktiki korrupcii / T. L. Kozlov. — M.: Yurlitinform, 2015. — 256 s.
60. Kolesnikov, S. B. O sociologicheskom izuchenii korrupcii v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii / S. B. Kolesnikov // *Gumanitarnyj vestnik Voennoj akademii raketnyh vojsk strategicheskogo naznacheniya*. — 2016. — № 4-2 (4). — S. 68–70.
61. Korotkov, A. V. Korrupcionnaya prestupnost' i eyo preduprezhdenie / A. V. Korotkov, Yu. I. Stepanov, V. I. Tyunin, O. A. Chabukiani. — SPb., 2018. — 103 s.
62. Korsantiya, A. A. Korrupcionnaya prestupnost' v Rossijskoj Federacii / A. A. Korsantiya // *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii*. — 2010. — № 3 (17). — S. 27–36.
63. Korsantiya, A. A. Korrupcionnaya prestupnost' v Rossijskoj Federacii: nauchnyj doklad / A. A. Korsantiya. — M.: Akademiya General'noj prokuratury RF, 2010. — 87 s.
64. Koryakin, V. M. Korrupciya v vooruzhennyh silah: teoriya i praktika protivodejstviya: monografiya / V. M. Koryakin. — M.: Za prava voennosluzhashchih, 2009. — 335 s.
65. Koryakin, V. M. Protivodejstvie korrupcii v sfere gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd oborony i voennoj bezopasnosti / I. M. Koryakin. — M.: YUrlitinform, 2014. — 456 s.
66. Kotkovskij, L. E. Bor'ba s korrupciej v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii v svete principov pravovogo gosudarstva / L. E. Kotkovskij // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. — 2012. — № 1 (27). — S. 106–111.
67. Kulagina, V. N. Pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii / V. N. Kulagina // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. — 2014. — № 4. — S. 116–120.
68. Kurakin, A. V. Problemy realizacii administrativno-pravovyh sredstv preduprezhdeniya i presecheniya korrupcii v sisteme Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii / A. V. Kurakin // *Sovremennoe pravo*. — 2007. — № 6. — S. 54–60.
69. Kurakin, A. V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya korrupcii v sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra yurid. nauk / A. V. Kurakin. — Lyubercy, 2008. — 432 s.
70. Kurakin, A. V. Gosudarstvennaya sluzhba i korrupciya : monografiya / Kurakin A. V.; Pod red.: Kostennikov M. V. — M.: Nota Bene, 2009. — 328 c.
71. Lopashenko, N. Korrupciya: sodержanie, problemy pravovoj reglamentacii / N. Lopashenko // *Ugolovnoe pravo*. — 2001. — № 2. — S. 98–102.
72. Lopashenko, N. A. Protivodejstvie rossijskoj korrupcii: obosnovannost' i dostatochnost' ugolovno-pravovyh mer / N. A. Lopashenko // *Sledovatel'*. — 2009. — № 6 (134). — S. 35–40.
73. Luneev, V. Nastoyashchej bor'by s korrupciej v Rossii net / V. Luneev // *Ugolovnoe pravo*. — 2007. — № 5. — S. 104–108.
74. Luneev, V. V. Korrupciya v Rossii / V. V. Luneev // *Gosudarstvo i pravo*. — 2007. — № 11. — S. 20–27.
75. Luneev, V. V. Korrupciya, uchtennaya i fakticheskaya / V. V. Luneev // *Gosudarstvo i pravo*. — 1996. — № 8. — S. 78–90.
76. Maksimov, S. Korrupcionnaya prestupnost' v Rossii: pravovaya ocenka, istochniki razvitiya, mery bor'by / S. Maksimov // *Ugolovnoe pravo*. — 1999. — № 2. — S. 110–118.
77. Maksimov, S. V. Korrupciya. Zakon. Otvetstvennost' / S. V. Maksimov. — izd. 2-e, pererab. i dop. — M.: Izd-vo YUrInFor, 2008. — 254 s.
78. Mackevich, I. M. Korrupciya v Vooruzhennyh Silah (kriminologicheskij aspekt) / I. M. Mackevich // *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika*. — 2000. — № 3-4. — S. 159–165.
79. Mackevich, I. M. Problema protivodejstviya korrupcionnym riskam v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme / I. M. Mackevich, I. I. Aminov // *Rossijskij sledovatel'*. — 2016. — № 24. — S. 34–37.
80. Mackevich, I. M. Mekhanizmy protivodejstviya korrupcionnym riskam v uchrezhdeniyah, ispolnyayushchih nakazaniya / I. M. Mackevich, E. A. Antonyan, I. I. Aminov. — M.: Nauchnyj konsul'tant, 2017. — 178 s.

81. Nekrasova, T. A. Korrupcionnaya prestupnost' v kommercheskih organizacijah: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie : dis. ... kand. jurid. nauk / T. A. Nekrasova. — M., 2014. — 161 s.
82. Nomokonov, V. A. Bor'ba s korrupciej v Rossii: pervye itogi / V. A. Nomokonov // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. — 2014. — № 2 (67). — S. 88–100.
83. Nomokonov, V. A. Konceptiya antikorrupcionnogo mekhanizma v sisteme regulirovaniya ekonomicheskikh otnoshenij v Rossii / V. A. Nomokonov // Terra Economicus. — 2009. — T. 7, № 3. — S. 133–143.
84. Nomokonov, V. A. Korrupciya v Rossii: social'nye posledstviya i osobennosti prichin / V. A. Nomokonov // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 4. — S. 61–67.
85. Protivodejstvie korrupcii v voennoj organizacii gosudarstva / pod red. A. V. Kudashkina. — M.: Za prava voennosluzhashchih, 2012. — 159 s.
86. Repeckaya, A. L. Korrupciya v Rossii: opyt odnogo kriminologicheskogo issledovaniya / A. L. Repeckaya // Korrupciya: politicheskie, ekonomicheskie, organizacionnye i pravovye problemy. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Moskva, 9–10 sentyabrya 1999 g.). — M.: Yurist, 2001. — S. 78–83.
87. Repeckaya, A. L. Korrupciya kak element social'no-politicheskoy zhizni / A. L. Repeckaya // Sledovatel'. — 2009. — № 12 (140). — S. 40–42.
88. Repeckaya, A. L. Sovremennaya harakteristika i tendencii rossijskoj korrupcionnoj prestupnosti i osnovnye napravleniya bor'by s nej / A. L. Repeckaya // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii. — 2011. — № 3. — S. 126–130.
89. Shchedrin, N. V. O principah protivodejstviya korrupcii / N. V. Shchedrin // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 1. — S. 280–284.
90. Shchedrin, N. V. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo opredeleniya korrupcii / N. V. Shchedrin // Pravo i politika. — 2009. — № 7. — S. 1448–1452.
91. SHCHedrin, N. V. Opredelenie korrupcii v federal'nom zakone / N. V. SHCHedrin // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2009. — № 3. — S. 31–36.
92. Eminov, V. E. Konceptiya bor'by s organizovannoj i korrupcionnoj prestupnost'yu v Rossii / V. E. Eminov, S. V. Maksimov. — M.: Norma, 2015. — 80 s.
93. Eminov, V. E. Korrupcionnaya prestupnost' i bor'ba s nej / V. E. Eminov, S. V. Maksimov, I. M. Mackevich. — M. : Izdatel'skaya gruppа «Yurist», 2001. — 128 s.
94. Yani, P. S. V bor'be s korrupciej effektivny tol'ko repressii / P. S. Yani // Rossijskaya yusticiya. — 2001. — № 7. — S. 58–59.
95. Korrupciya v nalogovoj sfere : ucheb. posobie / Yani P. S., Grigor'ev V. A., Truncevskij Yu. V. [i dr.] ; Ros. akad. jurid. nauk pri podderzhke In-ta «Otkrytoe obshchestvo» (Fond Sorosa). — M.: Yurist, 2002. — 112 s.

Дата поступления статьи: 17.04.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЗУГЛЫЙ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3160>

E-mail: bezugly@bsu.edu.ru.

БЫЧКОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, декан факультета повышения квалификации, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

1250808, г. Москва, ул. Врубеля, д. 120.

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru.

ВИНОКУРОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. г. Челябинск.

ORCID: 0000-0002-9574-7865

E-mail: marysy_1108@mail.ru.

ВЫСКРЕБЦЕВ БОГДАН СЕРГЕЕВИЧ

Старший преподаватель, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Орский филиал.

462401, Оренбургская область, г. Орск, ул. Строителей, д. 25.

E-mail: mfa-orsk@mail.ru.

ГОЛОВКО ИРИНА ИВАНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

191014 Санкт-Петербург, Литейный проспект д. 44.

E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BEZUGLYY SERGEY NIKOLAYEVICH

Candidate of Law Science, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3160>

E-mail: bezugly@bsu.edu.ru.

BYCHKOV VASILIIY VASILYEVICH

Candidate in Law Sciences, Associate Professor, dean of the faculty of advanced training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

12 Vrubelaya Str., Moscow 1250808, Russian Federation.

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru.

VINOKUROVA MARIYA ALEKSANDROVNA

Candidate of Law Sciences, Lecture of Department of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian Pedagogical University.

Chelyabinsk, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-9574-7865

E-mail: marysy_1108@mail.ru.

VYSKREBTSEV BOGDAN SERGEYEVICH

Senior Lecturer, Moscow Financial and Legal University (MFLA), Orsk branch.

25 Stroiteley St., Orsk 462401, Orenburg region, Russian Federation.

E-mail: mfa-orsk@mail.ru.

GOLOVKO IRINA IVANOVNA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Professional Development, St. Petersburg Law Institute (branch) of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation.

44 Liteynyy prospekt, Saint-Petersburg 191014, Russian Federation.

E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru.

ДАРОВСКИХ ОЛЬГА ИГОРЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

ORCID: 0000-0002-8964-2362

E-mail: darovskikhoi@gmail.com.

DAROVSKIKH OLGA IGOREVNA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure, Criminalities and Forensics Department, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8964-2362

E-mail: darovskikhoi@gmail.com.

ЕГОРОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат медицинских наук, доцент, кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, д. 129.

<https://orcid.org/0000-0003-3747-5010>

E-mail: yegorov@narod.ru.

YEGOROV OLEG NIKOLAYEVICH

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Brat'yev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-3747-5010>

E-mail: yegorov@narod.ru.

ЗАКОМОЛДИН РУСЛАН ВАЛЕРЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права, Тольяттинский государственный университет.

445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

<https://orcid.org/0000-0002-8829-0211>

E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru.

ZAKOMOLDIN RUSLAN VALERYEVICH

Candidate of Law Sciences, Associate Professor; Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law of Togliatti State University.

14 Belorusskaya St., Togliatti 445020, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-8829-0211>

E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru.

ЗУЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры, Челябинский государственный университет, Троицкий филиал.

457100, г. Троицк, Челябинская область,
ул. Степана Разина, д. 9.

<https://orcid.org/0000-0003-4395-4982>

E-mail: zuevsergej@inbox.ru.

ZUYEV SERGEY VASILYEVICH

Doctor of Law Science, Associate Professor, Professor of the Department, Chelyabinsk state University, Troitsk Branch.

9 Stepan Razin Str., Troitsk 457100, Chelyabinsk region, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4395-4982>

E-mail: zuevsergej@inbox.ru.

КАБАНОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42.

<https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

E-mail: kabanovp@mail.ru.

KABANOV PAVEL ALEKSANDROVICH

Doctor of Law Science, Associate Professor, Professor of Criminal Law and the University of Kazan innovation process them. V. G. Timiryasova.

42, street Moscow, Kazan, Russia, 420111.

<https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

E-mail: kabanovp@mail.ru.

КАСИМОВ ДАМИР РИНАТОВИЧ

Аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Удмуртский государственный университет.

426034, г. Ижевск,
ул. Университетская, д. 1 (корп. 4).
E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

КОПЫЛ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России.

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

E-mail: kadovod@yandex.ru.

МАКАШОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА

Старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, д. 129.
E-mail: t.p.ish@mail.ru.

НОВИЧКОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

E-mail: qwerpoi07@rambler.ru.

ПАНКЕВИЧ НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН).

620049, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: n.pankevich@yandex.ru.

ПЕСТОВ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

E-mail: 79185927828@ya.ru.

KASIMOV DAMIR RINATOVICH

Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, Udmurt State University.

1 Universitetskaya Str. (bldg. 4), Izhevsk 426034,
Russian Federation.
E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

KOPYL DMITRIY VLADIMIROVICH

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

128 Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005,
Russian Federation.
E-mail: kadovod@yandex.ru.

MAKASHOVA TATYANA PAVLOVNA

Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and Law Enforcement Organization, Chelyabinsk State University.

129 BratyeV Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001,
Russian Federation.
E-mail: t.p.ish@mail.ru.

NOVICHKOVA YELENA YEVGENYEVNA

Assistant Professor, Department of Administrative Law and Administrative Activity of Department of Internal Affairs, East-Siberian Institute of MIA of Russia.

110 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russian
Federation.
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru.

PANKEVICH NATALYA VLADIMIROVNA

Candidate of Political Science, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16 Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg 620049,
Russian Federation.
E-mail: n.pankevich@yandex.ru.

PESTOV ROMAN ARKADYEVICH

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Administrative Law Department, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

83 Eremenko St., Rostov-on-Don 344015,
Russian Federation.

E-mail: 79185927828@ya.ru.

ПРОРВИЧ ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ

Доктор технических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

1250808, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12.

E-mail: kse60@mail.ru.

ПУЧКОВ ВЛАДИСЛАВ ОЛЕГОВИЧ

Соискатель, Уральский государственный юридический университет.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

ПУЧКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

<https://orcid.org/0000-0003-2147-3272>

E-mail: poa001@usla.ru.

РУДЕНКО ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН).

620049, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16.

E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

РЯБОКОНЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Ведущий юрист, юридическое агентство «Лигал Групп»; преподаватель по экономической безопасности и налоговым преступлениям, Сургутский государственный университет; подполковник полиции в отставке.

г. Сургут.

E-mail: rsi1982@mail.ru.

СИДОРОВ ЭДУАРД ТОМОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и административной деятельности полиции, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

143100, Московская область, Рузский городской округ, п. Старотеряево.

E-mail: set1965@yandex.ru.

PRORVICH VLADIMIR ANTONOVICH

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Law Sciences, Professor, professor of the department of criminal procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

12, Vrubelya Str., Moscow 1250808, Russian Federation.

E-mail: kse60@mail.ru.

PUCHKOV VLADISLAV OLEGOVICH

Applicant, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya St., Ekaterinburg 620137, Russian Federation.

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com.

PUCHKOV OLEG ALEKSANDROVICH

Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya St., Ekaterinburg 620137, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-2147-3272>

E-mail: poa001@usla.ru.

RUDENKO VALENTINA VIKTOROVNA

Candidate of Law Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16 Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg 620049, Russian Federation.

E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

RYABOKONEV SERGEY IVANOVICH

Leading lawyer, Legal Agency "Legal Group", Lecturer in Economic Security and Tax Crimes, Surgut State University, retired police lieutenant colonel.

Surgut.

E-mail: rsi1982@mail.ru.

SIDOROV EDUARD TOMOVICH

Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Police Activities, Moscow Regional Branch of V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Starotereyevo settlement 143100, Ruzsky urban district, Moscow Region, Russian Federation.

E-mail: set1965@yandex.ru.

СИДОРОВ ВЛАДИМИР ЭДУАРДОВИЧ

Преподаватель цикла социально-правовых дисциплин, Центр профессиональной подготовки ГИБДД ГУ МВД России по Московской области.

143152, Московская область,
Рузский городской округ, п. Старотеряево.

E-mail: Sidorov-v@list.ru.

ТИЩЕНКО АЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал.

454084, г. Челябинск, пр. Победы, д. 160.

E-mail: tichalen@mail.ru.

ЧЕРКАСОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

Преподаватель, кафедра оперативно-розыскной и административной деятельности, Дальневосточный юридический институт МВД России, Владивостокский филиал.

690087, г. Владивосток,
Приморский край, ул. Котельникова, д. 21.

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com.

ЧИСЛОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

E-mail: 944343@gmail.com.

ШМИДТ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия (РГУП), Уральский филиал.

454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63.

<https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

E-mail: Artem-shmidt@yandex.ru.

SIDOROV VLADIMIR EDUARDOVICH

Lecturer in Social and Legal Disciplines, Professional Training Centre of the State Traffic Police, Main Directorate of the Ministry of the Interior, Moscow Region, Russia.

Starotereyevo settlement 143152, Ruzsky urban district, Moscow Region, Russian Federation.

E-mail: Sidorov-v@list.ru.

TISHCHENKO ALENA VLADIMIROVNA

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Ural Branch of Russian State University of Justice.

160 Pobedy Avenue, Chelyabinsk 454084,
Russian Federation.

E-mail: tichalen@mail.ru.

CHERKASOV VIKTOR SERGEYEVICH

Lecturer, Department of the Operational-Investigative and Administrative Activities, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok Branch.

21 Kotelnikova St., Vladivostok 690087,
Primorsky Krai, Russian Federation.

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com.

CHISLOV ALEKSANDR IVANOVICH

Doctor of Law Sciences, Professor; Professor, Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya St., Tyumen 625049,
Russian Federation.

E-mail: 944343@gmail.com.

SHMIDT ARTEM ALEKSANDROVICH

Candidate in Law Sc., Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Ural Branch of the Russian State University of Justice (RSUJ).

63 Energetikov St., Chelyabinsk 454135,
Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

E-mail: Artem-shmidt@yandex.ru.

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом 8–15 страниц формата А4 должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые». Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к оформлению статей

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (150–250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (от 5 до 7 слов) на русском и английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля по 2 см с каждой стороны).
- Редактор — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- Размер шрифта (кегель) — 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») — 0,75 см.
- Междустрочный интервал — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Список литературы (ГОСТ Р 7.0.100-2018) — не менее 5 научных источников в алфавитном порядке на русском и английском языках (или в транслитерации [стандарт Госдеп. США]). Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Описания нормативно-правовых актов приводятся в виде подстрочных библиографических ссылок (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- После статьи указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты автора (обязательно).

При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами.

Для размещения статьи в нашем журнале к рукописи необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).
3. Аспирантам и соискателям ученой степени кандидата наук — рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://pravoporyadok74.pf>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://pravoporyadok74.pf>.

Редакция журнала